

ФИЛОСОФОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

IX

ПСКОВ
2021

ФИЛОСОФОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Сборник материалов
девярых Философских чтений*

Псков
Псковский государственный университет
2021

УДК 008+908
ББК 71+28.89
Ф562

Ф562

Философские чтения : Сборник материалов
девярых Философских чтений / Составители Ани-
симова Н. В., Иванова Т. Г.; редакторы Иванова Т. Г.,
Философова Т. Г. — Псков : Псковский государствен-
ный университет, 2021. — 146 с.

ISBN 978-5-00200-016-6

В сборник вошли доклады, прозвучавшие на IX Фило-
софовских чтениях. Основные направления исследований:
историко-культурное наследие дворянского рода Философо-
вых, государственная, общественная и культурная деятель-
ность Философовых, родословие и окружение Философо-
вых, историческое прошлое Бежаницкого края.

За точность цитируемого материала составители ответ-
ственности не несут.

УДК 008+908
ББК 71+28.89

ISBN 978-5-00200-016-6

© Администрация Бежаницкого района, 2021

· К ЧИТАТЕЛЯМ СБОРНИКА

6–7 августа 2020 года в Бежаницком историко-культурном центре Философовых прошла международная научная конференция «Историко-культурное наследие дворянского рода Философовых» — IX Философовские чтения. Конференция проходила в режиме онлайн. Формат конференции дал возможность подключиться к работе из разных уголков России и зарубежья. Участниками и слушателями Чтений стали сотрудники музеев, краеведы, ученые, исследователи из Польши, Канады, Литвы, Санкт-Петербурга, Москвы, Пскова, общественность Бежаницкого и соседних районов, представители Администрации Бежаницкого района.

В первый день конференции прозвучали доклады, основными темами исследований которых являлись общественная и культурная деятельность, творческое наследие Философовых, их родственные связи. Выступления второго дня были посвящены историческому прошлому Бежаницкого края.

В ходе конференции выступили постоянные участники Чтений: Философова Татьяна Георгиевна, представитель рода, ее аналитическая статья о деятельности музея открывает сборник; Иванова Татьяна Григорьевна, материал которой знакомит нас с личностью Триумфова А. В., связанного с Бежаницким краем по рождению; Шехурина Людмила Диодоровна, тема её изысканий — окружение Д. В. Философова. Зарубежному периоду жизни и творчеству Д. В. Философова посвящен доклад Ивоны Анны Ндзяй, представителя польского научного сообщества. В очередной раз приняли участие в Чтениях наши коллеги, музейные и библиотечные работники. Касаткина Светлана Вадимовна из Заволжского музея продолжила поиск новых фактов жизни и деятельности Философовых Костромской губернии. Из Вильнюсского музея А. С. Пушкина Петраускене Надежда Фаддеевна в докладе преподносит материал об усадьбе Маркутье Пушкиных Г. А. и В. А., неразрывно связанных с Философовыми села Усадище. Ксенофонтова Светлана Викторовна, заведующая Бежаницкой библиотекой, собрала и обобщила материал об открытии местных железнодорожных станций. Истории Бежаницкого края посвятили свои выступления Смирнова Татьяна Михайловна, учитель Чихачевской школы и Анисимова Надежда Владимировна, хранитель фондов Бежаницкого ИКЦ Философовых.

Приятно, что круг участников Чтений растёт. В 2020 г. впервые приняли участие в Философских чтениях: Вахромеева Оксана Борисовна из СПбГУ, её доклад о деятельности Анны Павловны Философовой; Цуканова Анна Валерьевна, студентка Института истории СПбГУ подготовила материал на основе изучения Дневника Д. В. Философова; Васильева Полина Ивановна, бежаницкий краевед, представила яркую картину провинциальной жизни I пол. XIX в. на примере расследования пожара в имении Цевло П. Н. Креницыной (ур. Философовой); Беляева Лидия Александровна, краевед из Великих Лук подробно осветила становление народного образования одной из волостей Бежаницкого района.

Сборник адресован широкому кругу читателей.

Издан на средства бюджета МО «Бежаницкий район» Псковской области.

*Анисимова Н. В.,
член оргкомитета IX Философских чтений*

Философова Татьяна Георгиевна
доктор экономических наук, профессор,
профессор НИУ ВШЭ,
член Русского генеалогического общества,
г. Москва, Россия
e-mail: tphi@mail.ru

**ИЗУЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ ДВОРЯНСКОГО РОДА
ФИЛОСОФОВЫХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЖАНИЦКОГО
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА.
К ОТКРЫТИЮ ДЕВЯТЫХ ФИЛОСОФОВСКИХ ЧТЕНИЙ**

***Аннотация:** Философовские чтения — это традиционная международная научно-практическая конференция, которая проводится в Бежаницком историко-культурном центре (ИКЦ) Философовых, созданном на базе поселкового историко-краеведческого музея. Деятельность ИКЦ в Бежаницах увеличила привлекательность Псковского края, а проводимые здесь междисциплинарные исследования позволяют открыть новые страницы российской и мировой истории. Долгое время информация о делах представителей рода Философовых находилась в разных городах и в разных странах. Благодаря новым технологиям и кропотливой работе организаторов мы можем и в условиях пандемии встретиться и обменяться результатами новых исследований, новыми идеями и планами. Судьбы представителей рода, как и любого старинного (древнего) дворянского рода тесно переплетены, а исследования не могут быть ограничены территорией одной губернии, рамками одной сферой человеческой деятельности. Одновременно подобные исследования связаны с необходимостью решения ряда проблем как нормативно-правового, так и морально-нравственного характера. И здесь роль Бежаницкого ИКЦ Философовых, выполняющего по сути функции исследовательского центра, а не только агрегатора информации, сложно переоценить.*

***Ключевые слова:** Бежаницкий историко-культурный центр Философовых, наследие Философовых, Философовские чтения.*

Tatiana Filosofova
Doctor of Sc (Economics), Professor,
Professor at the Higher School of Economics,
Member of the Russian Genealogical Society
e-mail: tphi@mail.ru

THE HERITAGE OF THE NOBLE FAMILY OF FILOSOFOV AND THE BEZHANITSKY' HISTORICAL AND CULTURAL CENTER

Annotation: This conference — is a traditional international scientific-practical conference, which is held in the Bezhanitsy' Historical and Cultural Center (ICC), formed on the basis of the local history museum. The activities of the ICC in Bezhanitsy have increased the attractiveness of the Pskov' region, and the interdisciplinary research carried out here allows opening new pages of Russian and world history. For a long time, the Filosofov family information was in different cities and in different countries. Now we can meet and exchange the results of new research, new ideas and plans in a pandemic, thanks to new technologies information and painstaking work of the organizers. The destinies of the representatives of the clan, as well as of any old (ancient) noble clan, are closely intertwined, and research can not be limited to the territory of one province, the framework of one human activity sphere. At the same time, such studies are associated with the need to solve a number of problems, both of a regulatory and legal, and of a moral and ethical. And here the role of the ICC Filosofov's, which essentially performs the functions of a research center, and not just an aggregator of information, can hardly be overestimated.

Key words: Bezhanitsky Historical and Cultural Center of Filosofov's, Heritage of Filosofov's, Filosofovskie Readings.

Дорогие друзья, рада поздравить Вас с началом работы очередных Философовских чтений. Пандемия COVID-19 внесла свои коррективы, но не отменила очередную встречу исследователей, только переместила ее в виртуальное пространство.

Философовские чтения — это традиционная международная научно-практическая конференция, которая проводится в Бежаницком историко-культурном центре (ИКЦ) Философовых, созданном на базе поселкового историко-краеведческого музея. Благодаря новым технологиям и кропотливой работе организаторов мы можем как и прежде встретиться и обменяться результатами новых исследований, новыми идеями и планами.

И, как всегда, в итоговом сборнике материалов чтений тесно переплетутся семейные предания, анализ мемуаров, результаты исследования архивных документов, открывая новые неизвестные до настоящего времени странички, одновременно формируя базу для дальнейших исторических, литературных, генеалогических и др. исследований.

Каждая встреча на Псковской земле — это очередной шаг на пути объединения культурно-исторического наследия древнего рода Философовых, восстановление исторической справедливости в оценке деятельности его представителей разных поколений, более глубокое понимание взаимосвязей в исторических событиях, заполнение «белых пятен» в знании о прошлом России, систематизация и обобщение фактов, а иногда и пересмотр существующего знания, новая интерпретаций событий.

На начальном этапе становления традиции Философовских чтений я говорила о необходимости проведения комплексных систематизированных исследований в разных областях и сферах деятельности представителей рода. Объективной основой именно систематизированных исследований является то, что как природная, так и общественная реальность представляет собой совокупность взаимосвязей и взаимодействий.

Темой своих исследований я выбирала судьбы и дела представителей разных поколений всех веточек рода, а не только представителей прямой линии, той, к которой принадлежали мои отец, дед, прадед...¹

¹ Подробнее, см. Философова Т. Г. Несколько слов о Философовых // Философовские чтения. Сборник статей первых философских чтений. — Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2005. С. 26–40.

Философова Т. Г. За скупыми строчками формулярных списков // Философовские чтения: Сб.ст. вторых Философовских чтений. — Псковская обл., пос. Бежаницы: изд-во ИП Брянцев А. М., 2006. С. 43–49.

Философова Т. Г. Философовы в XVIII–XIX веках // Философовские чтения: Сб. статей третьих Философовских чтений. — Псков: АНО «ЛОГОС», 2008. С. 13–21.

Философова Т. Г. Вклад дворянского рода Философовых в становление и развитие Российской государственности // Философовские чтения. Сб. материалов пятых Философовских чтений. — Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2011. С. 21–29.

Философова Т. Г. Культурное наследие, как базис формирования личности человек // Философовские чтения: Сб. материалов четвертых Философовских чтений. — Псков: ООО «ЛОГОС», 2011. С. 4–16.

Философова Т. Г. Опережающий время: творчество, бизнес и PR в жизни Дягилева // В сб. тр. Международной научной конференции «В кругу Дягилева. PR как секрет успеха». — СПб., 2016. 100 с.

Философова Т. Г. Сохраняя беспристрастность: Марк Дмитриевич Философов // Философовские чтения: Сб. материалов шестых Философовских чтений. — Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2013. С. 158–167.

Философова Т. Г. У истоков мира искусства // Философовские чтения. Сборник материалов VII Философовских чтений. — Псков: ООО «ЛОГОС», 2017. С. 58–75.

Это представители фамилии, которые жили в разных губерниях и разных городах. Придерживаюсь этой позиции и сейчас. Судьбы представителей рода, как и любого старинного (древнего) дворянского рода тесно переплетены и исследования не могут быть ограничены одной локацией, одной сферой человеческой деятельности². Рада, что постепенно это реализуется и круг участников чтений расширяется.

Говоря о положительных изменениях в части популяризации наследия Философовых, не могу не сказать и о другой стороне, о проблемах, с которыми приходится сталкиваться.

Встречаются авторы и сайты, которые не соблюдают авторское право и закон о защите персональных данных, а также самые простые правила работы с информацией, используют непроверенную информацию. Не соблюдают и элементарные морально-этические нормы.

Если использование научных методов при проведении исследования необходимо для обеспечения объективности полученных результатов, то соблюдение правовых норм необходимо для обеспечения не только законности самого исследования, но и последующей публикации его результатов. Но не менее важно соблюдение исследователями морально-нравственных принципов. Любое историческое или генеалогическое исследование может быть связано с семьями наших современников, с людьми, которые по разным причинам могут не желать публичного освещения подробностей своей жизни и/или жизни их ближайших родственников. И хотя это право защищается законом, тем не менее беспринципность «желтой прессы» все чаще проникает в генеалогические, исторические публикации, некоторые из которых носят черты «подглядывания в замочную скважину», другие содержат субъективные предположения, необоснованные домыслы авторов, которые впоследствии тиражируются, подаются широкой публике как реальные факты и успешно коммерциализируются. Соблюдение морально-нравственных норм общества в публикациях чрезвычайно важно: это нужно не только людям ушедшим, это нужно прежде всего живущим, новым поколениям.

Философова Т. Г. Родословная Философовых: искусство, экономика, государственная служба как взаимосвязь поколений // Философовские чтения. Сборник материалов VIII Философовских чтений. — Псков, 2019. С. 111–130.

² Например, см. Философова Т. Г. Несколько слов о Философовых // Философовские чтения. Сборник статей первых философских чтений. — Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2005. С. 26–40; Философова Т. Г. За скупыми строчками формулярных списков // Философовские чтения: Сб. ст. вторых Философовских чтений. — Псковская обл., пос. Бежаницы: изд-во ИП Брянцев А. М., 2006. С. 43–49.

Основной вопрос, на который необходимо ответить при публикации того или иного материала, и особенно публикаций личных документов, даже тех, доступ к которым не ограничен законом — это вопрос о цели такой публикации. Одновременно, в последнее время появляются работы с дежурной универсальной формулировкой «ввести в научный оборот», при том главная цель (в т.ч. и при публикации отдельными авторами архивных материалов) остается не сформулированной.

Истории рода призвана рассказывать не о личной жизни наших пращуров. «Личную» историю те, кто считал это необходимым, сохранили, передали членам своей семьи, своим потомкам: детям, внукам. История рода важна в связке с историей страны, с историей воинского подвига, развития промышленности, науки, искусства, литературы, живописи и пр. И здесь роль Бежаницкого ИКЦ Философовых, выполняющего по сути функции исследовательского центра, а не только агрегатора информации, сложно переоценить: ИКЦ первым сумел собрать и продолжает расширять коллекцию фотографий и биографий представителя рода, разыскал и первым начал исследования материалов дневника В. Д. Философова и др.

Использование новых технологий, в частности активное ведение сайта и странички в социальных сетях, позволяет не только следить, но и участвовать в этой работе всем заинтересованным людям далеко от Псковской области. Самые различные мероприятия, встречи, беседы, выставки организуются в ИКЦ, который стал центром культурной жизни не только поселка Бежаницы.

Когда-то Анна Павловна Философова не без основания сказала о своем доме, о своей семье: «Мир искусства» зачался у нас»³. Сегодня можно говорить, что деятельность ИКЦ Философовых, размещенного в доме, построенном Дмитрием Александровичем Философовым практически на рубеже веков, расположенном недалеко от старинной усадьбы Дмитрия Николаевича и Владимира Дмитриевича Философовых, хранит традиции рода, а органичное переплетение в деятельности ИКЦ настоящего и прошлого, усиливает интерес как к событиям, происходившим когда-то как в этом районе Псковщины, так и к истории России в целом. А разве можно эффективно строить будущее без знания и осмысления прошлого?

---

³ Философова Т. Г. У истоков мира искусства // Философовские чтения. Сборник материалов VII Философовских чтений. — Псков: ООО «ЛОГОС», 2017. 216 с.

Вахромеева Оксана Борисовна
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, Россия
e-mail: voxana2006@yandex.ru

ВКЛАД А. П. ФИЛОСОФОВОЙ В УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИН В РОССИИ

***Аннотация:** В статье изложена эволюция общественных взглядов одной из шестидесятниц — А. П. Философовой (17 августа 1837 — 30 марта 1912), чья деятельность была направлена на изменение положения женщин в обществе. Она имела непосредственное отношение к зарождению идеи университетского образования женщин в Российской империи и поддержанию к ней устойчивого интереса как в общественных кругах, так и среди высокопоставленных чиновников, от решений которых зависела судьба женской высшей школы. К идее классического женского университета героиня пришла постепенно, первоначально сосредоточившись на равенстве мужчин и женщин в сфере труда.*

***Ключевые слова:** А. П. Философова, женское движение, общественная деятельность, Бестужевские курсы.*

Oksana Vakhromeeva
Saint Petersburg State University
industrial technologies and design, Russia

A. P. FILOSOFOVA'S CONTRIBUTION TO THE UNIVERSITY EDUCATION OF WOMEN IN RUSSIA

***Abstract:** The article describes the evolution of public views of one of the sixties — A. P. Filosofova (August 17, 1837 — March 30, 1912), whose activities were aimed at changing the position of women in society. She was directly related to the birth of the idea of university education for women in the Russian Empire and maintaining a steady interest in it both in public circles and among high-ranking officials, on whose decisions the fate of women's higher education depended. The heroine came to the idea of a classic women's university gradually, initially focusing on the equality of men and women in the world of work.*

***Key words:** A. P. Filosofova, women's movement, social activities, Bestuzhev Courses.*

«Умным сердцем» называл Анну Павловну Философову (в девичестве Дягилеву) русский писатель Ф. М. Достоевский [1, л. 6]. Она была ярчайшим общественным явлением своего времени. Личность Анны Павловны притягивала к себе внимание современников, публицистов, писателей, художников: «Во-первых, она была красавица; во-вторых, прекрасно образованная и светская женщина; в-третьих, жена статс-секретаря, главного военного прокурора, то есть министра юстиции по военному ведомству (В. Д. Философова (1820–1894), за которого Анна Павловна вышла замуж в 1855 г. — *О. В.*)» [2, с. 301].

Как о незаурядной натуре об А. П. Философовой писали ее биографы и современники (В. В. Черкесова, А. А. Плансон, Е. Писарева, А. С. Изгоев, А. В. Тыркова, А. Ф. Кони, О. К. Буланова-Трубникова), историки общественного движения и «женского вопроса» (И. Б. Брайнин, Г. А. Тишкин), специалисты по гендерной истории и исторической феминологии (И. И. Юкина, Н. Л. Пушкарева). Только уникальная личность способна удержать внимание исследователей столь долгий промежуток времени. Так, в начале 1990-х гг. литературовед Нина Абрамова Рабкина крупными штрихами набросала портрет героини: «Бурный общественный темперамент Философовой, высокое официальное положение и красивая, цветущая внешность позволяли вести себя иногда независимо, возмущаться громко, называть в частных письмах царское правительство «шайкой разбойников». Она считала себя последовательницей Некрасова и Чернышевского, шестидесятницей, безапелляционно судила и «властителей дум», и властей предрежущих. И эта светская красавица обожала государя, страшилась революционных крайностей и в письме от 10 сентября 1876 г. подобострастно благодарила военного министра Д. А. Милютина за царскую милость — пожалование 2500 рублей на воспитание детей» [3, с. 293–294].

В дореволюционной России общественная деятельность А. П. Философовой как передовой дворянки, наряду с благотворительными и просветительскими проектами М. В. Трубниковой, Н. В. Стасовой, Н. А. Белозерской, Е. И. Лихачёвой и других деятельниц, происходила из возникшей потребности служения «белой кости» своему народу; не имея под собой политической и экономической платформы, такого рода инициатива способствовала росту саморазвития женщин разных сословий, что неизбежно влекло за собой ломку их стереотипного поведения в обществе [4, с. 6].

Известный юрист и правозащитник А. Ф. Кони, друживший долгие годы с семейством Философовых, в своих воспоминаниях посвятил ей отдельный очерк — «Памяти А. П. Философовой», в котором записал:

«В груди Анны Павловны Философовой билось отзывчивое и чуткое сердце, и поводы для проявления этих его свойств давала не бессодержательная светская жизнь, а действительное знакомство с печальными сторонами и неболевшими потребностями русской жизни» [5, с. 324].

Уникальным явлением общественной жизни России середины XIX в. была борьба небезучастных членов общества в рамках функционирования различных кружков, союзов и объединений с проявлениями несправедливости и жестокости, косности и дикости. В конце 1850-х г. А. П. Философова познакомилась, подружилась, а позже сошлась духовно с Надеждой Васильевной Стасовой (1822–1895) и Марией Васильевной Трубниковой (1835–1897). Так сформировался знаменитый триумvirат — М. В. Трубникова, Н. В. Стасова и А. П. Философова, члены которого обладали удивительной способностью — сплачивать вокруг себя талантливых людей, заинтересованных и равнодушных современников [4]. «Головой триумvirата была Мария Васильевна, душой — Надежда Васильевна, а сердцем — Анна Павловна» [4, с. 82].

Стасова и Трубникова первоначально выступали чуткими наставницами Философовой, которая думала с пылкостью только о том, как принести пользу угнетаемым и недостаточным людям. Сама Анна Павловна судила себя строго и называла «невежественной в общественных вопросах». Напротив, ее товарки, видя в ней неисчерпаемый потенциал в деле служения обществу, по словам мемуаристки О. К. Буланой-Трубниковой, своим обаянием, тактичностью, одобрением ее помыслов, направляли Анну Павловну, давая ей почитать нужную книгу [6, с. 77].

Н. В. Стасова считалась душой всех первых женских объединений в столице. Она была типичной представительницей петербургского семейства Стасовых, отзывчивая и чуткая, без ярких внешних данных, скромная, неизменно одетая в шерстяное чёрное платье, часто остававшаяся незаметной в пышных собраниях. Общественный и государственный деятель второй половине XIX в. А. А. Плансон называл Надежду Васильевну «богатырем в душе, непобедимым борцом на поприще благотворительности, состоящей не в подаче милостыни, а в действительной материальной и духовной помощи тем, кто нуждался в ней» [2, с. 300].

М. В. Трубникова, по воспоминаниям М. А. Менжинской, выступала «идеальным сочетанием развитого ума, стойкости характера, горячности и отзывчивости» [7, с. 38]. Даже в самых горячих спорах, дав высказаться другим, уважая чужое мнение, «стойко и ясно формулировала свои собственные взгляды», чем неминуемо находила сторонников собственной точки зрения [8, с. 15].

В конце 1850-х гг. у М. В. Трубниковой в доме Н. В. Стасова, А. П. Философова, В. В. Ивашёва-Черкесова, Н. А. Белозерская, баронессы Корф и Штакельберг обсуждали идею создания благотворительного общества. В «Очерке 25-летия деятельности Общества дешёвых квартир» в 1886 г. В. В. Черкесова писала, что после Песков Общество наняло две небольшие квартиры в центре города, затем квартиру на Васильевском острове в доме Ремеса (через три года Общество купило дом у его владельца). А. П. Философова вспоминала, что в Обществе было две партии — немецкая и русская. Представительницы первой настаивали на праве наблюдения и контроля над теми, кому они будут оказывать помощь. Русская партия не допускала такого права, считая, что «жилицы и их семейства не подначальны им, а совершенно свободны и дело нового Общества помогать им жить, а не командовать ими». Немецкая партия отделилась и основала самостоятельную организацию [9, с. 63].

В 1862 г. правительство разрешило открыть «Общество женского труда», идея создания которого происходила из опыта деятельности «Общества дешёвых квартир». Складывалась ситуация, при которой «жилицы не могли оплачивать комнаты по 5–8 руб. в месяц, стали расти недоимки, а они жаловались, что нет работы». Инициаторами нового Общества стали полковник П. Л. Лавров и поручик А. К. Кривошеин (впоследствии ставший министром путей сообщения). Был составлен и Устав Общества, которое возглавили В. Н. Ростовцева и А. П. Философова. Но на первых же собраниях, происходивших дома то у М. В. Трубниковой, то у А. П. Философовой, где собиралось до 60 человек, стало ясно, что большее число участников составляли «нигилистки, которые записываются как аристократки». Общество было распущено, ещё официально не открывшись [4, с. 80].

В 1863 г. М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой пришла идея организации «Общества переводчиц и издательниц» для поддержания деятельным занятием женщин из разночинной среды. Устроительницы «в короткое время сгруппировали вокруг себя кружок из 36 женщин, составили проект Устава Артели переводчиц», и, не дожидаясь его утверждения, приступили к работе. Среди членов кружка (Н. А. Белозерская, А. Н. Энгельгардт, М. Г. Ермолова, Е. Г. Бекетова, М. С. Ольхина, В. Н. Ростовцева, А. Г. Маркелова, В. И. Печаткина, П. С. и Н. В. Стасовы, М. А. Менжинская, В. В. Ивашёва-Черкесова, А. Ф. Шакеева, О. Н. Бутакова, Е. А. Штакеншнейдер, А. Н. Шульговская и другие) была и Анна Павловна Философова. Мария Васильевна и Надежда Васильевна были избраны распорядительницами нового объединения, а В. В. Черкесову исполняла обязанности секретаря [4, с. 81]. Данное начинание было весьма успешным и просуществовало много лет.

1860-е гг. стали первым этапом общественного служения А. П. Философовой, когда она, по словам А. С. Изгоева, «защищала женскую эмансипацию» [10, с. 8]. Бывшая бестужевка Е. Ю. Мельникова, более полувека преподававшая в средней школе русский язык и литературу, член Ленинградского объединения и Московского бюро 1960–1970-х гг., отмечала в своих материалах: «Анну Павловну сформировали шестидесятые годы, когда голоса «Современника» и «Колокола» Герцена будили общественную совесть, заставляли пересматривать многих, казалось бы, непреложные законы их существования. Любимым поэтом Анны Павловны был Некрасов. Жизнь «ликующих, праздно болтающих» перестала удовлетворять её. Жена сановника, светская красавица, она, увидев скорбные картины народного бедствия, не отвернулась от них. «Корень зла в больших налогах и в бедности рабочего люда», — писала она своему мужу. Она открыла школу для крестьянских детей в имени мужа — это была первая школа в уезде» [1, л. 6–7].

Всемирно известный профессор М. М. Ковалевский, в начале 1910-х гг. рассказывавший слушательницам Бестужевских курсов о судьбах пионерок женского движения, вспоминал: «Все начинания Философовой были жизнеспособны. С поразительной неутомимостью, сочетая энтузиазм со здравым смыслом, работала Анна Павловна одновременно в разных обществах, отдавая им всю душу («Обществе дешёвых квартир», «Обществе переводчиц и издательниц», воскресных школах, «Комитете грамотности», «Лиге образования» и других). Она, пользуясь своими связями, знакомствами с влиятельными людьми, добивалась и сочувствия, и поддержки, и тем способствовала торжеству задуманного дела.

Но основной заслугой Анны Павловны было её участие в борьбе за высшее образование для женщин. Это было очередное важное дело в России, и Анна Павловна посильно служила ему до конца своих дней. Её авторитету, обаянию её личности в значительной степени обязан Комитет Общества для доставления средств Санкт-Петербургским Высшим женским курсам тем притоком средств, которые поступали для поддержания ещё хилых ростков высшего женского образования. Ведя борьбу с темнотой, неправием и беспощадностью, Анна Павловна убедилась в невозможности решения социальных вопросов без преобразования политического строя страны и отдала своё сочувствие борцам за политическую свободу» [11, с. 19].

Е. Писарева, автор первого монографического исследования об А. П. Философовой, полагала, что создавать подробную биографию её героини, «значит, написать историю русского просвещения за истек-

шие полвека». Автор справедливо отмечала, что «в русскую историю А. П. Философова войдёт как одна из тех больших индивидуальностей, которые идут во главе своего века, самоотверженно прокладывая новые пути для других» [12, с. 3].

Дом Философовых в Петербурге считался самым популярным местом, куда в течение 20 лет стекались люди из разных слоев общества на почве одних и тех же гуманных идеалов. Недаром любимым девизом Анны Павловны были слова — «сила в единении». Искренняя вера в свое дело придавала ей неотразимую силу; она умела не подчинять людей, а заражать их своей верой и объединять общей идеей [13, с. 10].

Салоны и собрания позволяли А. П. Философовой собирать средства в пользу учащейся молодежи для устройства публичных лекций и женских курсов. Это были многолюдные литературные вечера с участием профессоров и педагогов, и блестящие концерты, на которых пели знаменитости (Патти и Нильсон). Вечера эти приносили немалые суммы для поддержки зарождавшегося высшего женского образования. А. Ф. Кони отмечал: «Анна Павловна делила свой труд пчелы с другими, но в роли муравья ей всегда принадлежало первое место. Она была проникнута в общественном отношении любовью деятельной и торопливой, и отдаваясь условиям и обстановке светской жизни, всегда умела их использовать для дорогих ей начинаний» [5, с. 326].

В 1909 г. на чествовании пятидесятилетия своей общественной деятельности А. П. Философова была удостоена 29 адресов (она была членом около 50 благотворительных обществ и организаций), множества телеграмм и речей, прочтение которых заняло более трёх часов. Анна Павловна получала поздравления из провинции и из-за границы, от обществ и частных лиц. Женщины России, Европы, Австралии, Канады, Америки, Японии хотели выразить признательность её заслугам в деле завоевания ими права на труд, образование и независимость [4, с. 89–90].

Во второй половине 1860-х гг. в кружке М. В. Трубниковой возникла мысль придать делу высшего женского образования «необходимую внешнюю форму». В декабре 1867 г. в Санкт-Петербурге открылся первый Съезд естествоиспытателей и врачей, куда издательницей Е. И. Конради была подана записка от имени кружка женщин, в которой говорилось о положении женщин в обществе и об их желании получать высшее образование [9, с. 459–501]. В своём порыве просительница действовала наудачу.

В октябре 1868 г. на квартире М. В. Трубниковой собралось почтенное собрание в составе 43 человек совета профессоров Санкт-

Петербургского университета и около 50 человек дам-организаторов учебного заведения для женщин. В числе собравшихся были: председатель Медико-хирургической академии П. А. Наранович, профессора и преподаватели университета — А. Н. Бекетов, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Д. Градовский, Д. И. Менделеев, Н. А. Меншуткин, О. Ф. Миллер, Ф. В. Овсянников, К. А. Поссе, Ф. Ф. Петрушевский, И. М. Сеченов, Н. С. Таганцев, А. С. Фаминцын, Ю. Э. Янсон и другие; шестидесятницы — А. П. Философова, Н. В. Стасова, М. В. Трубникова, В. Н. Ростовцева, В. П. Тарновская, Н. А. Белозерская, А. П. Шульговская, В. В. Ивашёва-Черкасева, В. И. Печаткина, М. А. Менжинская, А. Н. Энгельгардт, В. А. Иностранцева, Е. Г. Бекетова, Е. Н. Воронина, А. Н. Анненская, О. А. Мордвинова, О. Н. Рукавишникова, М. К. Цебрикова, О. А. Шапир и другие [4, с. 103].

Встреча завершилась благоприятным исходом — профессора поддержали идею устройства женского университета, обещали помочь в составлении программ. Подобные встречи преподавателей университета и учредительниц Бестужевских курсов неоднократно повторялись. С помощью профессоров был сделан первый шаг в сторону договоренности с правительством. Именно присутствие профессора А. Н. Бекетова на ноябрьской встрече 1868 г. с министром народного просвещения Д. А. Толстым поддержало А. П. Философова, Н. В. Стасову и А. Р. Воронину, просивших об открытии первого в России университета для женщин. Однако министр разрешил вместо «правильных, дельных, отнюдь не популярных женских курсов» «публичные лекции, совместные для мужчин и женщин» [4, с. 104].

Н. В. Стасова вспоминала об этой встрече: «Разговор был довольно странный. Первое, что министр ответил на нашу просьбу, было: «А деньги? Вы говорите, что денег нет, и хотите содержать университет только сборами со слушательниц. Да ведь это немыслимо ... Но Министерство субсидии не может дать ... никак». Министр много, много препирался и говорил, что это затея нашего кружка, что это совсем не надо для женщин, что она выйдет замуж и все науки в сторону, и что этого только малое число желает ... В конце концов, граф Толстой заявил: "Я должен вам сказать, что, наверное, император не разрешит университета. Всё, что можно будет устроить, я думаю, это публичные лекции"» [14, с. 180–181].

Официальный ответ на прошение устроительниц последовал 21 декабря 1868 г. на имя жены тайного советника А. П. Философовой. Он состоял из письма попечителя Санкт-Петербургского учебного округа князя П. И. Ливена и приписки министра графа Д. А. Толстого.

П. И. Ливен сообщал, что «главною заботою в настоящее время должно быть не открытие для женщин университетских курсов, а устройство и поддержание таких учебных заведений, в которых бы они могли получать образование, преимущественно для женщины необходимое, пожелает ли она быть истинною матерью, или только полезным членом своего или чужого семейства» [15, л. 53 об.]. Попечитель также посоветовал организаторам «ожидать осуществление своих замыслов от того ведомства, где сосредоточено женское образование», указывая, таким образом, на Ведомство императрицы Марии.

Д. А. Толстой добавил от себя следующее: «Сочувствуя стремлению женщин получить высшее образование, я полагаю бы в настоящее время наиболее удобным: устроить для сего общие публичные лекции, то есть совокупно для мужчин и женщин, на основании существующих ныне о публичных лекциях постановлений, буде гг. профессора университета изъявят на это согласие» [16, л. 4—4 об.].

Министр был вынужден задержаться с полным ответом, так как ожидал реакции шефа жандармов П. А. Шувалова на свое послание. Последний в письме от июля месяца 1869 г. ответил категорическим отказом на открытие курсов, сославшись на несколько причин: курсы предназначались исключительно для женщин (П. А. Шувалов отдавал предпочтение курсам смешанного типа); курсы предполагали излишне серьезную программу; чиновник отклонил просьбу в публикации объявлений о сборе пожертвований в пользу нового женского учебного заведения в печати [17, с. 26].

Но организаторы уже действовали. Аларчинские женские курсы, открытые в качестве дополнительного образования для «взрослых девиц и замужних дам» в виде вечерних лекций, начали свою работу 1 апреля 1869 г. Их инициаторами выступили: редактор журнала «Учитель» И. И. Паульсон и группа преподавателей V Петербургской мужской гимназии (И. Ф. Рашевский, В. А. Евтушевский, К. Краевич и А. Я. Герд).

15 мая 1869 г. Совет профессоров столичного университета подал прошение графу Д. А. Толстому о дозволении профессорам читать лекции на публичных курсах. Но министр отказал в этой просьбе, т.к. официально курсы еще не были разрешены. Состав преподавателей Аларчинских курсов оставался неизменным. «Читали на них: арифметику, алгебру и геометрию — Страннолюбский и Стрекалов; физику — Фан-дер-Флит и Краевич; естественные науки — Герд; русский язык — Рашевский; педагогику — Паульсон» [18, с. 37].

Выработкой программ лекций занималась комиссия профессоров, состоявшая из профессоров университета А. Н. Бекетова, Д. И. Менделеева, Ф. В. Овсянникова. Арендой помещения, финансовым обеспечением и хозяйственной частью занимался Комитет, в который входили организаторы курсов — А. П. Философова, М. В. Трубникова и Н. В. Стасова. Основным доходом Комитета была плата за слушание лекций, но она поступала не регулярно и не удовлетворяла необходимым затратам.

Публичные курсы располагались у Аларчина моста в трехэтажном каменном доме по адресу: угол проспекта Римского-Корсакова, д. 73 и Английского проспекта, д. 33. Жилой дом, выстроенный неизвестным столичным архитектором в 1821–1824 гг., спустя 20 лет был приспособлен под Аларчинскую гимназию. Здание вновь подверглось перестройке в 1878–1880 гг.

После закрытия Аларчинских курсов как не систематических, новые университетские Владимирские курсы начали свою работу 2 января 1870 г. Триумвирату в пользу курсов впервые удалось устроить концерт, литературный вечер и лотерею; в концерте приняли участие знаменитый скрипач Ауэр, пианист Лемтицкий и певица А. А. Хвостова.

До февраля 1871 г. курсы размещались в здании Министерства внутренних дел рядом с Александринским театром на Театральной улице (ныне улица Зодчего Росси). Пытаясь избавиться хотя бы отчасти от ведомственной опеки, организаторы высшей женской школы (А. Н. Бекетов, О. Ф. Миллер, А. П. Философова и Н. В. Стасова) сбились с ног в поисках нового помещения. Выход был найден. Организаторы лекций воспользовались предложением начальника Санкт-Петербургских женских гимназий И. Т. Осинина, и в течение нескольких месяцев находили приют в правом (восточном) крыле Императорского Санкт-Петербургского Историко-филологического института (Университетская набережная, д. 11). Последним пристанищем курсов, с 1874 г. ставших преимущественно женских, стала низенькая зала Владимирского уездного училища, здание которого было выстроено после 1870 г. по адресу: Владимирский проспект, д. 21 (до наших дней здание не сохранилось; в 1980-е гг. на его месте началось строительство вестибюля станции метро «Достоевская»).

Слушатели обоего пола заполнили аудитории, профессорско-преподавательский состав, преимущественно из университетской корпорации, читал лекции и вел практические занятия. Частенько в числе слушателей появлялся скромно сидевший на последней скамье граф Д. А. Толстой и с интересом слушал лектора.

Большинство предметов были рассчитаны на систематическое чтение в течение двух лет. Практические занятия для большей наглядности переносились на праздничные и воскресные дни, когда университетские кабинеты и лаборатории, свободные от студентов, открывались для женщин, не желавших «свободы от науки». В разное время на Владимирских курсах читали: русскую историю К. Н. Бестужев-Рюмин, историю русской литературы О. Ф. Миллер, ботанику А. Н. Бекетов, зоологию Н. П. Вагнер, анатомию Ф. В. Овсянников, химию Д. И. Менделеев, органическую химию А. М. Бутлеров, физиологию растений А. С. Фаминцын, древнюю историю Соколов, физиологию человека И. И. Сеченов, геологию А. А. Иностранцев, уголовное право Н. С. Таганцев, государственное право А. Д. Градовский.

Несмотря на то, что публичные лекции для мужчин и женщин были открыты как постоянно действовавшее учебное заведение, профессора были вынуждены ежегодно обращаться к попечителю учебного округа и министру народного просвещения с просьбами о продлении начатых ими чтений на курсах (что ставило последние на положение временного учебного заведения). Так, «профессорам университета: А. Бекетову, О. Миллеру, Ф. Петрушевскому и Ф. Овсянникову разрешено в будущем 1871–1872 уч. г. по примеру прошлого года чтение публичных лекций для лиц обоих полов и на общем законном основании; с предоставленными программами» [19, л. 9].

В отличие от Аларчинских курсов в новом учебном заведении лекции носили «определенный систематический характер»; их программы просматривали в III Отделении Собственной его императорского величества канцелярии (из-за чего чтения по некоторым предметам задерживались на несколько месяцев). В лекционных курсах предпочтение отдавалось естественным наукам. Комитет по-прежнему ведал хозяйственной частью и доставлением средств (основным доходом оставалась плата за слушание лекций). Министерство народного просвещения дважды отпускало средства на ремонтные работы в здании Владимирского уездного училища. Других средств для поддержания курсов со стороны правительства не выделялось [20, с. 289–290].

Дамы-учредители и профессора сплывались в своей работе по поддержанию публичных лекций. Примером тому служит письмо А. П. Философовой к А. М. Бутлерову 1875 г.: «Дорогой и многоуважаемый Александр Михайлович, обращаюсь к Вам как председательница Владимирских курсов; наша общая просьба — читать по пятницам от 6–8 вечера химию. Не откажите в нашей покорнейшей просьбе. Слушательницы просто нам проходу не дают и просят передать вам их покор-

нейшую просьбу» [21, л. 1]. К письму прилагалась записка следующего содержания: «Ученье — свет, а не ученье — тьма», говорит пословица; «смелость города берут», говорит другая: повинуюсь их внушениям, я решаюсь просить Вас, г. профессор, прийти на помощь людям, сильно нуждающимся в свете. Дело в том, что, как Вам известно, в программе лекций естественных наук, в здании Владимирского училища, замечается прискорбное отсутствие химии, несмотря на единодушное желание лиц, посещающих эти лекции, серьёзно заняться её изучением. Но что значит в подобном случае желание одной стороны, когда его не разделяет другая, держащая в руках священный огонь знания. Конечно, задача Прометея меркнет в грандиозности, когда перед ним, вместо высоких Кавказских гор — низенькая зала уездного Владимирского училища, вместо всего человечества — детская горсть людей, когда, наконец, время, отданное в его распоряжение — неумолимо ограничивается двумя часами (по пятницам от 6 до 8). Но не тем ли именно велик и трогателен подвиг, созданный человеческой фантазией, что для совершения его — гордый Небожитель спустился на землю, что он понял, горячо принял к сердцу нужды бедных смертных и великодушно наделил их тем, чего им не было предоставлено? Эта мысль невольно вызывает надежду, что Вы, г. профессор, согласитесь, наконец, снизойти к нашей просьбе и принять благородное участие в искоренении печальной привилегии, которой до последнего времени так широко пользовались женщины и которая заслужила чёткое прозвание «свободы от науки». Одна из слушательниц Владимирских лекций училища» [21, л. 2–3].

В 1875 г. Владимирские курсы были закрыты по распоряжению министра Д. А. Толстого. Граф Дмитрий Андреевич Толстой относился к идее высшего женского образования благосклонно, но с большой долей осторожности. Поборник «сильной власти», сторонник реформ периода императора Александра II и контрреформ эпохи императора Александра III, он много сделал для народного просвещения России в период своего министерства: во второй половине 1860-х гг. произвёл преобразование в учебных заведениях духовного ведомства, в первой половине 1870-х гг. провёл реформу среднего образования, в 1860–1870-е гг. в столице был открыт Историко-филологический институт, в Варшаве университет, в Новой Александрии сельскохозяйственный институт, в Лейпциге русская семинария для подготовки учителей древних языков, кроме того при нём лицей в Нежине был преобразован в Историко-филологический институт, а лицей в Ярославле получил новый статус, будучи реорганизованным в юридический лицей [4, с. 113].

В 1873 г. по доносу профессора А. И. Полунина, работавшего в медицинской университетской клинике, стало известно, что имеет хождение анонимное письмо-воззвание из Цюриха под названием «Русским цюрихским студенткам», которое содержало возмутительные и оскорбительные высказывания в адрес правительства Российской империи и было предназначено для распространения в России. 19 мая 1873 г. очередная государственная комиссия, созданная с целью допущения лиц женского пола к университетскому обучению, пришла к выводу о необходимости специального рассмотрения вопроса о создании высших женских учебных заведений в Санкт-Петербурге и Москве. Комиссия работала в составе министров внутренних дел А. Е. Тимашева и народного просвещения Д. А. Толстого, главноуправляющих IV и III Отделениями Собственной его императорского величества канцелярии П. А. Шувалова и Н. А. Шторха [4, с. 123]. Был составлен «Список цюрихских студенток из России» [4, с.124–127], которым было предложено вернуться на родину. По предложению членов майской правительственной комиссии 28 сентября 1873 г. была создана особая комиссия из представителей Министерства народного просвещения и IV Отделения Собственной его императорского величества канцелярии с целью решения вопроса об открытии в России высших учебных заведений для женщин. Комиссия была учреждена под председательством члена Государственного Совета, действительного тайного советника, статс-секретаря И. Д. Делянова. Она состояла из опытных педагогов и чиновников. 10 февраля 1875 г. комиссия представила на рассмотрение главноуправляющего IV Отделением П. Г. Ольденбургского особое мнение педагога И. Т. Осинина и проект программы трехлетнего женского училища, после окончания которого женщины могли преподавать в женских училищах и институтах, т.е. посвятить себя профессионально учебно-воспитательной деятельности. Комиссия признала действующими на данный момент аналогичные учебные заведения — «педагогические курсы, которые открыты уже в 50 женских гимназиях с 1872 г.» [4, с. 131–132].

2 февраля 1876 года П. Г. Ольденбургский отправил доклад министру народного просвещения Д. А. Толстому с несколькими замечаниями, в которых отмечал: «Желание отъезжающих русских женщин (за границу — *О. В.*), не ограничится получением высшего образования; есть желание основательно познакомиться с какой-либо отраслью науки под руководством опытных профессоров». В новом проекте это вовсе не было учтено. «Там они свободно могут выбирать род занятий, а здесь им навязывается 3,5 года латинский язык; на нужные иностран-

ные языки обращено меньше времени, чем на латынь». Д. А. Толстой также остался недоволен результатами работы комиссии под председательством И. Д. Делянова, согласившись с мнением П. Г. Ольденбургского [4, с. 132–133].

9 апреля 1876 г. последовало высочайшее повеление об открытии высших женских курсов в университетских городах с целью прекращения оттока русских женщин в заграничные университеты и для подготовки учительниц для старших классов женских гимназий и институтов [22, с. 10]. А. П. Философова, Н. В. Стасова и другие инициаторы высшего женского образования в России заговорили о курсах с университетской программой преподавания и об их слаженной организации.

В 1877 г. на имя Д. А. Толстого поступили прошения об открытии Высших женских курсов в С.-Петербурге, Казани, Харькове и Москве, которые вскоре состоялись. В частности, министр указал на профессора русской истории Санкт-Петербургского университета К. Н. Бестужева-Рюмина как желательного управителя Высших женских курсов в столице, торжественно открытых 20 сентября 1878 г.

Всем курсам было дано общее руководство: «во-первых, чтобы они состояли в ведении попечителей учебных округов; во-вторых, чтобы они учреждались при университетах; в-третьих, чтобы существовали как частные учебные заведения и в конце учебного года о них должны быть представлены сведения; в-четвёртых, чтобы их учебной частью ведал Педагогический совет из преподавателей курсов, а хозяйственной — Попечительный комитет из 12 лиц обоего пола, избираемых совместно комитетом и советом». Издание для курсов какого-либо Положения было отложено Министерством народного просвещения «до разработки советами университетов вопроса о правах курсов и до указания опыта, совершенно необходимого в этом трудном деле» [4, с. 133–134].

Роль Анны Павловны Философовой в организации Бестужевских курсов была велика. Труд Анны Павловны сопоставим с деятельностью Н. А. Стасовой, заведовавшей библиотекой женского университета, и В. П. Тарновской, четверть века бывшей казначеем курсов. В статье 1912 г., посвященной памяти А. П. Философовой, отмечалось: «Ее неустанная борьба за существование курсов, ее неуклонное стремление довести их до должной высоты, ее горячая преданность идее высшего образования, как права на равноправие женщин, с одной стороны, так и вообще высшего человеческого блага, поставили имя Анна Павловны в первом ряду славных имен, добившихся для женщин этого блага» [13, с. 10].

Управление Санкт-Петербургскими Высшими женскими (Бестужевскими) курсами находилось в руках Педагогического совета, его председателя – директора учебного заведения, и Комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам. Устав Общества был подписан министром внутренних дел А. Е. Тимашевым 4 октября 1878 г. Распорядительная власть принадлежала общему собранию Общества, исполнительная власть — Комитету из 12 человек, избираемых общим собранием на три года.

Первое общее собрание членов Общества собралось 4 октября 1878 г., был избран первый Комитет. В его состав вошли: Н. В. Стасова — распорядительница, В. П. Тарновская — казначей, А. П. Философова — председатель (занимала место в 1878–1879 учебном году), А. Н. Анненская — секретарь, О. Н. Рукавишникова — товарищ председателя, О. А. Мордвинова, А. Я. Герд, Г. В. Бордовская, Е. А. Боткина, С. В. Ковалевская, А. Н. Страннолюбский и М. К. Цебрикова.

Профессор С. Ф. Платонов вспоминал, как он в 1883 г. начал свое преподавание на курсах и впервые встретился с устройщицами женского университета, однако, он не застал Анну Павловну, которая осенью 1879 г. была выслана за границу по подозрению в участии в революционном движении (незадолго до царевубийства 1 марта 1881 г. она была возвращена на родину, но не возобновила свою работу на курсах). «Они были очень почтенные люди и заслуживали всяческого уважения, но их нельзя было назвать "свой брат"» [23, с. 135–137].

Общество состояло из лиц «обоего пола, всех состояний и званий, без ограничения числа членов». Всего учредителей было 15: Е. А. Боткина, К. Н. Бестужев-Рюмин, М. Г. Ермолова, Н. И. Козлов, О. О. Книрим, О. А. Мордвинова, кн. А. А. Оболенская, М. С. Ольхина, И. Т. Осинин, О. Н. Рукавишникова, В. М. и В. П. Тарновские, А. П. Философова, Н. В. Стасова и А. Н. Бекетов. Члены Общества разделялись на почётных и действительных. Анна Павловна избиралась почетным членом дважды: в 1879 г., когда покинула курсы, и в 1892–1912 гг. Число почётных и действительных членов непрерывно увеличивалось [4, с. 138–140].

О первых месяцах работы Общества писала в своём дневнике Е. А. Штакеншнейдер: «Нас, старых, собралось дома у А. П. Философовой немного, но толковали много. Столпы наши — Стасова, Философова, Тарновская, Мордвинова — конечно, остаются в новом комитете; Белозерская, Трубникова и я выходим из комитета, но остаемся членами. Говорили, какие-то слухи ходят на курсах. Рассказывают, что будто одна из слушательниц становилась на стол

и проповедовала социализм; что Ольденбургский заметил при своём посещении курсов, какое множество окурков валяется там на полу. Тарновская, Стасова и Мордвинова утверждают, что всё это вздор. Они ведь дежурят там ежедневно, и одно, на что жалуются, так это только на "стеснительность", с которой студентки врываются в двери, когда аудитория открывается; во всех же других отношениях они ведут себя необыкновенно благопристойно» [24, с. 421–422].

Учредители курсов из-за недостатка средств были вынуждены в начале сентября 1878 г. ходатайствовать перед И. Т. Осининым о предоставлении им для чтения вечерних лекций здания Александровской женской гимназии на Гороховой улице, д. 20 (построенного в 1870–1871 гг. по проекту архитектора П. К. Нотбека). Это помещение было предоставлено курсам бесплатно. Но первый же учебный год показал его непригодность для систематических научных занятий. Комитет ходатайствовал перед С.-Петербургской Городской Думой о предоставлении для курсов одного из городских зданий, где лекции читались бы в дневное время. Но такая возможность не была предоставлена.

В мае 1879 г. члены Общества рассмотрели вопрос о найме квартиры. Из предложенных помещений комитет остановился на доме Е. А. Боткиной, жены известного врача С. П. Боткина, на Сергиевской улице (ныне улица Чайковского), д. 7. Двухэтажный особняк был перестроен в 1840–1850-х гг. архитектором Г. А. Боссе. Супруги владели им в 1878–1889 г. Общество снимало лишь часть дома. Квартирная плата составила 8 тыс. руб. в год. Через год хозяева повысили ее до 10 тыс. руб. Общество взяло на себя ответственность оборудовать и меблировать квартиру, на что было израсходовано 4152 руб. Только одно жалованье прислуге в 1879–1880 учебном году обошлось устроителям в 500 руб. 9 сентября 1879 г. состоялось торжественное освещение нового помещения курсов в присутствии профессоров, членов Общества и слушательниц. На следующий день началось чтение лекций [9, с. 320–321].

Возвратившись к общественной деятельности, А. П. Филоsoфова, чтобы не навлекать несчастье на ВЖК в столице, которые и без того находились в неопределенном положении из-за того, что прием на курсы был приостановлен, она сфокусировалась на учреждении С.-Петербургского Женского Медицинского института и организации ряда женских съездов, например, в 1908 г. патронесса была в числе устроителей Первого женского съезда в России [25, с. 308].

Но Анна Павловна никогда не забывала про Бестужевские курсы. На ВЖК, среди 33 именных капиталов, существовал капитал и ее имени в 3 тыс. 500 руб. [26, с. 7]. 21 ноября 1903 г., когда широко отмечалось

25-летие С.-Петербургских Высших женских курсов, она присутствовала на молебне в здании Бестужевских курсов на 10-й линии Васильевского острова доме № 33, а затем в рамках торжественного собрания произнесла приветственную речь от имени организаторов первого женского университета как старейший член Комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам. Уже 29 ноября А. П. Философова, наряду с Е. И. Лихачёвой и В. П. Тарновской, была удостоена слов благодарности от Николая II [22, с. 28]. Император назвал фамилию Анны Павловны в числе других известных общественных деятелей, которые были удостоены в стенах курсов 17 января 1912 г. принимать членов английского парламента [13, с. 203–204]. Но А. П. Философова по состоянию здоровья пропустила данное мероприятие, вскоре она умерла.

10 октября 1908 г. Философова посещала курсы в торжественной обстановке последний раз. После открытия женского съезда гости приехали на Бестужевские курсы, чтобы осмотреть здание первого женского университета. Анна Павловна осталась в Актовом зале за чайным столиком. Уставшая, но радостная, она говорила: «Иногда я думаю, что это сон. Кажется, так недавно... Каждый шаг — борьба... Ни своего угла: перебрасывались с Аларчина моста к Владимирской, оттуда на Васильевский остров, затем на Сергиевскую... Ни уверенности в завтрашнем дне, ни средств... Смешно сказать: пустились в такой путь с двумястами рублей в кассе. А теперь? Собственные дома, громадные аудитории, богатые кабинеты, прекрасная библиотека, обсерватории! Тысячи слушательниц!» [13, с. 10–11]. Курсистки, которые слушали Анну Павловну в тот момент, уже на закате своей жизни вспоминали, как волновалось ее «усталое, но прекрасное сердце» [1, л. 6–7].

Литература и источники

1. Материалы личного архива Н. В. Благово. Санкт-Петербург. Материалы Е. Ю. Мельниковой. Дело «Комитет».
2. *Плансон А. А.* Былое и настоящее. СПб.: Тип. М. Зархин, 1905. 327 с.
3. *Рабкина Н. А.* Реальная история и словесность. Анна Павловна Философова в большой литературе // Вопросы литературы. 1991. № 10. С. 292–297.
4. *Вахромеева О. Б.* Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). Со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России»: К 140-летию Бестужевских курсов. М.: Политическая энциклопедия. 903 с.
5. *Кони А. Ф.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Юридическая литература, 1969. Т. 7. 566 с.

6. Буланова-Трубникова О. К. Три поколения. М.: Л.: Государственное изд-во, 1928. 215 с.
7. Менжинская М. А. Моё знакомство с М. В. Трубниковой // Женское дело. 1899. № 12. С. 38–42.
8. Черкесова В. В. М. В. Трубникова // Женское дело. 1899. № 12. С. 15–37.
9. Стасов В. Надежда Васильевна Стасова: воспоминания и очерки. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. 507 с.
10. Изгоев А. С. Анна Павловна Философова // Русская мысль. 1915. № 10. С. 8–13.
11. Вахромеева О. Б. Воспитанные традицией. Воспоминания бывших слушательниц Бестужевских курсов. СПб.: Арт-Экспресс, 2016. 124 с.
12. Писарева Е. Памяти Анны Павловны Философовой. СПб.: Российское теософическое общество, 1912. 79 с.
13. Отчёт Общества для доставления средств Высшим женским курсам за 1911–1912 уч. г. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. 266 с.
14. Тыркова А. В. Анна Павловна Философова и её время: Памяти Анны Павловны Философовой. 1837–1912: В 2 т. Пг.: Тов-во Р. Голике и Е. А. Вильборг, 1915. Т. 1. 488 с.
15. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6623.
16. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Д. 6484.
17. Вахромеева О. Б. Духовное пространство Университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918 гг.: исследования и материалы. СПб.: Диада СПб., 2003. 352 с.
18. С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903. Очерки и материалы. СПб.: Изд. Комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам в С.-Петербурге, 1903. 260 с.
19. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6973.
20. Вахромеева О. Б. Учебное пространство первого женского университета. История зданий Бестужевских курсов // Уроки истории — уроки историка: Сб. ст. к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т. Н. Жуковская. СПб.: Нестор-история, 2012. С. 286–297.
21. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 22. Оп. 2. Д. 243.
22. Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. 1878–1908 гг. 4-е доп. изд. СПб.: Изд. Комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам, 1908. 75 с.

23. Ольга Константиновна Нечаева. 1860–1926 / Под ред. Е. П. Летковой-Султановой и проф. И. М. Гревса. Л.: Время, 1928. 155 с.
24. *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854–1886). М.; Л.: Academia, 1934. 582 с.
25. *Афанасьев Н. И.* Современники: альбом биографий: В 2 т. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1909. Т. 1. 352 с.
26. Отчёт Общества для доставления средств Высшим женским курсам за 1914–1915 учебный год. Пг.: Тип. А.Э. Коллинс, 1916. 215 с. (Разд. «Отчёт о движении денежных сумм»).

Цуканова Анна Валерьевна
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: st064970@student.spbu.ru

ДНЕВНИК ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА ФИЛОСОFOVA КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация: В статье представлены результаты исследования дневника В. Д. Филосоfoва, важного исторического источника, позволяющего сделать выводы о представлениях В. Д. Филосоfoва о современной ему эпохе, о царствовании Николая I, и о том, какую роль, по мнению В. Д. Филосоfoва, Императорское Училище правоведения, где Владимир Дмитриевич обучался с 1835 по 1841 гг., играло в воспитании нового поколения дворян.

Ключевые слова: Училище правоведения, В. Д. Филосоfoв, юридическое образование, К. П. Победоносцев, П. Г. Ольденбургский, Николай I, В. А. Арцимович, А. М. Жемчужников.

Anna Tsukanova
Saint-Petersburg State University,
Russia

DIARY OF VLADIMIR DMITRIEVICH FILOSOFOV AS A HISTORICAL SOURCE

Abstract: The article deals with results of a research of the V. D. Filosofov's diary, an important historical source that allows us to draw conclusions about V. D. Filosofov's ideas about his contemporary era, the reign of Nicholas I and the role which, according to V. D. Filosofov, Imperial School of Jurisprudence, where Vladimir Dmitrievich studied from 1835 to 1841, played in the education of a new generation of nobles.

Key words: School of jurisprudence, V. D. Filosofov, legal education, K. P. Pobedonostsev, P. G. Oldenburgsky, Nikolai I, V. A. Artsimovich, A. M. Zhemchuzhnikov.

Владимир Дмитриевич Филосоfoв (1820–1894) — один из деятелей эпохи великих реформ Александра II, сыгравший большую роль в реорганизации военного судопроизводства. Юность В. Д. Филосоfoва прошла в стенах Императорского училища правоведения. Этот период

своей жизни он описал в дневнике, ныне хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

Императорское Училище правоведения — уникальное учебное заведение, созданное в 1835 г. для подготовки квалифицированных юристов-практиков, в которых остро нуждалась Российская империя. Многие воспитанники Училища затем служили в различных министерствах и судебных ведомствах, участвовали в подготовке реформ Александра II, разрабатывали программу отмены крепостного права, а также проводили судебную реформу 1864 года: это Г. С. Аксаков, В. А. Арцимович, Н. И. Стояновский, Д. А. Ровинский, В. Д. Философов, П. Н. Глебов, К. Я. Яневич-Яневский. Однако среди выпускников данного учебного заведения мы можем увидеть и таких выдающихся деятелей культуры, как П. И. Чайковский, И. С. Аксаков, В. В. Стасов, К. К. Арсеньев и другие, которые не связали свою дальнейшую жизнь с государственной службой, а посветили себя творчеству, публицистике и общественной деятельности. Несмотря на наличие различных исследований, раскрывающих деятельность Училища правоведения и происходившие в его стенах процессы, не до конца изученным остаётся вопрос о влиянии, которое обучение в Училище оказывало на юных правоведов. Кого и как в конечном итоге воспитывали в Училище правоведения? С какими представлениями, идеалами, целями выходили из Училища будущие государственные служащие и общественные деятели?

Вероятно, ответить на эти вопросы удастся, изучив дневник В. Д. Философова. Фигуре Владимира Дмитриевича уже не раз уделялось внимание исследователей: на первых Философовских чтениях прозвучал доклад Е. В. Яковлевой [6], где приводятся выдержки из «Сборника памяти Анны Павловны Философовой», жены Владимира Дмитриевича; в сборнике материалов вторых Философовских чтений была опубликована статья А. Н. Савенкова [5], рассматривающая деятельность В. Д. Философова и его вклад в военно-судебную реформу; на четвёртых Философовских чтениях была представлена работа Р. Н. Антиповой «О дневнике Владимира Дмитриевича Философова» [1], добавившая несколько важных штрихов к портрету В. Д. Философова. Однако обращение к дневнику до сих пор актуально, так как он является уникальным источником, который позволяет погрузиться во внутренний мир юного правоведа, понять, как формировался характер будущего Главного военного прокурора и какое представление сформировалось у Владимира Философова о современной ему эпохе, о царствовании Николая I и положении дел в России к моменту выпуска из Училища.

Дневник Владимира Дмитриевича Философова состоит из двух частей: первая часть [2] включает в себя поденные записи начиная с 13 марта 1838 г. и по 1 февраля 1839 г., вторая часть [3] охватывает период с 20 апреля 1840 года по 16 февраля 1844 года. Владимир Дмитриевич поступил в Училище в год его открытия — в 1835 г., окончил же его в 1841 г. (второй выпуск). Таким образом, дневник отражает жизнь В. Д. Философова в Училище со второй половины четвёртого класса до первой половины третьего класса включительно (первая часть дневника) и со второй половины второго класса до самого выпуска из Училища (вторая часть дневника), а также первые годы службы юного правоведа после выпуска. Владимир Дмитриевич родился в 1820 г., таким образом, дневник вёлся им в возрасте от 17 до 23 лет.

Дневник даёт возможность получить информацию о распорядке дня воспитанников, об их досуге, увлечениях и т. д. Дневнику В. Д. Философов доверял и свои мысли о тех, кто его окружал: о своих товарищах и преподавателях, а также в целом об обучении в Училище правоведения, что может быть очень ценно для характеристики атмосферы, царящей в данном учебном заведении, и роли Училища в жизни правоведов. Интересно отметить, что некоторые из своих замечаний Владимир Дмитриевич скрывал с помощью специального шифра: «решил я писать самые тайные места особенными знаками, которых ключ известен только мне одному» [2, л. 5]. Сам же ключ написан на отдельном листке и приложен к дневнику. Однако затем (а именно 22 октября 1838 г.) В. Д. Философов замечает, что так как он и «доселе писал много непозволительного простыми буквами», то и теперь продолжает «подобным же образом, не прибегая к иероглифам» [2, л. 64 об.]. И действительно, больше шифр в его записях не встретился ни разу. Был и иной способ уберечь написанное от посторонних взглядов — перейти на французский язык. Судя по тем фразам, которые нам удалось перевести, Владимир Дмитриевич прибегал к этому способу в случае, когда дело касалось отношений внутри семьи Философовых. В дневнике также присутствуют следы перечитывания (правка простым и синим карандашами, небольшие замечания и дополнения).

Записи в дневнике свидетельствуют, что в Училище Владимиру Философову приходилось очень непросто: вражда с воспитателем и директором, требовавшими соблюдения дисциплины, ссоры с однокурсниками, долгие и зачастую трудные для восприятия занятия, которые вызывали в юных правоведах только неприязнь к изучаемому материалу. Со скукой на занятиях В. Д. Философов боролся, записы-

вая свои мысли в дневник прямо во время уроков. Однако прибегать к такому «развлечению» он стал лишь в первом, то есть выпускном классе. Это видно по характеру записей: во второй части дневника часто можно обнаружить дни, где записи занимают три-четыре страницы, чего не наблюдалось в первой части. 17 октября 1840 года Владимира Философова чуть не застали за тем, что во время занятия у Р. А. Штекгарда он не слушал преподавателя, а делал не относящиеся к теме урока записи в дневнике. Рассуждения В. Д. Философова были прерваны тем, что Штекгард «подошёл к моему стулу, я не знал, что делать, быстро перевернул страницу и стал писать какие-то немецкие звуки. Ёкнуло сердце. Ну ежели этот злодей схватит мою тетрадку» [3, л. 31 об.]. И хоть всё обошлось, Владимиру Дмитриевичу пришлось оставить свою мысль незаконченной: «но все мысли смешались так, что не могу писать ничего» [3, л. 31 об.].

Другим способом разнообразить скуку училищной жизни, а также возможностью выплеснуть накопившееся недовольство и выразить свой протест против слишком суровых, на взгляд воспитанников Училища, правил, было нарушение установленных норм поведения, а именно запрета на курение и употребление алкоголя в стенах Училища. Об этом свидетельствует описание К. П. Победоносцевым предметов, найденных при обыске личных вещей воспитанников: «Нашли табак, сигары, карты, трубки, бутылки, рюмку и пр.» [4, л. 637]. В дневнике Владимира Философова отсутствуют упоминания употребления алкоголя непосредственно в Училище, однако, оказавшись вне его, он вместе со своими одноклассниками не упускал такой возможности.

Интересно, что Владимир Философов даже отмечал в дневнике годовщины своих «подвигов»: «Сегодня година славного воспоминания. В прошедшем году 3-го сентября я, Зубов, Воскресенский, Ренненкампф и Гаплыгин напились мертвецки у Панкина» [3, л. 12]. Однако Владимир Дмитриевич отнюдь не считал поступки такого рода достижениями, называя их «развратом телесным и душевным» [3, л. 12]. Причину того, что в нём «неодолимо развилось страстное желание ко всем чувственным удовольствиям» [3, л. 12 об.], Владимир Философов видел в том, что жил он не дома, а в Училище: «Воспитывайся я дома под бдительным надзором обожаемых родителей, из которых милого моего Ангела Матап уже не существует, никогда не унился бы я до опьянения в трактире... Снова повторяю: всему виною проклятое училище. Даже если я по слабости человеческой и спотыкнулся, то нежные увещания родительские вероятно остановили

бы меня на краю бездны» [3, л. 12]. Эти слова подтверждают тезис о том, что строгие правила поведения вкупе со скучными и трудными предметами подталкивали воспитанников к нарушению дисциплины.

Выше мы уже упоминали об отношении Владимира Философова к руководству Училища. Видимо, именно обязанность подчиняться людям, которых Владимир Дмитриевич не уважал, была для него труднее и мучительнее всего. «Прибегай поскорей, мой милый любезный выпуск, позволь подышать мне свободным воздухом, освободи от ненавистной подчиненности подлецам и злодеям» [3, л. 14 об.], — писал он в своём дневнике. Часто можно встретить размышления В. Д. Философова о получаемом им образовании: «Разве это значит образовывать человека, чтобы лишить его врожденной способности свободной воли и заковать его навсегда в цепи рабства душевного и телесного» [3, л. 34]. Однако Владимир Дмитриевич понимал, что такая ситуация является общей для многих учебных заведений. Так, о своём друге Александре Княжнине, проходившем обучение в Дворянском полку, В. Д. Философов отзывался следующим образом: «Удивительно как отделал его Дворянский полк. Все способности притупились и приняли одно направление чисто одностороннее» [3, л. 34 об.]. В результате Владимир Философов вывел «правила злодейской политики, которой руководствуются наши образователи», которые «стараются внушить они несчастным ещё неопытным юношам, вверенным в руки их» [3, л. 34 об.]. Первое правило гласило: «Повинуйся не рассуждая. Предоставь рассуждать во всем государстве и за всех одному» [3, л. 34 об.]. Второе правило следовало из первого: «Ты должен повиноваться религии... Не дурно будет ежели будешь соблюдать пост, не пропускать ни одной службы, путешествовать пешком по монастырям, фанатизм подавит рассудок, лучший содействователь самовластию» [3, л. 35]. Третье правило касалось свободы слова: «Посмотрите, как заботится о вас мудрое правительство. Что за смешения произошли от свободы цензуры во Франции; сколько там погибло людей великих; сколько породилось чрезвычайных гениев в то время, как у нас было всё так покойно и тихо» [3, л. 36]. Как мы видим, ситуацию в образовании В. Д. Философов напрямую связывал с политической ситуацией в стране.

В связи с этим особый интерес представляет мнение В. Д. Философова об императоре Николае I и его политике. Так, Владимир Дмитриевич полагал, что Николаю I Россия представляется как «одно огромное орудие, нужное ему для достижения двух главных целей: маневров и скотского прелюбодеяния» [3, л. 10 об.]. В конечном итоге именно в фигуре императора В. Д. Философов видит главного вино-

вника сложившейся в Училище ситуации: «Приметив какие-то начала истинного просвещения в людях, оставшихся ему вместе с престолом от предшественника, и пригвоздив штыком первый порыв к свободе благородных сынов отечества, Николай решил образовать новое поколение по тем понятиям, которые согласовались с его односторонними в свою пользу видами» [3, л. 11]. При этом юный Философов выражал симпатию декабристам, противопоставляя их благородные цели деяниям «тирана», как он называл Николая I [3, л. 11].

Вероятно, одноклассники Владимира Дмитриевича разделяли его мнение. Так, в стихотворении Алексея Жемчужникова, которое В. Д. Философов переписал себе в дневник, читаем следующие строки:

Но гнев души моей напрасен.
И светлых чувств свободный пыл
В угрюмом сердце схоронил:
Для нечестивцев он опасен;
Наш век нам мыслить не велит:
За благородство и признание
Позор бесчестия грозит
Иль поздний гроб в стране изгнания [3, л. 29 об.].

Остальные студенты также принимали участие в обсуждении и высказывали похожие мысли: «Ещё вчера вечером говорили мы о гибельной системе школьного заключения в России. Арцимович разгадал причину. В самом деле она понятна ежели мы рассмотрим все правительственные постановления России в новейшее время» [3, л. 10–10 об.].

Таким образом, Училище правоведения В. Д. Философов воспринимал как воплощение стремления государства подавить свободумыслие и жажду свободы у нового поколения государственных служащих. Несмотря на это, свою дальнейшую судьбу он связал именно с юриспруденцией и достиг на этом поприще значительных результатов: стал первым Главным военным прокурором Российской империи, сыграл большую роль в реорганизации военного судопроизводства. Можно предположить, что этому способствовал в том числе и характер проводимых Александром II преобразований, который совпал с либеральными настроениями самого Владимира Философова, столкнувшегося в Училище с проявлением духа николаевской эпохи.

Подводя итог, можно сделать вывод, что дневник В. Д. Философова позволяет увидеть Николаевскую Россию глазами двадцатилетнего дворянина, находящегося на пороге поступления на службу во Второй Департамент Правительствующего Сената. Дальнейшее изучение днев-

ника, а также обращение к другим источникам (например, в Российском государственном историческом архиве существует фонд № 1075, где хранятся письма, которые он получал от знакомых, находясь в Сибири на службе), позволит составить представление о том, как складывалась жизнь Владимира Дмитриевича Философова после выпуска.

Литература и источники

1. *Антипова Р. Н.* О дневнике Владимира Дмитриевича Философова («Сыны отражены в отцах») // Философовские чтения: сборник материалов Четвертых Философовских чтений. Псков, 2011. С. 39–54.
2. Дневник Философова В. Д. «Воспоминания прошедших дней» (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1183. Оп. 1. Ед. хр. 5. 93 л.).
3. Дневник Философова В. Д. «Воспоминания прошедших дней» (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1183. Оп. 1. Ед. хр. 8. 179 л.).
4. *Победоносцев К. П.* Из дневника // Русский архив. 1907. Вып. 4. С. 637.
5. *Савенков А. Н.* Роль и значение В. Д. Философова в военно-судебной реформе в России второй половины XIX века // Философовские чтения: сборник статей Вторых Философовских чтений. Псковская область, пос. Бежаницы, 2006. С. 18–28.
6. *Яковлева Е. В.* Личность Владимира Дмитриевича Философова // Философовские чтения: сборник Первых Философовских чтений. Псков, 2005. С. 52–61.

Васильева Полина
п. Бежаницы, Псковская обл., Россия
e-mail: Shikanowa1955@yandex.ru

ДЕЛО О ПОЖАРЕ В СЕЛЕ ЦЕВЛЕ ПОМЕЩИЦЫ КРЕНИЦЫНОЙ

***Аннотация:** В статье освещается дело о пожаре в с. Цевло Холмского уезда, принадлежавшего сестре Д. Н. Философова. Указывается на роль Д. Н. Философова в рассмотрении этого дела.*

***Ключевые слова:** село Цевло, пожар, расследование, П. Н. Креницына, Д. Н. Философов, управляющий Фёдор Алексеев.*

Polina Vasilyeva
Bezhanitsy, Pskov region, Russia

THE CASE OF THE FIRE IN THE VILLAGE TSEVLO LANDOWNER KRENITSYNA

***Abstract:** The article covers the case of a fire in the village of Tsevlo, Kholmnsky district, which belonged to the sister of D. N. Filosofov. The role of D. N. Filosofov in the consideration of this case is indicated.*

***Key words:** fire, investigation, village Tsevlo, fire, investigation, P. N. Krenitsyna, D. N. Filosofov, manager Fyodor Alekseev.*

В Государственном архиве Псковской области (ГАПО) в фонде Гражданского губернатора имеется дело на 230 листов (оцифровано). Называется оно «О сгоревшем селе Цевле помещицы Креницыной Новоржевского уезда». Читая его, погружаемся прямо-таки в детективную историю.

Расследование. 21 апреля 1821 г. в Холмском уезде сгорело село Цевло, принадлежавшее холмской помещице Пелагее Николаевне Креницыной (урожд. Философовой). Ныне это территория Бежаницкого района Псковской области. Загорелся амбар, в котором хранилось до 2-х пудов пороха. После взрыва амбара загорелся господский дом [1]. Во время пожара сгорело и было похищено господское имущество более чем на 400 000 руб., в том числе: хлеб на 25 000 руб., лошади на 12 000, кабинет физический на 12500 руб., монеты золотые на 8500 руб., библиотека на 15 000 руб., фарфор на 8100 руб., хрусталь на 4500 руб., вина и водки на 4500 руб., гардероб покойного мужа на 8700 руб., материи

разные на 23000 руб., мебель красного резного дерева и карельской берёзы на 18600 руб., растения в оранжереях на 5200 руб., инструменты музыкальные и ноты на 27500 руб. Вместе с домом сгорели церковь и множественные хозяйственные постройки на сумму 110 000 руб. [2].

По этому делу проводил следствие дворянский заседатель Холмского земского суда Полибин. Сама же Креницына пригласила брата своего Дмитрия Николаевича Философова, хозяина Богдановского, помочь разобраться в этом деле. Она подозревала в поджоге и похищении её имущества бывшего управляющего имением Фёдора Алексеева. Он якобы, по словам дворовых людей, дал приказание спасти не господское имущество, а свое собственное. И ещё как до пожара, так и после, вывозил имущество под видом своего в разные места. Сама помещица проживала в селе Заборовье Новоржевского уезда (в нескольких верстах юго-восточнее Новоржева. — П. В.).

Госпожа Креницына была недовольна ходом официального следствия и подала жалобу государю императору. И началась тяжба на несколько лет. Холмский земский суд рапортовал псковскому гражданскому губернатору Борису Анатольевичу Адеркасу о произведённом расследовании. В нём говорилось, что дело на 16 мая не закончено, так как г-жа Креницына не представила на подозреваемого ею в поджоге и расхищении имущества вольноотпущенного дворового человека Фёдора Алексеева доказательств. Дело было передано на доследование Псковскому губернскому правлению, а именно, советнику Полозову совместно с членами Холмского уездного суда и уездным стряпчим.

Доследование. Командированный Полозов проводил следствие с дворянином 7 класса Дмитрием Рокотовым (близким родственником Креницыной) и холмским уездным стряпчим Алексеевым. 24 июня господин Полозов рапортовал псковскому гражданскому губернатору фон Адеркасу, что в ходе следствия «открываются следы похищения имеющегося во время пожара. Подозрение пало на управителя этого имения, отпущенного на волю дворового человека Фёдора Алексеева». Дочь управителя выдана замуж за петербургского купца Ефима Филатова сына Затейщикова, проживавшего в г. Холме. Якобы по показаниям многих Алексеев отправлял и к ним какое-то имущество. По этой причине у них был проведён обыск. На тот момент купец Затейщиков уехал со своими братьями на барках в Петербург, где проживал их четвертый брат. Полозов предложил обратиться за помощью к С.-Петербургскому губернскому обер-полицмейстеру, с предложением сделать обыск у Затейщиковых, разведать у рабочих людей на барках, не вывезено ли что в Петербург.

Обыски, проведённые в Петербурге, и опрос людей ничего не дали. Похищенного не нашли. Не нашли его и при обысках в доме священника погоста Спасов Клин Петра Михайлова (где в это время проживал Алексеев со своим семейством). Алексеев подал Полозову прошение с просьбой при нём производить следствие и писал о изъятиях, чинимых господином Д. Н. Философовым и самой госпожой Креницыной её людям. Полозов, прочтя прошение, вернул его. На имущество бывшего управляющего был наложен арест. Часть имущества семьи заперли в погосте Спасов Клин, а часть (в том числе денег 830 р.) помещица взяла себе. Семью одели в самое ветхое платье, денег на пропитание не оставили и Полозов отправил всех не в г. Холм под присмотр земского суда, а в Новоржевскую уездную полицию без всяких сопроводительных документов, где семья и находилась с 22 июня по 5 июля [3]. Здесь у него приняли прошение и дали ему ход. В прошении он высказал свою точку зрения на происходящее.

Всё дело в завещании покойного Николая Креницына. Во время болезни он призвал к себе Фёдора Алексеева, сына его Петра Фёдорова, Анну Александрову, и при жене своей Пелагее Креницыной отдал завещание сыну Алексеева Петру и приказал, чтобы его желание было выполнено. Фёдору был завещан весь гардероб покойного Креницына, часы золотые с золотою цепочкою, билет на 600 руб., всего на сумму около 11000 руб. Была также дана вольная. Петру наказывал Анну, как его родственницу (сестра жены), ни в чём не оставлять. Если барыня что не выполнит, чтобы Пётр ходатайствовал в присутственных местах. Ещё обещано было вознаграждение, размер которого должна была установить сама барыня. Жена клятвенно уверяла мужа, что всё в точности и с усердием выполнит.

После смерти мужа г. Креницына ничего не отдала из завещанного и обещанного вознаграждения, а «только обещала и ждала случая, как удалить Анну, Петра и самого Алексеева от вознаграждения». Пожар оказался таким случаем. Обвинив Алексеева в поджоге и разграблении и учинив обыск в доме спасоклинского священника (где в это время он проживал), г. Полозов с г. Креницыной отобрали не только деньги и имущество Алексеева, но и всё имущество, которое принадлежало его невестке Парасковии Александровой (более 500 р. приданого, полученного от «С.-Петербургской мадамы англичанки» за многолетнюю усердную службу) и её сестре вольноотпущенной Анне, проживающей совместно с сестрою [4]. Госпожа Креницына так тщательно искала завещание, что забрала все записки, письма не только его семейства, но и священника.

В прошении Алексеев перечислил наказанных людей и крестьян, «чтобы они впредь при следствии делали показания в пользу г. Креницыной». Наказывались они по приказанию брата Креницыной господина Д. Н. Философова и в присутствии его. Их пороли плетьюми, а крестьянину д. Катова старику Семёну Фомину выбрита половина головы господином Философовым. Свидетелями при всём этом были господа из Новоржева Иван Герасимович Клокачёв и Иван Михайлович Обротин (Абротин). Крестьянин д. Гривы Яков Никитин неоднократно жестоко наказывался плетьюми, при этом его поливали солёной водой, а затем забрали в с. Богдановское господина Философова, где заперли в бане. От него добивались показаний на Фёдора Алексеева. Якобы Никитин во время пожара передал Алексееву скрынку с господским столовым серебром. Первоначально Никитин говорил, что передал эту скрынку соседу своему Евсигнею Леонову, затем сказал, что передал скрынку крестьянке д. Давыдовой Соломониде Тимофеевой. И только когда он сказал (по подсказке), что передал скрынку бывшему управляющему Фёдору Алексееву, его отпустили домой, наградив 25 рублями. Евсигней Леонов наказывался лишением пищи по 2–3 дня. Дворовая жёнка Григорьева в с. Заборье жестоко наказывалась плетьюми г. Философовым, а затем полумёртвая была положена в телегу и увезена с мужем её Никитой Никитиным и тремя малолетними детьми. Свидетелями этому были дворовые люди с. Заборье и священник погоста Пожеревиц, живущий там [5].

В прошении указывалось, что советник Полозов действовал при доследовании дела противозаконными методами: приехал прямо с женою и сестрой жены к г. Креницыной в с. Заборье, где всячески были угощаемы трое суток, а затем жена Полозова и его свояченица были отвезены на лошадях госпожи Креницыной за 80 вёрст к городу Холм. Сам же г. Полозов с г. Креницыной и ближайшим её родственником Дмитрием Рокотовым поехали в с. Цевло, где во время производства следствия находились вместе с г. Креницыной и «угощаемы были всячески и допрашивали людей в личных покоях г. Креницыной». Допросы и почти всё производство дела писали её дворовые люди. После этого г. Полозов со своей семьёй неделю жили в с. Бороватом, принадлежавшем Креницыной. «В результате при следствии делано было то, что угодно госпоже Креницыной». Если допрашиваемые ничего в адрес Алексеева не говорили то им угрожали, а советник Полозов некоторых бил самолично, а именно: сына его Петра, бывшего работника Фёдора Алексеева крестьянского сына Самуилу Васильева, работницу-солдатку Катерину Иванову, вдову Акилину Пиманову, села Цевла приказчика Карпа Иванова, дворовых людей Зеновья Степанова, Мину

Арефьева, крестьян Якова Дмитриева, Матвея Матвеева и др. На двух женщин спасо克林ского погоста и Катерину Иванову набиты были колюшки [6]. В связи с вышеописанным Алексеев просил расследовать дело, заменив не только Полозова, но и родственника Креницыной Рокотова, а также уездного стряпчего Алексева, так как он является стряпчим г. Креницыной. Прошение было препровождено в Псковское губернское правление 8 августа.

Кроме того в Министерство внутренних дел поступила жалоба от жены купца Затейщикова на обиды, нанесённые её отцу Фёдору Алексеву и всему семейству со стороны помещицы Креницыной, с просьбой оказать защиту безвинно заключённому под стражу с семейством, состоящим из 5 душ, в числе которых беременная невестка и младенец 1,5 лет. Просьбу препроводили псковскому гражданскому губернатору с тем, чтобы было проведено надлежащее исследование и «если жалоба не ложна, то оказать обиженным начальственную защиту» [7].

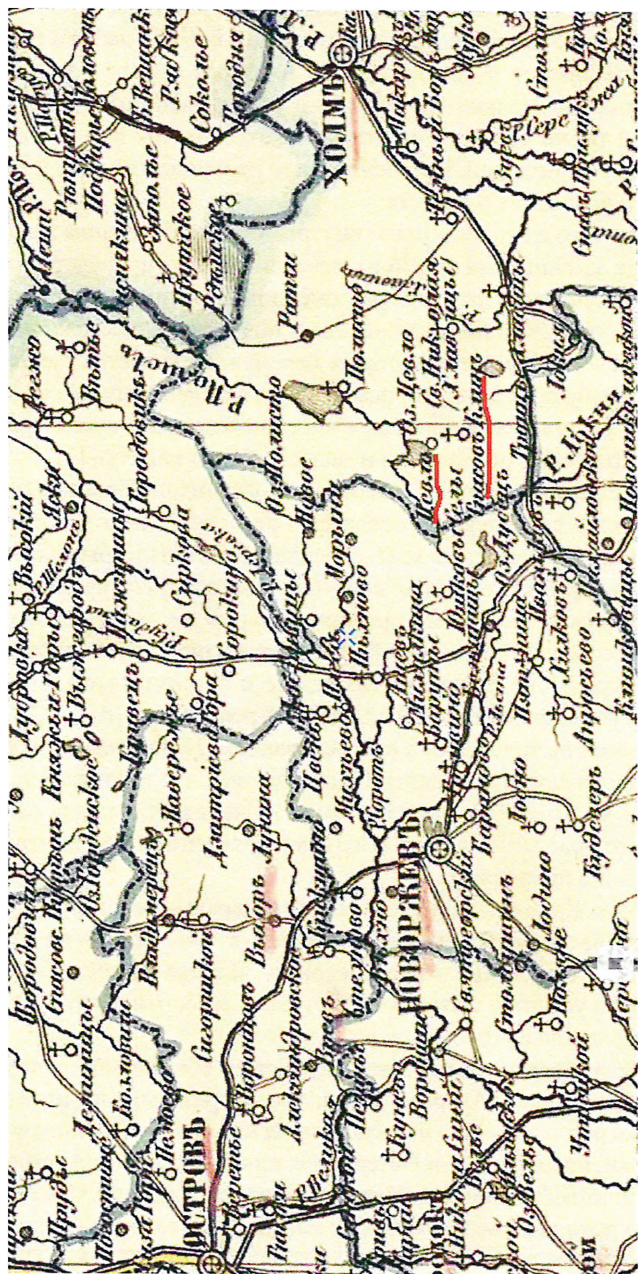
Переследование произведённого советником Полозовым дела было поручено дворянскому заседателю уголовной палаты титулярному советнику Истомину. В ходе переследования надо было обратить внимание на противозаконные действия Полозова, его предвзятое отношение к участникам дела; проверить, верно ли, что Полозов ходатайствует по делам Креницыной, что в гражданскую палату представил на утверждение духовное завещание и в депутатском Собрании ходатайствует о свидетельстве для детей Креницыной [8].

Истомин не торопился с расследованием. Начав переследование, Истомин получает от г. Креницыной заявление, что претензий к своим людям она не имеет [9]. Он дело приостанавливает, ожидая решения Губернского правления. Сенат, выслушав правление, даёт предписание расследование продолжить.

Осенью Креницына жаловалась государю императору на псковского гражданского губернатора Адеркаса в том, что он по просьбе Ф. Алексева велел вновь переследовать исследованное советником Полозовым и уездным стряпчим Рокотовым дело, что ведёт к запутанности и проволочке [10].

Правительствующий Сенат затребовал объяснения, которые и были получены. Фон Адеркас писал, что по разрешению императора привлекал к расследованию и не состоящих на службе чиновников и дворян. Обыски, проведённые в Петербурге, ничего не дали, а Алексеев подал прошение с объяснением, служащим к его оправданию. Сенат сделал вывод, что дело пересматривается не с целью запутать его и не с целью проволочки, а для раскрытия истины без малейшего упущения [11].

Фрагмент карты XIX в.

В марте 1822 г. Алексееву было возвращено имущество, которое хранилось в спасоклинском погосте под присмотром Холмского земского суда, возвращены кожи, арестованные в г. Великие Луки на кожевенных заводах, выданы отпускные (вольные), чтобы семья могла материально себя обеспечивать [12].

При переследовании Философов пояснил, что был в селе Цевле у сестры и некоторых крестьян наказывал по её просьбе за разные дерзости и ослушания. Якова Никитина и соседа его Евсигнея Леонова брал с собою в с. Богдановское, но только для того, чтобы доставить их по просьбе сестры в с. Заборье, и никаких истязаний не чинил. Но дворовые под присягой показали, что действительно Никитина высекли розгами по приказанию и в присутствии Философова, так как его подозревали в краже господской скринки со столовым серебром, а затем забрали в с. Богдановское господина Философова, где заперли в бане [13]. Евсигней Леонов показал, что высечен 3 раза розгами был поговору соседом Яковом Никитиным, якобы передавшим ему какую-то с серебром скринку. В селе Богдановском г. Философова какие-то люди страшали его, что вытопят жарко баню, кормить будут сельдями, а пить не дадут. Евсигнею удалось убедить, что его оговорил сосед по злобе и никакого истязания знойной баней не было. Афросинья Тимофеева подтвердила, что была наказана розгами 2 раза по оговору Якова Никитина — якобы он передавал ей во время пожара господскую скринку. Но наказания производились без присутствия господина Философова и без его приказания. Крестьянину д. Катова Фомину господином Философовым была выбрита часть бороды (а не половина головы). Дворовая жёнка Григорьева в с. Заборье действительно наказывалась плетью г. Философовым, а затем увезена с мужем и тремя малолетними детьми в С.-Петербург. В качестве свидетелей истязаний Клокачѳв, Абрютин (Абротин), Поздеев не могут быть допрошены, так как их нельзя привести к присяге *во второй раз* (советник Полозов в противность законам постарался).

Наказанные (во время доследования) показали, что г. Полозов первоначально до допроса с глазу на глаз беседовал с дворовыми людьми и крестьянами. Екатерина Иванова, Афимья Андриянова подтвердили, что г. Полозов бил их до допроса и сажал в колодки, на допросах в полном присутствии их никто не бил, но г. Полозов очень сердился. Матвей Матвеев сказал, что г. Полозов пытал у него, не отвозил ли он в Холм к дочери Алексеева какое-либо имущество. Услышав в ответ, что в Холм ничего не возил, а возил в Спасов Клин, г. Полозов ударил его очень сильно четыре раза в ухо и принуждал сказать во время допроса в присутствии, что возил вещи в Холм. Во время

допроса его не били. Авдотья Афонасьева была посажена советником Полозовым в колодки за то, что не согласилась сказать на допросе о имуществе, привезённом в Спасов Клин Алексеевым (не поверил, что не видела). Свидетелей всех избиений нет. Дворовый человек Александр Иванов показал, что видел золотую табакерку с брильянтами, изображающую льва, но подарена ли та табакерка г. Полозову и золотая цепочка с четырьмя кусками холста его жене, не знает. Дворовые люди показали, что Полозовы в первый приезд в Цевло были дня два, и все два дня играла музыка, затем жену отвезли на господских лошадях до станции Бор в направлении Холма. Во второй раз были три дня. Полозов кушал за общим столом. Самого Полозова довозили на господских лошадях до села помещика Шушерина, с собою в Псков он взял кибитку с кожаным верхом. По поводу присутствия Креницыной на допросах некоторые крестьяне отозвались неведением, а другие утверждали, что г. Креницына удалялась.

Полозов объяснил, что отправил семью подозреваемого Новоржевскому городничему, так как Новоржев ближе, чем Холм.

Креницына дала отвод многим свидетелям, заявленным со стороны Фёдора Алексеева — всем церковнослужителям с. Цевла: их скот и птица нередко были замечены на хлебных полях и сенокосах Креницыной, что приводит к раздору и злобе — возможно мщение; священник погоста Спасов Клин Пётр Михайлов и его жена сами участвуют в разбираемом деле с бывшим управителем; священник погоста Иванькова Илья Семёнов (духовный депутат во время разбирательства дела Полозовым) мог быть в сговоре со спасоклинским священником; диакон погоста Полиста Николай Ашевский является другом Фёдора Алексеева. Креницына также указала, что крестьяне экономической спасоклинской вотчины имеют с нею споры о земле. По словам поверенного помещицы, они неоднократно, и даже уже после пожара, «утруждали государя императора об отыскании ими земли из её владений». Крестьянин с. Рагчи Иван Алексеев является родным братом Ф. Алексеева, а Савостьян Ильин — племянником [14].

Чего боялась барыня? Того, что вскроется правда? Или боялась лжесвидетельства под присягой в качестве мщения? Ведь сама она не брезговала этим, записав в свидетели людей, которые во время пожара были на рыбной ловле в четырех верстах от с. Цевла (5 человек) и на охоте (2 человека), а Самуил Васильев показал, что в прошлый допрос оговорил Алексеева по причине робости. Сам же Самуила был послан накануне пожара в Рагчу за жеребятами Алексеева. Вернулся он тогда, когда всё село и церковь уже горели. Признался, что оговорил Ф. Алексеева и его сына не по научению, а по причине обиды за побои,

полученные в то время, когда был у них работником. Крестьяне под присягой показали в противность ранее данному, что взрыв и пожар случились очень быстро. Звук от взрыва неимоверной силы, как от выстрела пушки, был слышен на озере (в четырех верстах). На всё ушло менее часа. Все испугались. Бывший управляющий никаких распоряжений не давал. Крестьяне показали, что полотно у Алексеева было своё и что г. Креницына сразу искала полотно, но своего полотна не нашла. Крестьяне также показали, что оловянная посуда у Алексеева тоже была, железные вещи у бывшего управителя имелись и имущество своё он вывозил ещё до пожара, а не после [15].

Истомин рапортовал, что госпожа Креницына препятствовала проведению переследования, а именно: не присылала людей для допросов. Из 18 запрашиваемых прислала 5 и то после нескольких запросов.

В 1824 г. Истомин рапортовал, что закончить следствие путём опроса 52 человек не удалось, так как некоторые отсутствовали: 4 человека были отправлены по контракту с купцом Никольским для работы на большой дороге по московскому тракту, 3 умерли, 2 отданы в рекруты, 3 тяжело нездоровы, 1 отдан в ученье в С.-Петербург, 1 дворовая отдана дочери Рокотова в приданое. Сама же г. Креницына излагала неосновательные подозрения на счёт Истомина и силилась остановить следствие.

Из данного дела невозможно сделать вывод, чем и когда закончилась эта тяжба. Выдача вольной и возврат имущества служат оправданием Алексеева в этом деле. В ноябре 1824 г. все бумаги были переданы в холмский уездный суд [16].

Источники

1. Государственный архив Псковской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 673, Л. 98.
2. Там же. Л. 13, 14.
3. Там же. Л. 38 об., 39, 43.
4. Там же. Л. 41–43.
5. Там же. Л. 18–20.
6. Там же. Л. 40–42.
7. Там же. Л. 30.
8. Там же. Л. 55, 88 об., 89.
9. Там же. Л. 71.
10. Там же. Л. 36.
11. Там же. Л. 38.
12. Там же. Л. 118–121.
13. Там же. Л. 113 об.
14. Там же. Л. 105.
15. Там же. Л. 95–99, 103–105.

Шехурина Людмила Дниодоровна
Санкт-Петербургский гос. институт культуры,
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: shekhurinald@gmail.com

Д. В. ФИЛОСОФОВ и Г. К. ЛУКОМСКИЙ

Аннотация: О взаимоотношениях двух творческих личностей, ставших знаковыми в художественной культуре Серебряного века. Отношения Д. В. Философова и Г. К. Лукомского не были близкими, однако сближал их художественный круг, центром которого был А. Н. Бенуа. Отношения их были столь же значимыми, сколь и противоречивыми. Пренебрежение и обиды сочетались с уважительным отношением и сотрудничеством в ряде мероприятий.

Ключевые слова: Д. В. Философов, Г. К. Лукомский, Серебряный век, художественная среда, «Мир искусства».

Ljudmila Shekhurina
St. Petersburg State institute of culture

D. V. FILOSOFOV AND G. K. LUKOMSKIJ

Abstract: About the relationship between two creative personalities who became iconic in the artistic culture of the Silver age. The relationship between D. V. Filosofov and G. K. Lukomsky was not close, but their artistic circle, the center of which was A. N. Benois, brought them closer. Their relationship was as significant as it was controversial. Neglect and resentment were combined with respect and cooperation in a number of activities.

Key words: D. V. Filosofov, G. K. Lukomsky, Silver age, artistic environment, «Mir iskusstva».

Художник-архитектор и историк искусства Георгий Крескентьевич Лукомский (1884–1952) считается знаковой фигурой Серебряного века. В дореволюционной столичной прессе его имя нередко стояло в одном ряду с крупнейшими деятелями искусства начала XX в. и прежде всего — с представителями «Мира искусства». В печати помещались многочисленные рецензии на его книги, отзывы на публичные выступления, на графические работы.

Огромная заслуга Лукомского состоит в привлечении внимания общества к красоте архитектурной старины и в призывах к ее сохранению. Популяризаторская деятельность Лукомского проявилась во

всех аспектах его деятельности: художественно-графической, искусствоведческой, общественной и музейной.

Г. Лукомский был известен и успешен в дореволюционной России и не менее успешен в эмиграции не только как художник, но и как автор многочисленных книг, статей, заметок и рецензий.

В 1908 г. искусствовед Сергей Константинович Маковский пригласил молодого, никому не известного художника, еще не завершившего учебу в Академии художеств к участию в организованном им художественном «Салоне» (в помещении б. Меншиковского дворца). Работы молодого художника, выставленные

Г. К. Лукомский

в архитектурном отделе, не остались незамеченными. Внимание прессы и публики привлекла также прочитанная Лукомским в помещении «Салона» публичная лекция «Эстетика городов и поэзия зодчества» [11, л. 64]. В лекции, посвященной западно-европейской архитектуре, проявилась не только большая эрудиция докладчика, но и страстное желание привлечь внимание публики к красоте архитектурных форм.

Лекция молодого энтузиаста привлекла внимание и Александра Николаевича Бенуа, предложившего ему написать обзорную статью об архитектуре на выставке в «Салоне». Мэтр искусства преподавал начинающему искусствоведу серьезный урок литературного творчества. Первая публикация в «Московском еженедельнике» положила начало дружбе с А. Н. Бенуа. Лукомский вошел в его ближний круг, став завсегдатаем «четверговых обедов» в доме обожаемого им А. Н. Бенуа. Образовавшийся круг сподвижников Бенуа, в который вошли И. М. Степанов, С. П. Яремич, Г. К. Лукомский и др., не вызывал одобрения у Д. В. Философова: «Ты все время копошишься около людей и с людьми и люди тебя любят, хотя, как это ни странно, преимущественно “малые сии”». Своего рода «салон», созданный Бенуа, он считал «идеалом пошлости». «Живи творя и твори живя <...> А ты устраиваешься под общую рамку петербургско-мещанского жур-фикса и занимаешься популяризацией карточек Красного Креста. <...> Протестую», — гневно заявлял он [9,

л. 20–21]. Под «популяризацией карточек Красного Креста» Философов имел в виду сотрудничество Бенуа с издательством «Общины св. Евгении». Сотрудником его являлся и Г. Лукомский. Община выпустила немало открыток, воспроизводящих работы художников.

Георгий Лукомский с успехом участвовал во многих художественных выставках — столичных, провинциальных и международных. Начиная с 1910 г. художник успешно представлял свои работы и на выставках «Мира искусства». А в 1911 г. он был приглашен не только к участию в очередной выставке «Мира искусства», но и к ее организации. Для молодого академика это была большая честь.

Не прошло без внимания и участие Лукомского в выставке «Мира искусства» 1913 г., устроенной в залах Общества поощрения художеств. «Заметно развивает и укрепляет свое дарование Г. К. Лукомский», — писал в обзоре выставки известный журналист Иван Лазаревский [5]. Однако успешное участие Лукомского в выставке было омрачено недоброжелательной и несправедливой критикой Д. В. Философова: «Маленький вопрос устроителям выставки. Почему они проявили столь мало уважения к таким славным и хорошим художникам, как М. В. Добужинский, А. П. Остроумова-Лебедева и Н. Е. Лансере? Эти художники воскресили Петербург, создали свой, особый жанр, устроители наводнили выставку дилетантскими поделками г-на Лукомского, этого вульгаризатора общедоступной старины. Неприятно смотреть на эти обильные и неумелые суррогаты тонких работ вышеназванных художников» [4].

Подобная оценка, данная известным журналистом, другом А. Н. Бенуа, потрясла Лукомского. Под защиту художника взял сам А. Н. Бенуа — в письме, опубликованном в газете «Речь», он указал на наличие в статье Д. Философова «неточности и несправедливости». «Его упрек устроителям выставки, что они проявили столь мало уважения к таким хорошим художникам, как Добужинский, Остроумова и Н. Лансере, лишено основания. Всякий посетитель выставки может убедиться, что этим художникам уделены лучшие и почетнейшие места. Мало того, Добужинский был как раз одним из устроителей выставки и разместил свои вещи по собственному усмотрению. Несправедлив Д. Философов и в своем замечании о г. Лукомском. Его произведений всего 15 небольших рисунков и им отведено скорее скромное место и, следовательно, о наводнении ими выставки и обилии их не может быть речи» [1]. Ранимому, болезненно реагирующему даже на незначительную критику, Лукомскому, защита А. Н. Бенуа была особенно дорога.

Изображения старинных построек художник помещал в журналах «Зодчий», «Ежегодник-архитекторов-художников», «Аполлон»,

«Нива», «Искусство Южной России», «Солнце России», «Огонек», «Аргус», «Голос жизни» и др.

В литературно-публицистический еженедельник «Голос жизни», созданный в 1914 г., Д. В. Философов пришел в 1915 г. С приходом нового главного редактора расширился состав приглашенных в журнал художников. В него вошли: Н. Рерих, Д. Митрохин, Г. Нарбут, С. Чехонин, и др. Приглашен был и Г. Лукомский, чьи художественные заслуги Философов уже не мог не признать. В иллюстрациях с очевидностью отразилась новая позиция журнала — стремление противопоставить красоту ужасам

и серости действительности. Невзирая на войну, они напоминали людям о преобразовании жизни искусством и его сохранении. В журнале «Голос жизни» (1916. № 17) были опубликованы львовские рисунки Лукомского с изображением церковной старины: «Львовский собор (римско-католический)»; «Собор униатский св. Юра (Юрия-Георгия)»; «Костел доминиканцев».

Апофеозом исследования провинциальной архитектурной старины стала книга Лукомского «Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства. Ч. 1. Наша провинция», выпущенная издательством «Шиповник» в 1915 г. Фундаментальный труд по описанию архитектурных построек провинциальной России стал своего рода энциклопедией архитектурной провинции.

Объемный труд пережил за этот год два издания. Второе превысило объем первого на 200 страниц [6]. К оформлению Лукомский привлек близких ему художников «Мира искусства» — С. Чехонина, Е. Нарбута и М. Добужинского.

Об успехе книги свидетельствует ряд доброжелательных рецензий. В одной из них Лукомского называют «большим знатоком строительства провинциальной России и тонким ценителем подлинной художественности стиля и вкуса зодчества былых времен», а его книгу — «высокоталантливой»: «И ясным становится основная мысль автора, что подлинная художественная красота может быть не толь-

ко в церкви, дворце или особняке магната, но точно также в почтовой станции, гауптвахте, воротах, службах и даже амбарах. После прочтения этой убедительной, талантливой книги не остается сомнения, что уже со второй половины XIX века и вплоть до наших дней в деле художественного строительства полный упадок, тогда как предки наши даже в отдаленных медвежьих углах умели работать <...> и конструктивно, и высокохудожественно» [8].

Собранный огромный материал автор попытался систематизировать по типам архитектуры и по видам построек. Отделив

церковную архитектуру от гражданской, он разбил последнюю на три группы строительства в соответствии с социальным назначением: правительственное, общественное, частное. «Систематизируя и описывая представленный здесь материал, я надеялся, что 1) он будет интересен желающим ознакомиться с характером усадебного строительства в России, 2) явится полезным подспорьем для интересующегося отечественным строительством — этим лучшим “портретом” быта, вкуса и способностей народа, — и, наконец, 3) даст нашим архитекторам красивый и здоровый источник для композиции, особенно при выполнении ими проектов усадеб», — писал Лукомский в предисловии [7, с. 9].

Ту же мысль подтвердил в своей рецензии и Д. В. Философов, обративший главное внимание на многочисленные фотографии, выполненные самим автором. В книге Лукомского он увидел, прежде всего, архитектуру «новой провинции», красоту которой может заметить только глаз художника или фотографа, — архитектуру присутственных мест и торговых рядов: «Даже “гауптвахты”, самое здание которых возбуждает в нас, по некоей ассоциации, чувство тошноты, снятые рукой фотографа-художника <...> говорят сами за себя, навевают воспоминания о стиле “ампир”. <...> Приходит художник, смотрит на эти ряды, гостиные двory, рынки своим ясным, художественным глазом, и клоака преобразается. <...> Лукомский собрал много снимков с провинциальных “гостиных дворов”. В Ярославле портик “Малого

гостиного двора” — напоминает портик римского храма, в Чернигове колоннада торговых рядов кажется колоннадой какой-то виллы в римской кампани» [13].

Своей рецензией Д. В. Философов показал не только интерес к архитектурной старине провинциальной России, но и уважение к ее большому знатоку и исследователю.

В 1916 г. отношения Лукомского и Философова были связаны с издательством «Свободное искусство». С середины 1916 г. велась кропотливая работа над изданием коллективной монографии (иллюстрированного сборника статей) «Александр Бенуа». Редактором-составителем книги и автором одной из статей об А. Н. Бенуа являлся Г. К. Лукомский. Авторы других статей — известные художественные деятели С. М. Волконский, Макс Волошин, А. Я. Левинсон, Г. К. Лукомский, С. К. Маковский, А. А. Ростиславов, Д. В. Философов, С. П. Яремич — старались «обрисовать всю ту атмосферу, которая как бы создалась вокруг Бенуа и ближайших его друзей» [2]. Д. Философов подготовил воспоминания о юных годах Александра Бенуа.

Работа над книгой продолжалась около года. Над иллюстративной частью монографии усиленно работал Е. Ю. Грюнберг, добиваясь нужного качества печати. Лукомский, как редактор-составитель, отвечал главным образом за тексты статей. «Вечером я со Стипом (С. П. Яремич. — *Л. III.*) у Г. К. Лукомского. Читали статью Макса Волошина для моей монографии. Поражен тем, что при некоторой литературной фразеологии, столько действительного понимания, столько верного и меткого. Милый Макс!», — писал в своем дневнике А. Н. Бенуа [3, с. 37]. Что же касается статьи Лукомского, ею Бенуа был отнюдь не удовлетворен. С раздражением он писал в дневнике: «Вечером Лукашка (Лукомский. — *Л. III.*). Меня начинает разбирать ужас перед его неисправимым, неизлечимым легкомыслием и просто недомыслием. Он самого главного в моих автобиографических рассказах не схватывает. Нет, я его далеко еще не перевоспитал. А возможно ли это? Все же он трогает меня своим усердием и своим даром набирать всевозможные сведения» [3, с. 95].

Монографию предполагалось издать роскошной, большеформатной, «в изящных переплетах и папках». В книгу предполагалось включить более 300 цветных и черно-белых иллюстраций. Титульный лист, виньетки и украшения к переплету этого издания были выполнены Г. Нарбутом. Была объявлена подписка с обещанием выпуска книги весной 1917 г. Однако увидеть книгу подписчикам так и не довелось.

Издан был только иллюстрированный проспект монографии, который дает некоторое представление об интересном замысле издательства [10].

В сложных условиях войны и назревавшей революции издательствам, и особенно художественным, нелегко было выжить. Типография «Унион», входившая в состав издательства, становилась убыточной. В августе 1917 г. Ф. Б. Бернштейн «во избежание реквизиции» решил продать «Унион». По закрытии типографии покинул издательство и ее управляющий Е. Ю. Грюнберг, активно занимавшийся подготовкой иллюстративной части монографии.

Горько сожалел о печальной судьбе посвященной ему монографии, А. Н. Бенуа вспоминал: «...И пространный текст (писанный десятью авторами), и белоснежные клише иллюстраций — было готово. Помешали “мировые катастрофы”, и в частности, исчезновение самого издателя Бернштейна и всего его “штаба”» [3, с. 62]. В печальной судьбе монографии Бенуа обвинял и Лукомского, успевшего в 1916–1917 гг. выпустить в издательстве «Свободное искусство» три свои книги по архитектуре северной столицы: «Старый Петербург», «Современный Петербург» и «Современный Петроград».

После свершения Февральской революции в художественных кругах встал вопрос об образовании вместо Министерства императорского двора Министерства изящных искусств. 4 марта в квартире М. Горького, под его председательством, состоялось совещание художников и деятелей искусства. С речью «Об охране художественного достояния народа» выступил А. Н. Бенуа. В ней говорилось о судьбах многочисленных памятников искусства, о дворцах и парках, музеях, соборах, монументах.

По инициативе Горького избирается Комиссия по охране художественных ценностей из двенадцати человек: В. Н. Аргутинский-Долгоруков, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибин, М. В. Добужинский, Н. Е. Лансере, Г. К. Лукомский, В. Г. Каратыгин, К. С. Петров-Водкин, Н. К. Рерих, И. А. Фомин, Ф. И. Шаляпин; председатель — Горький. Программа и структура деятельности Особого совещания были также разработаны А. Н. Бенуа: «Для нового устроительства всех отраслей искусства в России из членов совещания и приглашенных деятелей искусства организуется 8 комиссий: музейная и охранения памятников, строительная, торжеств, праздников и распространения искусства в народе, государственных заводов и издательств, музыкальная, театральная, художественного образования и законодательная» [12, л. 10–11].

Формируя состав комиссий, А. Н. Бенуа привлек в них выдающихся деятелей культуры и искусства. В театральную комиссию во-

шел Д. Философов. В состав музейной и охранной комиссии вошел Г. Лукомский.

За первые 2–3 месяца после Февральской революции отдельными членами Совещания была проделана огромная работа по приему городских загородных дворцов. По заданию комиссии в марте-апреле 1917 г. для осмотра дворцов Г. Нарбут и Г. Лукомский были командированы в Тверь и Киев [12, с. 66].

В результате первоначальных осмотров удалось освободить Петергофский и Ораниенбаумский дворцы от размещенных в них организаций. О печальном положении Зимнего дворца, занятого учреждениями, подробно сообщал Лукомский. Совещание предполагало превратить дворец в художественно-исторический музей. Начало было положено переводением в него Музея Старого Петербурга, сотрудниками которых являлись также А. Н. Бенуа и Г. К. Лукомский.

В мае 1917 г. Лукомский возглавил созданную по инициативе Особого совещания Царскосельскую художественно-историческую комиссию, целью которой являлось переустройство дворцов в музеи. В задачи комиссии входило: организация охраны, ремонта и реставрации помещений бывшей царской резиденции, каталогизация находящихся в ней исторических реликвий и произведений искусства, а также описание и консервация обстановки семьи последнего царя для предполагаемого специального раздела будущего музея.

За полтора года работы Художественно-историческая комиссия завершила описание имущества царскосельских дворцов, организовала охрану художественных ценностей, начала реставрацию музейных экспонатов, церковных павильонов, интерьеров дворца, в том числе Агатовых и Янтарной комнат, завершила ремонт Камероновой галереи. Осуществлялась сложнейшая задача по превращению бывших царских резиденций в художественные музеи.

1 мая 1918 г. двери дворцов и парков Царского Села были открыты для всенародного посещения. Лукомский отправился в Киев, где продолжил заниматься охранительно-музейным делом. Затем — Крым, откуда он отправился в Константинополь.

Оба в 1920 г. оказались за границей, где пути Д. Философова и Г. Лукомского уже не пересекались.

Каждый из них оставил заметный след и в истории русской эмиграции.

Литература и источники

1. *А. Б. [Бенуа]* Письмо в редакцию // Речь. 1913. 13 янв.
2. Александр Бенуа: Сборник статей С. М. Волконского, А. Я. Левинсона, М. Волошина, Г. К. Лукомского, С. Маковского, А. Ростиславова, С. Ростиславова, С. Яремича, Д. Философова / Под ред. Г. К. Лукомского. Петроград: Свободное Искусство, 1917. 12 с. [Проспект; Вып. № 3].
3. *Бенуа А. Н.* Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003. 702 с.
4. *Д. Ф. [Философов]*. Искусство никому не нужно // Речь. 1913. 6 янв.
5. *Лазаревский И.* Выставка «Мир искусства» // Вечернее время. 1913. 6 дек.
6. *Лукомский Г. К.* Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства: [Ч. 1]. Русская провинция. Пг.: Шиповник, [1915]. 399 с.; То же: 2-е изд., перераб. и доп. Пг.: Шиповник, [1915]. 593 с.
7. *Лукомский Г. К.* Памятники старинной архитектуры России. Часть первая. Наша провинция. Пг.: Шиповник, 1916. С. 9.
8. Отдел рукописей Государственного Русского музея (ОР ГРМ). Ф. 109. Д. 196 (вырез. из газ. «Биржевые ведомости»).
9. ОР ГРМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1672.
10. ОР ГРМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2026.
11. ОР ГРМ. Ф. 109. Д. 199.
12. *Р-в [Ростиславов] А.* Революция и искусство // Аполлон. 1917. № 23. С. 64–72.
13. *Философов Д.* «Наша провинция» // Речь. 1916. 13–14 марта.

Ндяй Ивона Анна

Институт литературоведения Варминско-Мазурского университета,
Кафедра восточнославянской литературы,
Ольштын, Польша
e-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl

ЭМИГРАНТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА Д. В. ФИЛОСОФОВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация: В центре внимания степень изученности публицистического наследия Д. В. Философова. Предметом анализа являются научные исследования, посвященные жизни, деятельности и эмигрантской публицистике Д. Философова, а также статьи и публикации о нем в научных и популярных изданиях. Исходной точкой рассуждений стало мнение о том, что собрание и систематизация библиографического и критического материала, относящегося к издательской деятельности и публицистике Д. Философова, является одним из важных этапов работы по воспроизведению общей картины жизни русской эмиграции в Польше. В связи с этим особое внимание уделяется публикациям, освещающим деятельность Философова в Польше; определению той значительной роли, которую он сыграл в среде русской эмиграции, а также его тесным связям с польской интеллигенцией. Проведенный анализ, с одной стороны, позволяет сделать вывод о том, что благодаря усилиям исследователей из России, Польши и Канады деятельность Философова-эмигранта получила разностороннее освещение. С другой стороны, дело переиздания творческого наследия эмигрантского периода, несмотря на предпринимаемые попытки, находится в состоянии далеко не удовлетворительном.

Предоставленная статья подготовлена по результатам стажировки в Доме Русского зарубежья им. Александра Солженицына (Москва, Россия) по проекту Программы развития Варминско-Мазурского университета в Ольштыне, финансируемого Европейским Союзом в рамках Европейского Общественного Фонда (Оперативная программа «Знание. Образование. Развитие»; Грант POWR.03.05.00-00-Z310/17).

Ключевые слова: Д. В. Философов, публицистика, русская эмиграция.

Iwona Anna Ndiaye
Institute of Literary Studies
of University of Warmia and Mazury,
Head of the Department of East Slavic Literature
Olsztyn, Poland

EMIGRANT PUBLICISM D. V. FILOSOFOV: RESEARCH AND STUDY PROSPECTS

***Abstract:** In the center of attention is the degree of study of the journalistic heritage of D. V. Filosofov. The subject of the analysis was scientific research devoted to the life, work and emigre journalism of D. Filosofov, as well as articles and publications about him in scientific and popular publications. The starting point of the discussion is the opinion that the collection and systematization of bibliographic and critical material related to the publishing activity and journalism of D. Filosofov is one of the important stages in the work on the perception of a general picture of the life of the Russian emigration in Poland. In this regard, special attention is paid to publications covering Filosofov's activities in Poland; the definition of the significant role that he played among the Russian emigration, as well as his close ties with the Polish intelligentsia. The analysis carried out, on the one hand, allows us to conclude that, thanks to the efforts of researchers from Russia, Poland and Canada, the activities of Filosofov-emigrant received a diversified coverage. On the other hand, the work of republishing the creative heritage of the emigre period, despite the attempts made, is in a far from satisfactory state.*

The publication was written as a result of the author's internship in Aleksandr Solzhenitsyn Center for Russia Abroad, co-financed by the European Union under the European Social Fund (Operational Program Knowledge Education Development), carried out in the project Development Program at the University of Warmia and Mazury in Olsztyn (POWR.03.05.00-00-Z310/17).

***Key words:** D. V. Filosofov, journalism, Russian emigration.*

Учитывая специфику культурной ситуации начала XX в., любой этап биографии публициста, критика, общественного и культурного деятеля мы должны рассматривать как минимум в двух аспектах: фактографическом, когда анализ охватывает в значительной степени документальные источники, относящиеся к прошлому, и историко-культурном, когда особое внимание должно быть сосредоточено на духовном смысле действий и его значении для творческой биографии.

Эту особенную черту эпохи Владислав Ходасевич характеризовал таким образом:

Мы <...> жили в трудном и сложном мире, который мне сейчас уже не легко описать таким, каким он воспринимался тогда. <...> Мы жили в реальном мире — и в то же время в каком-то особом, туманном и сложном его отражении, где все было «то, да не то». Каждая вещь, каждый шаг, каждый жест как бы отражался условно, проектировался в иной плоскости, на близком, но неосозаемом экране. Явления становились видениями. Каждое событие, сверх своего явного смысла, еще обретало второй, который надобно было расшифровывать. Он не легко нам давался, но мы знали, что именно он и есть настоящий [46, с. 102].

Ярким подтверждением этих слов является биография Дмитрия Владимировича Философова, незаурядные способности которого и преданность России определили его родословная и семейные традиции. Детство и молодость сына Анны Павловны Философовой, известной деятельницы общественного движения, прошли в атмосфере гуманизма и высокой культуры. Однако после большевистского переворота свою дальнейшую жизнь в Советской России Д. Философов считал невозможной. Вместе с Зинаидой Гиппиус, Дмитрием Мережковским и Владимиром Злобиным он эмигрировал в Польшу. После Минска они направились в Варшаву, в которой, как и в других польских городах (Вильно, Львов, Брест, Ровно, Гродно, Лодзь и др.), образовался своеобразный центр литературной и культурной жизни русской эмиграции. Столица Речи Посполитой стала «временным приютом» для многих эмигрантов: для некоторых, как Мережковские и Александр Амфитеатров, — временным, для других, как Философов, — пожизненным.

С первых же дней эмиграции Философов принимал участие в политической и культурной жизни Варшавы, сотрудничая с русскими организациями в Польше. Свою политическую антибольшевистскую активность реализовал при непосредственном сотрудничестве с Борисом Савинковым и генералом Станиславом Булак-Балаховичем. Философов исполнял обязанности вице-председателя (заместителя Савинкова) и генерального секретаря Русского политического комитета, который осуществлял свою деятельность при поддержке польского правительства и лично маршала Юзефа Пилсудского.¹

---

¹ Представителем Польши в РПК был полковник Б. Медзински, один из ближайших сотрудников Ю. Пилсудского, заведовавший политическим отделом военного министерства и ответственный за деятельность русских организаций в Польше. См. [16, с. 63–64].

Д. Философов активно включился в издательское дело. В 1920–1940 гг. вместе с М. Арцыбашевым, А. Домбровским, В. Злобиным, В. Португаловым, Е. Шевченко и др. он редактировал периодические русскоязычные издания; был также членом редколлегии варшавской газеты «Свобода» (1920–1921),² соредактором газет «За свободу!» (1924–1928), «Молва» (1932–1934), главным редактором журнала «Меч» (1934). Особое место в культурном наследии первой волны русской эмиграции занимает публицистическая и критическая деятельность Философова, который в течение двадцати лет на страницах вышеназванных газет выступал в качестве редактора, литературного критика и, прежде всего, публициста. Он публиковал эссе, фельетоны, посвященные злободневным политическим темам, польско-русским отношениям, а также вопросам русской и европейской культуры.

Однако на протяжении многих лет эмигрантская деятельность Д. В. Философова оставалась темой малоизученной и рассматривалась маргинально, как правило, в контексте более масштабной темы русско-польских связей межвоенного периода. Культурная жизнь русской эмиграции в Польше является предметом особого исследовательского интереса Ольги Розинской; в ее диссертационной работе «*Русская литературная эмиграция в Польше*» представлен анализ поэтического, прозаического, публицистического творчества наиболее ярких представителей русской культуры в эмиграции. Розинская выявляет ту особую роль, какую они играли как в жизни русской эмиграции, так и в истории русско-польских литературных связей, а также в определении места, занимаемого русской литературной диаспорой в Польше в общем ряду литературы русского зарубежья. Материалом исследования послужили эмигрантские журналы и газеты («За свободу», «Меч», «Молва»), выходившие в Польше в межвоенное двадцатилетие, повести Б. Савинкова «*Конь бледный*» и «*Конь вороной*», пьеса М. Арцыбашева «*Дьявол*», поэтические произведения Л. Гомолицкого, в том числе его поэма «*Варшава*», стихи русских поэтов, напечатанные на страницах эмигрантской прессы, публицистика Д. Мережковского, Д. Философова, М. Арцыбашева и др. При этом, как подчеркивает исследовательница, создание более полной картины культурной жизни русской эмиграции в Польше дело будущего: «...в российском и зарубежном литературоведении до сих пор нет серьезного обобщающего исследования о жизни русских писателей в межвоенной Польше, о их

² Газета «Свобода» выходила в Варшаве с 17 июля 1920 г. (с 4 ноября 1921 г. по 6 апреля 1932 г. под названием «За свободу!»). Первым официальным редактором был В. А. Злобин, но фактическим руководителем являлся Д. В. Философов.

литературной, публицистической и общественной деятельности, о тесных контактах с польской интеллигенцией» [38, с. 153–165; 39, с. 11].

Накануне XXI в. польский историк Войцех Станиславский объяснял отсутствие научного интереса к деятельности Философова тем фактом, что тот оставался в тени Мережковского и Гиппиус [86, с. 162]. Заметим однако, что за последнее двадцать с лишним лет эмигрантский период биографии Д. Философова находит отражение в многочисленных публикациях. О том, что в последнее время изучение жизни и творчества Д. В. Философова существенно меняется, говорил Олег Коростелов, крупный авторитетный исследователь истории, культуры и критики первой волны русской эмиграции:

Как автор (Д. Философов. — *ред.*) ушедшей эпохи вводится в научный оборот? Традиционные пути: издания его творческого наследия; подготовка и обнародование библиографии его публикаций, а также работ о нем; доклады на конференциях; статьи и публикации в научных и популярных изданиях; научные чтения; радиопередачи и телепрограммы. Д. В. Философов почти все это теперь имеет [26, с. 5].

Так, например, благодаря усилиям исследователей из России, Польши и Канады деятельность Философова-эмигранта получила разностороннее, хотя, конечно, далеко не полное научное освещение. Деятельность Философова в годы эмиграции и его публицистическое наследие в первую очередь привлекают внимание российских исследователей.³ Варшавский период жизни Мережковских и Философова остается в кругу интересов Ольги Демидовой из Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина и Европейского университета в Санкт-Петербурге. Демидова также пишет об участии Философова в деле Б. Савинкова в межвоенной Варшаве. Особое внимание уделяется диалогу Варшавы и Парижа в контексте проблемы аксиологии эмиграции. Кроме того, основываясь на варшавских письмах

³ Нами не рассматриваются те публикации, которые затрагивают предмет настоящего обзора косвенно, либо посвящены вопросам или отдельным эпизодам, так или иначе имеющим отношение к Философову. Здесь следует упомянуть статью известного российского исследователя Серебряного века и его продолжения в эмиграции Н. А. Богомолова, см. [2, с. 19–24] (переиздана в сборнике «Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания». Томск: Водолей, 1999) и связанные с ней тематически [1, с. 34–50] (ее вариант: *Русская газета в Польше: Литература и политика // Words, Deeds and Values: The Intelligentsias in Russia and Poland during the Nineteenth and Twentieth Centuries. Slavica Lundensia. Lund, 2005. Vol. 22. P. 21–228).*

Философова и его дневниках, а также дневниках Гиппиус, российский исследователь раскрывает историю распада известного петербургского «триумвирата» (З. Гиппиус — Д. Мережковский — Д. Философов: она «реконструируется на фоне последовавшего за октябрьским переворотом 1917 г. общероссийского экзистенциального и политического хаоса, вызвавшего непримиримое противоречие внутри “триумвирата”, который привел к физическому разрыву/разделению» [7, с. 91–97; 9, с. 175–191; 8, с. 120–136; 10, с. 145–154; 11].

Избранным мотивам в эмигрантской публицистике Д. Философова посвящены статьи Татьяны Симоновой [40, с. 381–390], сотрудника Российского университета театрального искусства в Москве, Виктории Мочаловой из Института славяноведения РАН [77, с. 105–119] и Галины Шкалиной из Казанского государственного института культуры [48, с. 103–116].

Авторами многих работ, посвященных эмигрантской жизни Д. Философова, являются также исследователи других стран. Среди них следует назвать публикации литовского филолога Павла Лавринца: «Мотив неуспеха в поздней публицистике Д. В. Философова» (2006), «Польская великая эмиграция в публицистике и критике Д. В. Философова 1920–1930-х гг.» (2006), «Мемуар в публицистике Д. В. Философова 1920–1930-х гг.» (2009) [32, с. 74–82; 33, с. 376–391; 29, с. 35–41; 30, с. 190; 31, с. 62–78]. Лавринец подготовил также к печати статью, посвященную переписке Д. Философова с польским критиком и публицистом М. Здзеховским [30, с. 176–190].

Статьи по материалам варшавского архива Философова публикует канадский исследователь Джон Стюарт Дюррант (Durtant), в домашнем архиве которого хранятся многие документы, в том числе корреспонденция и дневниковые записи Философова. Данные источники включаются в научный дискурс с 1990-х гг. [15, с. 444–459; 17, с. 252–313; 13, с. 5–184; 14, с. 206–242; 14, с. 68–87; 12, с. 54].

Среди исследователей, предпринявших попытку заполнить пробелы в истории русской эмиграции в Польше, следует отметить польских русистов и историков. Обзор литературной и общественной деятельности наиболее известных эмигрантов дается в статье Я. Кульчицкой-Салони. Известный историк польской литературы и компаративист сосредоточивает свое внимание на таких личностях, как Д. Философов, Д. Мережковский, М. Арцыбашев, Б. Савинков [65, с. 1–12]. Близкими по тематике являются статьи Т. Зенкевича, В. Скрунды, Т. Шишко, включенные в том 3 серии «Studia Rossica» (издано Институтом русистики Варшавского университета) [68]. Кроме того,

ссылки на имя Д. Философова и его роль лидера русской эмиграции в Варшаве находим в многочисленных научно-критических публикациях, посвященных представителям польской культуры — М. Домбrowsкой, Е. и С. Стемповским, Ю. Чапскому, Я. Ивашкевичу, Ч. Милошу, Е. Гедройцу и др., а также польско-русским контактам межвоенного времени [70; 64, с. 3–11; 63; 49, с. 125–148; 87, с. 139–149; 88, с. 3–18; 50; 85, с. 35–59; 91, с. 109–128; 69, с. 61–62; 93, с. 128–139; 58; 41, с. 103–116]. Уделяется внимание Философову в книге Магдалены Гроховской, посвященной мыслителям XX в. [60, с. 257–34; 51].

Память о годах польско-русских литературных отношений запечатлена также в критических работах, воспоминаниях и корреспонденции представителей польской интеллигенции [90; 50; 52, с. 6–7; 51 с. 44, 114 и др.; 61; 53, с. 82 и др.; 71, с. 208–213]. В 2019 г. в переводе на польский язык опубликована переписка Д. Философова, Д. Мережковского и З. Гиппиус. Переводы сделаны проф. А. Возняк на основе оригиналов, которые хранятся в Русском центре в г. Амхерст (США) [94, с. 232–332].

Основные проблемы истории русской эмиграции в Польше рассматривают историки В. Станиславский [86; 42, с. 91–96; 43, с. 35–40]⁴ и П. Глушковский [5]. Кроме упомянутых выше публикаций, следует отметить статьи ольштынских исследователей Павла Хжонца и Барбары Козак, опубликованные в «Ежегоднике Дома русского зарубежья им. А. Солженицына» [44, с. 304–314; 25, с. 324–335], а также наши работы — Ивоны Ндяй, в том числе научные статьи [79, с. 105–112; 80, с. 131–136; 84, с. 283–292; 82, с. 338–348; 81 с. 161–170] и монографическое исследование «*Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Filozofowa*», освещающее жизнь и деятельность русского публициста в годы эмиграции [83].

Деятельности Д. Философова в Польше, определению той значительной роли, которую он сыграл в среде русской эмиграции, а также его тесным связям с польской интеллигенцией посвящены публикации польского поэта, публициста и историка литературы Петра Мицнера. Именно ему мы обязаны возможностью ознакомления с воспоминаниями Л. Гомолицкого, в которых дается широкая панорама литературного поля деятельности Д. Философова. Мицнеру удалось разыскать их в архиве варшавского Музея литературы и подготовить к печати в жур-

⁴ Проблеме русской эмиграции в Польше посвящена работа В. Станиславского «*Политическая мысль русской эмиграции во Второй Речи Посполитой*». Диссертация на соискание научной степени кандидата исторических наук написана под руководством проф. Шимона Рудницкого и защищена весной 2002 г. в Варшавском университете.

нале «Новая Польша». Монография *«Warszawski Domek w Kolonnie»* является попыткой наиболее полного освещения этого историко-культурного феномена — дискуссионно-литературного кружка «Домик в Коломне» [76]. Основываясь на разножанровых документах, Мицнер восстанавливает историю создания литературного клуба, описывает варшавский круг знакомых и друзей русского публициста, а самого Д. Философова характеризует как наставника Ю. Чапского, советника маршала Ю. Пилсудского, внимательного читателя произведений польских писателей — А. Мицкевича, М. Домбровской, Ю. Тувима и др. Продолжение этой темы можно проследить и в других работах польского исследователя, который на протяжении многих лет с завидной последовательностью собирает, редактирует, переводит на польский язык и публикует материалы варшавского архива русского эмигранта [76; 92, с. 171–191; 72 с. 155–164; 75, с. 239–257; 73, с. 81–87; 74, с. 156–160].

Особый исследовательский интерес вызывает публицистическое наследие Д. Философова. Статьи, включенные в книги *«Слова и жизнь»* и *«Старое и новое»*, были собраны Т. Ф. Пропоковым в сборнике *«Загадки русской культуры»* [45],⁵ его название восходит к одноименной статье Философова, посвященной Достоевскому и Толстому. В качестве предисловия опубликована статья А. Николюкина *«Д. В. Философов среди декадентов»*, в которой автор «анализирует сложные отношения Философова и Мережковских и их влияние на формирование его мировоззренческих позиций» [47, с. 302]. Как отмечает О. Коростелев, «упомянутую книгу рецензенты встретили скептически, отрицательно оценив уровень подготовки, который и впрямь был не очень высок (в частности, не одобрили и название, не обнаружив в содержании книги никаких загадок)» [26, с. 5].

Грандиозная работа по возвращению имени Д. Философова-публициста была проделана научными сотрудниками Отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам РАН — Олегом Коростелевым и Татьяной Петровой. Результаты многолетних библиографических изысканий были опубликованы на страницах «Литературоведческого журнала», где дается роспись журналов «Мир искусства», «Меч», «За свободу», включавшая список статей Д. Философова [34, с. 234–326; 18, с. 206–323; 19, с. 268–331; 20, с. 282–373; 21, с. 236–368; 22, с. 303–376; 23, с. 148–257; 24, с. 207–274].

⁵ В подготовленный Т. Ф. Пропоковым сборник Философова *«Загадки русской культуры»* из работ эмигрантского периода включены только три статьи. Название сборника восходит к одноименной статье Философова, посвященной Достоевскому и Толстому.

О. Коростелев является автором-составителем тома «Критические статьи и заметки (1899–1916)» дореволюционных публикаций Д. В. Философова на литературные темы. В сборнике собраны работы, ранее не вошедшие в книги Философова «Слова и жизнь» и «Старое и новое» [27, с. 3–21; 28, с. 644–658].

«Давно мечтаю издать книгу о Философове», — писал в письме от 19 февраля 1952 г. польский публицист Ежи Гедройц (Jerzy Giedroyc; 1906–2000), основатель и главный редактор польскоязычного журнала «Kultura», издаваемого в Париже [62, с. 173; см. также 85]. Он считал, что публикация может сыграть положительную роль в польско-русских политических отношениях. В семейном архиве Е. Стемповского находится письмо, из которого следует, что первоначально идея издания книги статей Философова эмигрантского периода относится еще к 1932 г. Она принадлежит С. Стемповскому, М. и Ю. Чапским; была даже подготовлена структура будущей книги: 1. Театр; 2. Польская литература; 3. Воспоминания; 4. Православная церковь в Польше; 5. Национальные меньшинства в Польше; 6. Русская эмиграция в Польше; 7. Советская Россия и Польша; 8. Европа и Польша. Е. Стемповский так объяснял необходимость издания публикации:

Статьи Д. В. Философова о литературе, театре, польских культурных и общественных явлениях, являются уникальным мостом, соединяющим две эпохи польско-русских отношений. Вы сами знаете автора и знаете каким хорошим вкусом, талантом и вдумчивостью обладают его статьи и выступления. Большая часть из них может быть с удовольствием прочтена любителями хорошей критики [37, с. 148–149].

К сожалению, эта ценная идея Е. Стемповского — одного из лучших польских очеркистов, не была осуществлена. Несмотря на предпринимаемые в настоящее время попытки, дело переиздания творческого наследия Д. В. Философова эмигрантского периода находится в состоянии далеко не удовлетворительном. Из статей Философова польского периода на русском языке переизданы лишь отдельные статьи, рассеянные в печатных изданиях, например, «*Бакст и Серов*» («За свободу!», 1923), «*Лев Бакст*» («За свободу!», 1925), в журнале «Наше наследие» (№ 63–64), а также десяток разнородных статей 1927–1934 гг. из «За свободу!», «Молва», «Меч» в электронном проекте «Балтийский архив» (<<http://www.russianresources.lt/archive/>>).

Двухтомное издание избранных сочинений, подготовленное П. Мицнером, — большой вклад по обретению публицистического наследия Философова. Во второй том вошли свыше 80 статей, а так-

же некрологи, рецензии и другие тексты Философова в переводе на польский язык. В хронологическом порядке расположены публикации из всех варшавских изданий («Свобода», «За свободу!», «Молва», «Меч»). Отдельные статьи Д. Философова в переводе на польский язык публиковались также в современных научных журналах [56; 57, с. 227–232; 98; 55, с. 125–129].

Дополнением к научному труду, осуществленному Т. Ф. Пропоковым, О. А. Коростелевым и П. Мицнером, считаем нашу идею — научное издание *«Воскресные беседы. Эмигрантская публицистика Д. В. Философова (1920–1939). В 4-х томах»* [4]. Основопологающий принцип составления отдельных томов данного издания — тематический. Учитывая тот факт, что круг политической и историко-культурной проблематики, затронутый в статьях Философова, широк и многообразен, сочли разумным представить отобранный нами материал в составе четырех томов: Том 1. *«Царство Антихриста»*; Том 2. *«Идеологические искания, эмигранты, миссия эмиграции»*; Том 3. *«Польский вопрос»*; Том 4. *«В ожидании тревоги: международное обозрение»*.

Концепция четырехтомного издания строится с учетом нескольких критериев. В основе задуманного нами проекта лежит убеждение в том, что еженедельные и общественно-политические газеты, выходявшие в Варшаве с 1920 по 1940 г., оставили свой яркий след в истории журналистики русского зарубежья. Поэтому в настоящем издании впервые предпринимается попытка собрать воедино хотя бы часть обширного эмигрантского публицистического наследия Д. Философова. Важным являлось для нас создать представление о жанровом разнообразии основных материалов, опубликованных в варшавских газетах. Для полноты обзора пришлось включить несколько статей, вызвавших широкий отклик в литературной среде, даже если их автор не предстал в них «блистательным стилистом».

Основная цель издания, подготовленного накануне 80-летия со дня смерти публициста, не создание справочника или библиографического указателя об эмигрантской журналистике Д. Философова, а формирование представления о проблемах, которые он разрабатывал в своих статьях, информирование о наиболее значительных и интересных текстах, которые затерялись в межвоенной периодике и больше нигде и никогда не публиковались. На достаточно объемном текстовом пространстве мы старались высветить основные направления не только политического, но и духовного существования эмиграции в Польше, донести их мысли, тревоги, передать тональность полемики

Д. Философова с другими эмигрантами, а также показать роль российского публициста в русском печатном деле в Польше.

Итак, судьба Д. В. Философова — поучительный пример стойкости перед лицом житейских трудностей, но также свидетельство путей становления русской публицистики за рубежом. Деятельность и публицистика Д. Философова, с одной стороны, обогатили русское эмигрантское «духовное поле», с другой — внесли большой вклад в развитие польско-русских культурных отношений. Появившиеся в последнее время исследования по вопросам этих взаимоотношений доказывают, что даже в этот тяжелый период отдаленности и неприязни с успехом устраивались культурные мероприятия, формировалась польско-российская культурная среда. Представляется, что собрание и систематизация библиографического и критического материала, относящегося к издательской и публицистической деятельности Д. Философова, является одним из важных этапов работы по воспроизведению общей картины жизни русской эмиграции в Польше.

Литература и источники

1. *Богомолов Н. А.* Варшавская газета «За свободу!» в 1928–1929 гг.: политика и культура // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. № 6. 2002. С. 34–50.
2. *Богомолов Н. А.* Об одной литературно-политической полемике 1927 года // Литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 19–24 (переиздана в сборнике «Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999).
3. Варшавские годы Д. В. Философова // Наше наследие. 2002. № 63–64. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6407.php>
4. «Воскресные беседы». Эмигрантская публицистика Д. Философова (1920–1939): В 4 т. Т. 1: В царстве Антихриста / Предисл., сост. и примеч. И. А. Ндяй. Ольштын: Изд-во ВМУ, 2021.
5. *Глушковский П., Симонова Т. М.* История русской эмиграции в Польше в 1920–1939 гг. Новые источники и современная историография проблемы // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: История России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/russian-history>
6. Два портрета Д. Ф. Философова // Наше наследие. 2002. № 63–64. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6407.php>

7. Демидова О. Варшавский гамбит в эмигрантской судьбе Мережковских и Философова // Космополис. 2006. № 1 (15). С. 91–97.
8. Демидова О. Диалог Варшавы и Парижа об аксиологии эмиграции (на материале писем Д. Философова к З. Гиппиус и газеты «За свободу!») // «Spojrzenie z ukosa». Literatura i kultura rosyjska w Polsce międzywojennej / Red. G. Pawlak, A. Sobieska. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, 2019. С. 29–48 [Публикация подготовлена по результатам гранта: «Spojrzenie z ukosa...». Kultura i literatura rosyjska oczami Polaków (na materiale czasopism polskich okresu międzywojennego). Opracowanie bibliograficznej internetowej bazy danych wraz z kolekcją publikacji pełnotekstowych. Проект № 2012/07/E/HS2/03861 был реализован под руководством проф. А. Собеской в Институте литературных исследований Польской Академии наук]. Первая публикация: Napis. Т. 24. С. 120–136].
9. Демидова О. Политическое как эстетическое: дело Савинкова в варшавской газете «За свободу!» // Неприкосновенный запас. 2013. № 1 (87). С. 175–191.
10. Демидова О. Filozofia Zerwania. Z warszawskich listów Dymitra Filozofowa do Mierieżkowskich // Emigracja rosyjska, ukraińska i białoruska. Spuścizna literacka, religijno-filozoficzna. Kulturowe zbliżenia / Red. A. Woźniak. Lublin: Wyd. Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2019. С. 145–154.
11. Демидова О. Od “Mira iskusztwa” do “nowej społeczności religijnej”: rosyjski okres życia i twórczości Dymitra Filozofowa // *D. Filozofow. Pisma wybrane*. Т. 1: Trudna Rosja (1900–1916) / Wybór i oprac. P. Mitzner. Tłum. H. Dubyk. Warszawa: Wyd. Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2015.
12. Дюррант Д. С. Введение в мемуарное наследие Дмитрия Владимировича Философова // Философовские чтения: Сборник статей Вторых Философовских чтений, Бежаницы. М.: Псковский объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, 2006. С. 68–87.
13. Дюррант Д. С. Из варшавского архива Д. В. Философова // *Russian Studies*. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1996. Т. 2. № 4. С. 252–314.
14. Дюррант Д. С. Неизданные эссе Дмитрия Владимировича Философова // Философовские чтения: Сборник статей Первых Философовских чтений. Псков: Псковский объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, 2005. С. 206–242.
15. Дюррант Д. С. По материалам архива Д. В. Философова // *Лица: Биографический альманах*. 1994. № 5. С. 444–459.

16. *Дюррант Д. С.* От эстетики к этике: из переписки Д. В. Философова: 1920–1932 гг. («Уж такова наша судьба...»): новое из варшавского архива Д. В. Философова // Наше наследие. 2002. №. 63–64. С. 75–85.
17. *Дюррант Д. С.* Эволюция Д. В. Философова от эстетики к этике // *Europa Orientalis*. 1994. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.europaorientalis.it/uploads/files/2003%20n.2/2003%20n.%202.20.pdf>
18. «За свободу!» (Варшава, 1921–1923): Роспись литературных материалов / Сост. О. А. Коростелев // *Литературоведческий журнал*. 2010. № 27. С. 206–323.
19. «За свободу!» (Варшава, 1924): Роспись литературных материалов / Сост. О. А. Коростелев // *Литературоведческий журнал*. 2011. № 28. С. 268–331.
20. «За свободу!» (Варшава, 1925): Роспись литературных материалов / Сост. О. А. Коростелев, Т. Г. Петрова // *Литературоведческий журнал*. 2010. № 29. С. 282–373.
21. «За свободу!» (Варшава, 1926–1927): Роспись литературных материалов / Сост. О. А. Коростелев, Т. Г. Петрова // *Литературоведческий журнал*. 2012. № 30. С. 236–368.
22. «За свободу!» (Варшава, 1928): Роспись литературных материалов / Сост. О. А. Коростелев // *Литературоведческий журнал*. 2013. № 32. 2013. С. 303–376.
23. «За свободу!» (Варшава, 1929–1930): Роспись литературных материалов / Сост. О. А. Коростелев // *Литературоведческий журнал*. 2013. № 33. С. 148–257.
24. «За свободу!» (Варшава, 1931–1932): Роспись литературных материалов / Сост. О. А. Коростелев, Т. Г. Петрова // *Литературоведческий журнал*. 2014. № 34. С. 207–274.
25. *Козак Б.* «Wcale nie Rosjanin». Дмитрий Философов в воспоминаниях польских культурных деятелей // Ежегодник Дома русского зарубежья. 2016. С. 324–335.
26. *Коростелев О. А.* Возвращение Д. В. Философова: сделанное и необходимое, мечты и реальность // *Философские чтения: сборник материалов Шестых Философовских чтений*. Псков: Псковский объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, 2016. С. 5–13.
27. *Коростелев О. А.* Литературная критика Дмитрия Философова // *Д. В. Философов. Критические статьи и заметки (1899–1916)* / Предисл., сост. и примеч. О. А. Коростелева. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 3–21.

28. *Коростелев О. А.* Статьи и заметки Д. В. Философова на литературные темы (1899–1917): Материалы к библиографии // Д. В. Философов. Критические статьи и заметки (1899–1916) / Предисл., сост. и примеч. О. А. Коростелева. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 644–658.
29. *Лавринец П.* Гуманизм и культура в нашем с вами понимании. Письма Дмитрия Философова Мариану Здзеховскому // Новая Польша. 2008. № 10. С. 35–41.
30. *Лавринец П.* Listy Dymitra Filozofowa do Mariana Zdziechowskiego — Rocznice Zdziechowskiego. Tłum. H. Dubyk // Zeszyty Historyczne. 2008. Z. 165. С. 176–191.
31. *Лавринец П.* Мемуар в публицистике Д. В. Философова 1920–1930-х гг. // Культура русской диаспоры. Эмиграция и мемуары. Таллинн: Таллиннский университет, 2009. С. 62–78.
32. *Лавринец П.* Мотив неуспеха в поздней публицистике Д. В. Философова // Mokslo darbai. Literatūra. Т. 48 (2). Rusistica Vilmensis. 2006. С. 74–82.
33. *Лавринец П.* Польская великая эмиграция в публицистике и критике Д. В. Философова 1920–1930-х гг. // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Т. 10: Век нынешний и век минувший: культурная рефлексия прошедшей эпохи: В 2 ч. Тарту, 2006. Ч. 2. С. 376–391.
34. «Меч» (Варшава, 1934–1939): Роспись литературных материалов / Сост. О. А. Коростелев // Литературоведческий журнал. 2009. № 26. С. 234–326.
35. *Ндяй И. А.* «В духе Пушкина...»: Варшавский «Домик в Коломне» Петра Мицнера [Рец.] // Ежегодник Дома русского зарубежья. 2016. С. 781–788.
36. Неизданные письма Д. В. Философова / Предисл., подгот. текстов и примеч. Д. С. Дюрранта // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1999. Т. 3. № 1. С. 5–184.
37. Письмо Е. Стемповского от 22 января 1932 г. // Kultura. 1998. № 4 (607). С. 148–149.
38. *Розинская О.* Литературные критики эмигрантской Варшавы. Русско-польские литературные связи в 1920–1930-е гг. // Классика и современность литературной критики русского зарубежья 1920–1930 гг. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 153–165.
39. *Розинская О.* Русская литературная эмиграция в Польше. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: Кафедра славянской филологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2000.
40. *Симонова Т. М.* Дмитрий Философов в эмиграции: Диалог культур и практика борьбы // Sztuka Europy Wschodniej. 2014. № 2. С. 381–390.

41. *Скалинская Е.* Юлиуш Кляйнер и Дмитрий Философов. История одной дискуссии // *Colloquia Litteraria: Półrocznik Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie*. 2016. № 2. С. 103–116.
42. *Станиславский В.* Жизнь на обочине. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой // *Новая Польша*. 2006. № 7/8 (77). С. 91–96.
43. *Станиславский В.* Согласие и раздоры. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой. Статья вторая // *Новая Польша*. 2006. № 9 (78). С. 35–40.
44. *Хжонци П.* Несбывшиеся двадцать лет. Польские годы Дмитрия Философова // *Ежегодник Дома русского зарубежья*. 2016. С. 304–314.
45. *Философов Д. В.* Загадки русской культуры / Сост., примеч. Т. Ф. Прокопова; предисл. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2004.
46. *Ходасевич В. Ф.* Муни // *Ходасевич В. Ф. Некрополь*. Paris: YMCA-PRESS, 1976. С. 102.
47. *Шелаева А. А.* Статья Д. В. Философова «Как не надо учить культуре» в контексте его размышлений о проблемах русской культуры // *Философовские чтения: сборник материалов Пятых Философовских чтений*. Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2013. С. 299–305.
48. *Шкалина Г. Е.* Юлиуш Кляйнер и Дмитрий Философов: История одной дискуссии // *Colloquia Litteraria*. 2016. № 2. С. 103–116.
49. *Białokozowicz B* Józef Czapski i triumwirat literacki (Dymitr Mereżkowski, Zinaida Gippius i Dymitr Fілософов) // *Kresy i pogranicza*, Olsztyn: Wydawnictwo WSP, 1995. С. 125–148 [Перевод на русский язык: *Он же*. Юзеф Чапский и литературный триумвират: (Д. Мережковский — З. Гиппиус — Д. Философов) // «Путь романтический совершил...»: Сборник статей памяти Б. Ф. Стахеева. М.: Институт славяноведения РАН, 1996. С. 300–323].
50. *Borkowska G.* Maria Dąbrowska i Stanisław Stempowski. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1999.
51. *Czapski J.* Świat w moich oczach / Rozmowy z J. Czapskim przeprowadził P. Kłoczowski. Seria: Świadkowie XX wieku. T. 6. Ząbki–Paris: Wydawnictwo Apostolicum, 2001.
52. *Czapski J.* Wasilij Rozanow — «muzyka» sprzecznych światów // *W. Rozanow. Pół-myśli, pół-uczucia / Tłum. I. Kania*. Kraków: Oficyna Literacka, 1998. S. 6–7.
53. *Dąbrowska M.* Dzienniki / Wybór i oprac. T. Drewnowski. Warszawa: Czytelnik, 1988. T. 2.

54. *Durrant J. S.* Dmitry V. Filosifov: a Russian „Man of Letters” // St. Petersburg. 2012. Nr 2 (39).
55. *Filosofow D.* Biedny Mickiewicz // *Colloquia Litteraria* / Tłum. E. Skalińska. 2017. Nr 2. S. 125–129.
56. *Filosofow D.* Mickiewicz w Odessie i na Krymie. Na marginesie dzieła prof. J. Kleinera o Mickiewiczu / Tłum. S. Stempowski // *Przegląd Współczesny*. 1934. T. 48. Nr 142. S. 286–293.
57. *Filosofow D.* Pielgrzym / Tłum. i koment. E. Skalińska // *Colloquia Litteraria: Półrocznik Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu Kardynała Wyszyńskiego w Warszawie*. 2008. Nr 1/2. S. 227–232 [Перепечатка статьи, опубликованной в 1933 г. в журнале «Віе́сці»].
58. *Grochowska M. D.* Filosofow. Rosjanin w Polsce // *Grochowska M. W czasach szaleństwa. Hertz — Filosofow — Stempowski — Moltke / Pośl. A. Wolff-Powęska*. Warszawa: Agora, 2019. S. 257–364.
59. *Grochowska M. D.* Философов, русский в Польше / Пер. с польск. И. Е. Аделгейм // *Звезда*. 2018. № 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2018/11/filosofov-russkij-v-polshe.html>
60. *Grochowska M.* W czasach szaleństwa. Hertz, Filosofow, Stempowski, Molke / Pośłowie A. Wolff-Powęska. Warszawa: Agora, 2019.
61. *Iwaszkiewicz J.* Mereżkowscy // *Życie Warszawy*. 1975. Nr 148. [Электронный ресурс]. Режим доступа: WA248_88432_P-I-2524_sobol-tworczosc_o.pdf
62. J. Giedroyc, J. Stempowski. Listy 1946–1969. Cz. 1–2 / Wybrał i oprac. A. S. Kowalczyk. Warszawa: Czytelnik, 1998.
63. Józef Czapski, Mereżkowscy i Filosofow w Polsce. Fragment wywiadu-rzeki z J. Czapskim, udzielonego Andrzejowi Mietkowskiemu // *Puls*. 1993. Nr 1 (60). S. 12.
64. *Krzyżanowski J.* Na manowcach „Drogi do Rosji”. Filosofow versus Kleiner // *Ruch Literacki*. 1934. Nr 3. S. 3–11.
65. *Kulczycka-Saloni J.* Z dziejów literackiej emigracji rosyjskiej w Warszawie dwudziestolecia // *Przegląd Humanistyczny*. 1993. Nr 1 (316). S. 1–12.
66. *Kultura – Rosja*. T. 2. «Kultura» i emigracja rosyjska. W poszukiwaniu zatraconej solidarności / Wybór i oprac. P. Mitzner. Kraków: Instytut Literacki Kultura — Instytut Książki, 2016.
67. Listy Dymitra Filosofowa do Mariana Zdziechowskiego / Oprac. P. Ławriniec; Tłum. H. Dubyk // *Zeszyty Historyczne*. 2008. Z. 165 (2008). S. 176–190.

68. *Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia. Seria: Studia Rossica. T. 3 / Red. W. Skrunda, W. Zmarzer. Warszawa: Wyd. Instytutu Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1996.*
69. *Łukasiewicz J. Notatki: Kolaże // Odra. 2015. Nr 10. S. 61–62.*
70. *mcz. [Maria Czapska]. Dmitrij Fiłosofow o monografii prof. Kleinera, prof. Askenazy o kompanii krymskiej Mickiewicza // Wiadomości Literackie. 1934. Nr 6. C. 5.*
71. *Micińska-Kenarowa H. O Jerzym Stempowskim. Zamiast recenzji z jego "Esejów" // «Pan Jerzy». Śladami niespiesznego przechodnia. Wspomnienia i szkice o Jerzym Stempowskim / Wybór i oprac. J. Timoszewicz. Warszawa: Biblioteka «WIĘZI», 2005. T. 173. S. 208–213.*
72. *Mitzner P. Fiłosofow i Czapski // Zeszyty Literackie. 2009. R. 27. Nr 3. S. 155–164.*
73. *Mitzner P. Modlitwa Mistrza // Colloquia Litteraria: Półrocznik Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu Kardynała Wyszyńskiego w Warszawie. 2015. Nr 1. S. 81–87.*
74. *Mitzner P. Rosyjski goj w międzywojennej Warszawie // Nigdy Więcej. 2016. Nr 22. S. 156–160.*
75. *Mitzner P. Trudna przyjaźń: Dmitrij Fiłosofow, Maria Dąbrowska, Stanisław Stempowski // Pamiętnik Literacki. 2012. Z. 1. S. 239–257.*
76. *Mitzner P. Warszawski „Domik w Kołomnie”. Warszawa: Wyd. Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2014.*
77. *Mitzner P. Warszawski krąg Dymitra Fiłosofowa. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2015.*
78. *Moczałowa W. Ilja Erenburg i Dmitrij Fiłosofow: dwa spojrzenia na Polskę okresu międzywojennego. S. 13–28 [Первая публикация: Napis. 2018. T. 24. S. 105–119. Публикация подготовлена по результатам гранта; «Spojrzenie z ukosa...»].*
79. *Obłąkowska-Galanciak I. [NDiaye I. A.]. Из истории русско-польских литературных связей межвоенного периода (по статьям Дмитрия Философова) // Acta Polono-Ruthenica. 1996. T. 1. S. 105–112.*
80. *Obłąkowska-Galanciak I. [NDiaye I.A.]. Из истории русской эмиграции межвоенного периода. Проект литературной академии // Studia Rossica. T. 3: Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia. Warszawa: Wyd. Instytutu Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1997. S. 131–136.*
81. *Obłąkowska-Galanciak I. [NDiaye I. A.]. Dymitr Fiłosofow i idea wzajemności polsko-rosyjskich kontaktów kulturalnych okresu międzywojennego // Acta Polono-Ruthenica. 2000. T. 5. S. 161–170.*

82. *Obląkowska-Galanciak I.* [NDiaye I.A.]. Dymitr Fiłosofow i Maria Dąbrowska. Z historii polsko-rosyjskich kontaktów kulturalnych w dwudziestoleciu międzywojennym // *Acta Polono-Ruthenica*. 1999. T. 4. S. 338–348.
83. *Obląkowska-Galanciak I.* [NDiaye I.A.]. Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Fiłosofowa. Olsztyn: Wydawnictwo WSP, 2001.
84. *Obląkowska-Galanciak I.* [NDiaye I.A.]. W duchu Puszkina. Dyskusyjny klub literacki «Domek w Kołomnie» (Warszawa 1934–1936) // *Acta Polono-Ruthenica*. 1998. T. 3. S. 283–292.
85. *Sieroń-Galusek D.* Moment osobisty. Stempowski — Czapski — Miłosz // *Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach*. 2012. Nr 3082. S. 35–59.
86. *Stanisławski W.* «Rycerz przegranej sprawy»? Kontakty Dymitra Fiłosofowa z polskimi elitami kulturalnymi // *Emigracja rosyjska: losy i idee* / Red. Z. Karpus, R. Bäcker. Toruń: Wydawnictwo Ibidem, 2002. S. 313–328.
87. *Stanisławski W.* Warszawski Rosjanin // *Twórczość: Miesięcznik literacko-krytyczny*. 1996. Nr 4. S. 162.
88. *Timoszewicz J.* Fiłosofow — Czapski — Stempowski // *Kultura*. 1998. Nr 4. S. 139–149.
89. *Timoszewicz J.* Leon Gomolicki o Dymitrze Fiłosofowie // *Zeszyty Historyczne*. 2007. Z. 159. S. 3–18.
90. *Wędziagolski K.* Pamiętniki (wojna i rewolucja — kontrewolucja — bolszewicki przewrót — warszawski epizod). Warszawa: Warszawska Oficyna Wydawnicza, 1989.
91. *Woźniak A.* Józefa Czapskiego spotkania z rosyjskimi pisarzami emigrantami // *Roczniki Humanistyczne*. 2014. T. 62. Z. 7. S. 109–126.
92. *Zdziechowski do Fiłosofowa* / Oprac. P. Mitzner // *Zeszyty Historyczne*. 2008. Z. 165. S. 191–191.
93. *Zieliński J.* Mądry pan w czapce // *Zeszyty Literackie*. 2016. Nr 2. S. 128–139.
94. Z warszawskich listów Dymitra Fiłosofowa do Mierieżkowskich (lata 20. XX wieku) / Tłum. A. Woźniak // *Emigracja rosyjska, ukraińska i białoruska. Spuścizna literacka, religijno-filozoficzna. Kulturowe zbliżenia* / Red. A. Woźniak. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2019. S. 232–332.

Касаткина Светлана Вадимовна
Заволжский городской художественно-краеведческий музей,
г. Заволжск, Ивановская область, Россия
e-mail: kasatkinas68@mail.ru

ДВОРЯНЕ ФИЛОСОФОВЫ В КИНЕШЕМСКОМ УЕЗДЕ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

***Аннотация:** В статье представлены результаты исследования о роде дворян Философовых, которые проживали в Кинешемском уезде Костромской губернии. В результате изучения новых архивных данных удалось установить имена кинешемских Философовых, определить многих предков Философовых, которые похоронены в Кинешме. Из семейной переписки подтверждается, что кинешемские и ярославские Философовы состояли в близком родстве и поддерживали отношения. Стало известно, что в Кинешме Философовы имели свой дом, который продали в 1864 г.*

***Ключевые слова:** дворяне, Философовы, родословная, Кинешма, Кинешемский уезд, Костромская губерния.*

Svetlana Kasatkina
City Museum of Local History and Art in
Zavolzhsk, Russia

NOBLES OF THE FILOSOFOVS IN KINESHMA COUNTY KOSTROMA PROVINCE

***Abstract:** The article presents the results of a study on the family of the noblemen Filosofovs, who lived in the Kineshma district of the Kostroma province. As a result of the study of new archival data, it was possible to establish the names of the Kineshma Filosofovs, to identify many of the ancestors of the Filosofovs who are buried in Kineshma. From family correspondence it is confirmed that the Kineshma and Yaroslavl Filosofovs were closely related and maintained relations. It became known that in Kineshma Filosofovs had their own house, which was sold in 1864.*

***Key words:** nobles, Filosofovs, genealogy, Kineshma, Kineshma county, Kostroma province.*

Дворяне Философовы владели землями в левобережной части Кинешемского уезда Костромской губернии. Один из представителей этого рода Василий Аркадьевич Философов основал в 1871 г. на берегу Волги химическое предприятие, которое существует до сих пор. Философовым принадлежали усадьбы Мысы, Фроловка, Городище. Однако о кинешемских представителях этого рода известно очень мало. Кто из них связан с Кинешемским уездом и с Кинешмой, когда Философовы обосновались здесь, что известно о представителях этого рода — вот вопросы, на которые предстоит ответить.

Философовы имели земельные владения в разных губерниях (в том числе в Ярославской, Костромской, Псковской). О представителях этого рода, проживавших в Псковской губернии, опубликовано достаточно много информации, в первую очередь в сборниках «Философовские чтения» [12]. Интересным является вопрос о взаимоотношениях представителей этого рода, проживавших в Петербурге с кинешемскими родственниками.

В фонде Алексея Илларионовича Философова (Российский Государственный исторический архив, Ф. 1075) нам удалось найти его переписку с кинешемскими Философовыми.

Алексей Илларионович Философов (1799–1874), генерал-адъютант, генерал от артиллерии, происходил из новолодожской генеалогической ветви Философовых. Выпускник Пажеского корпуса, он с 1818 г. служил в артиллерии, прошел путь от прапорщика до полного генерала. Принимал участие в войнах России с Персией и Турцией, в качестве французского легионера воевал в Алжире, в 1831 г. принимал участие в подавлении польского восстания. В 1835 г. произведен в генералы. В годы Крымской войны он заведовал Кронштадтской артиллерией и крепостью [5, с. 5–17].

В 1838 г. он был назначен воспитателем великих князей Николая и Михаила Николаевичей. Широкая образованность, энциклопедические знания, блестящее владение иностранными языками — все это позволило ему занять место воспитателя сыновей Николая I. Его знали как честного, справедливого и отзывчивого человека, к нему часто обращались с различными просьбами, надеясь на положительный исход.

В августе 1850 г. великие князья совершили путешествие в Нижний Новгород, их сопровождал воспитатель А. И. Философов. 8 августа путешественники прибыли в Кострому, а 9 августа отправились по кинешемскому тракту через Кинешму и Юрьевец в Нижний Новгород. В Кинешме посетили Кинешемский Успенский собор, из собора после краткого молебствия отправились в дом купца Полено-

ва, «где изволили кушать» [1, с. 114]. Затем гости осмотрели историческую часовню на Кинешемской площади при Крестовоздвиженской церкви, устроенную над телами погибших от рук Лисовского в Смутное время. 9 августа в 6 часов вечера путешественники отправились по тракту в Юрьевец.

Готовясь к путешествию в Нижний Новгород, А. И. Философов очевидно, уже знал, что в Кинешме есть дворяне Философовы, его дальние родственники. В это время в Кинешме жили Василий Львович Философов с женой Анной Степановной. У них были дети Николай, Аркадий, Арсений, дочь Александра, бывшая замужем за Андреем Любовниковым. После проезда через Кинешму между А. И. Философовым и кинешемскими Философовыми завязалась переписка.

Одним из вопросов, который затрагивался в письмах, был вопрос о родстве и о предках Философовых. В одном из писем (от 12 января 1857 г.) дочь Василия Львовича Александра, обращаясь к А. И. Философову, отмечала: «Будьте милостивы, не откажите выслушать мое покорнейшее прошение. По обещанию Вашему благодетельствовать тем, кто из рода Философовых» [7, л. 7]. Судя по всему, до поездки в Нижний Новгород А. И. Философов не был знаком с кинешемскими родственниками, хотя есть упоминание о том, что сын Василия Львовича Арсений ранее в Петербурге посещал его. Об этом сообщала сестра Арсения Александра (4 марта 1851 г.), она писала: «В проезде Вас с их Высочествами Великими Князьями Вы были так милостивы, что позволили относиться к Вам и просить покровительства родителям моим; почему и я осмеливаюсь, так как я дочь Василия Львовича Философова и сестра Арсения Васильевича Философова, который имел честь быть у Вас в Петербурге и о котором Вы изволили спрашивать в проезде Вас через Кинешму» [7, л. 1].

Известно, что и Арсений Васильевич в своем письме к А. И. Философову отмечал: «Ваше Превосходительство были так милостивы, обратили внимание на моих родителей Философовых и вместе с тем были так благосклонны, изъявили желание видеть меня, но находясь в то время на службе исправляющим должность лесничего в той же губернии 2 лесного округа Буйского лесничества, где состою в настоящее время, не имел счастья воспользоваться в такое короткое время пребывания Вашего лично представиться Вашему Превосходительству» [8, л. 1–1об.].

В письме А. И. Философову (июнь 1851 г.) жена Василия Львовича Анна Степановна сообщала, что предводитель местного дворянства передал «в проезд ваш через Кинешму милостивое Ваше внимание и

разрешение относиться к Вам, почему я осмелилась просить Вашего милостивого покровительства» [9, л. 1]. В последующих письмах Анна Степановна рассказывала о своей жизни в Кинешме, о родственниках, о роде Философовых. Она сообщала, что муж ее Василий Львович Философов лишен зрения [Там же].

О роде Философовых Анна Степановна рассказывала: «Как вам известно, род Философовых перенесен в 6 книгу и двоюродные братья мужа моего, Василия Львовича, Николай, Александр и Дмитрий Богдановичи с потомством своим внесены по Ярославлю, а как мой муж и брат его покойный Павел Львович получали грамоты тоже из Ярославского Дворянского собрания потом переведены в Костромское Дворянское собрание <...> доказательства же о роде нашем одни и вместе были с ярославскими родными нашими, она от Богдана Михайловича и мой муж и брат его покойный Павел Львович от Льва Михайловича родного брата Богдана Михайловича. Имение разделено между ними даже и то, которое жаловано царем Михаилом Федоровичем пополам же, на которое у нас хранится и жалованная грамота» [11, л. 1–1 об.].

В другом письме (19 февраля 1853 г.) Анна Степановна отмечала: «...я, бывши 52 год в благословенной фамилии Философовых, счастлива <...> и бывши счастлива не только в семействе, но и в родных, когда меня представили в семействе дядюшки Богдана, а в монашестве Феодосия Михайловича, он любил нас и называл меня милой своей племянницею. И мы его почитали как отца и уважали как старшего родного, а потом идут его Василия Львовича двоюродные братья Николай, Александр и Дмитрий Богдановичи. Во всех их имели добрых и ближайших родных» [9, л. 3]. В этом же письме Анна Степановна обращалась к Алексею Илларионовичу с просьбой представить его семью: «Мы имеем родословную, которую батюшка Василия Львовича и мой Лев Михайлович выписал из герольдии, но как это давно и многих теперь в ней не написано, то вот потому и желаем знать, будьте милостивы, простите по старости моих лет, что я Вас обременять более не могу и беспокоить» [Там же, л. 3 об. – 4].

Анна Степановна отмечала, что кинешемские и ярославские Философовы происходили от одного предка. В 1851 г. она просила А. И. Философова походатайствовать о сообщении из герольдии в Кострому для внесения Философовых в 6 книгу. Она сообщала, что два года назад по прошению ярославские Философовы были перенесены из 4 в 6 Дворянскую книгу по Ярославлю, а их прошение о внесении в 6 книгу в Костроме все не решено, хотя все доказательства герольдии представлены.

В декабре 1852 г. А. И. Философов, получив письмо от Анны Степановны, сделал пометку, что 3 февраля 1853 г. «послал посылку портрет мой, графин со стаканом и кружку» [Там же, л. 2]. В следующем письме она с радостью сообщала: «...получили драгоценные для нас Ваши подарки <...>. Обновя их по Вашему приказанию, и теперь поставили их хранить как дорогие для нас венцы с назначенным после жизни нашей» [Там же, л. 3 об. – 4]. Далее Анна Степановна сообщала, что старший сын Николай «по несчастью» семь лет лишен зрения, он имеет двух сыновей: Сергея 13 лет, Михаила 12 лет и дочь Варвару 15 лет. Средний сын Аркадий имеет сына Василия 9 лет и дочь Анну 14 лет. Третий сын Арсений не женат. Анна Степановна писала, что имение Мысы Кинешемской округи, жалованное царем Михаилом Федоровичем предку Философовых, во владении сына Аркадия и Александра Богдановича. По наследству преемником этого имения станет внук Василий Аркадьевич. Графин со стаканом и кружку Анна Степановна и Василий Львович назначили внукам Сергею и Михаилу, а портрет внуку Василию «чтоб хранился в заслуженном имении предками вашими тоже» [Там же].

В 1854 г. скончался брат Алексея Илларионовича Философова Николай. Получив это известие, Анна Степановна писала (21 августа 1854 г.): «Душевно жалею о кончине незабвенного в добродетелях и достойно уважаемого брата вашего, как только получили ваше письмо на другой день о упокоении души его служили обедню в Кинешме в храме Преображения Господня, при котором покоятся предки рода Философовых почти двести лет с тех пор, как пожаловано подле Кинешмы имение предку Философову царем Михаилом Федоровичем. Он, поселившись в этом имении, избрал это место упокоения и теперь 13 памятников, а несколько уже разрушенных, из которых видно по надписям, что некоторые служили при дворе, а некоторые были схимонахами и монахами, тут прежде был монастырь, у нас тут идет вечное поминовение, в котором записали о упокоении и брата вашего» [Там же, л. 10].

В архиве А. И. Философова сохранилось еще одно интересное свидетельство о роде Философовых — письмо протоиерея города Кинешмы Василия Меличкинского. На письме пометка: «Получено 24 марта 1854 г.». Содержание письма следующее: «Ваше Высочайшее превосходительство! Милостивый Государь! Алексей Илларионович! Уездный град наш Костромской губернии Кинешма осчастливлен был в 1850 году посещением их Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаем и Михаилом Николаевичами, при ко-

торых и Вы изволили находиться. Впоследствии времени до сведения моего дошло от Ваших родственников Василия Львовича и Анны Степановны Философовых, моих духовных детей, что желательно было Вашему Превосходительству знать и видеть кладбище тел Ваших предков господ Философовых, мирно покоящихся под памятниками, но не открылся случай по каким-то причинам для исполнения Вашего желания, между тем как от тракта проезда сие кладбище расстоянием находится не более 100 сажен. К удовлетворению Вашего желания и знания, кто были Ваши предки, погребенные при нашей Спасо-Преображенской церкви, бывшей прежде монастырской и когда последовала кончина их временной земной жизни осмеливаюсь по совету Василия Львовича и Анны Степановны Философовых, моих духовных детей, предоставить Вашему Превосходительству на сем письме реестр 1854 декабря 18 дня.

Вашего Превосходительства покорнейший богомolec Костромской губернии г. Кинешмы Спасопреображенской церкви протоиерей Василий Меличкинский» [10]. Далее священник помещает реестр имен в виде таблицы (смотри в конце статьи. — С. К.).

Из реестра видно, что составлен он в 1850 г., очевидно, сразу после посещения А. И. Философовым Кинешмы. Василий Меличкинский выполнил просьбу кинешемских Философовых и сделал список имен Философовых, похороненных на кладбище Спасо-Преображенской церкви. Реестр подтверждает, что Философовы проживали здесь с 1630 г., то есть со времени получения земельного пожалования от царя Михаила Федоровича. Все они нашли место последнего упокоения на кладбище Спасо-Преображенской церкви города Кинешмы. Всего в реестре названо 17 имен Философовых, включая детей. 5 человек приняли перед смертью монашеский постриг. Необходимо отметить, что упоминаемый в письме Анны Степановны Богдан Михайлович Философов тоже перед смертью принял монашество под именем Феодосия.

Все полученные сведения А. И. Философов использовал для составления родословия Философовых. В его архиве сохранилась «Записка о роде дворян Философовых», в которой сказано: «Из помещиков Кинешемского уезда род дворян Философовых есмь довольно древний. Родоначальнику онаго за храброе воинство и отстояние Москвы от Литвы при царе Михаиле Федоровиче пожаловано при реке Волге расстоянием от Кинешмы вверх по оной 4 версты 700 четь и четыре деревни, на которые хранится и грамота за подписанием царя.

Родоначальник Философовых, получа эту милость, жил в означенном имении и многие из его потомков, служа также при царском

дворе, желали, как бы по завещанию предков своих, по кончине своей похоронять прах свой в городе Кинешме, и вследствие того тела многих из них привозимы были для похранения из отдаленнейших мест при прежде большом монастыре Спаса Преображения Господня, что за рекой Кинешемкой. Все это подтверждается довольно еще ясно видными подписями на памятниках, поставленных на могилах похороненных» [6, л. 89].

Известно, что Василий Львович Философов прожил 77 лет, он умер 13 февраля 1855 г., похоронен в Кинешме на кладбище Спасо-Преображенской церкви [4, л. 276 об. – 277]. Анна Степановна Философова скончалась 4 октября 1859 г. в возрасте 71 года [Там же, л. 413 об. – 414].

Спасо-Преображенская церковь, г. Кинешма

С Кинешмой связаны не только могилы Философовых. Известно, что у них в городе был свой дом. После смерти Анны Степановны Философовой наследники обратились в суд с прошением (14 июля 1861 г.) о разделе. Они просили, чтобы «находящееся в городе Кинешме движимое и недвижимое имущество, состоящее из земли с выстроенным на ней домом и надворным строением и в доме всякого рода движимостью, а также и денежном капитале <...> повелено было учинить дому подробную опись вместе с движимостью, представить по

сделанной ему оценке в 1200 рублей для продажи с аукциона в Костромское губернское правление и вырученные за него деньги, так равно и хранящиеся в Дворянской опеке после покойной госпожи Анны Степановны Философовой, а также вырученные от продажи лошади, коровы и домашней птицы, равно полученные за постой деньги: ибо в первый год после смерти госпожи А. С. Философовой квартировала в доме поручица Авдотья Алексеевна Философова, а флигель отдавала в постой, а впоследствии также и дом был отдан ею в постой Кинешемскому соборному протоиерею, а флигель занимала сама, из всей вышеписаной суммы на следующие на нашу часть деньги доставить нам просителям» [3, л. 1–1 об.].

Наследники были обеспокоены тем, что дом «остается непроданным и состоит в Опекунском управлении Авдотьи Философовой без всякой поддержки отчего приходит в ветхое состояние», а «наследники терпят через это убытки и в настоящем году едва не лишились онаго по случаю бывшего в городе Кинешме пожара» [Там же, л. 8 об.].

Продали наследники Философовой означенный дом только спустя три года 15 декабря 1864 г. Сохранилась купчая, в которой назван и покупатель — протоиерей Кинешемского Успенского собора Александр Кузьмич Горицкий. О доме сказано, что был он «деревянный на каменном фундаменте со всей доставшейся после Анны Степановны мебелью с двумя при доме деревянными флигелями, прочим надворным строением и землю <...> состоящей города Кинешмы в Набережной улице идучи от площади по левой стороне» [2, л. 2–2 об.]. Продажа дома дала наследникам 800 рублей серебром.

Таким образом, дворяне Философовы обосновались в Кинешемском уезде в XVII в., когда получили земельные пожалования за службу от царя Михаила Федоровича Романова. Многие представители рода были похоронены на кладбище Спасо-Преображенской церкви города Кинешмы. О существовании памятников на могилах Философовых в середине XIX в. сообщал протоиерей Василий Меличкинский. Последние представители рода в Кинешме В. Л. Философов и А. С. Философова тоже были похоронены на кладбище Спасо-Преображенской церкви в 1850-е гг. В Кинешме Философовы имели дом, который наследники продали в 1864 г. Известно, что в усадьбе Мысы недалеко от Кинешмы Философовы проживали до 1907 г.

Приводим реестр В. Меличковского о погребенных на кладбище Спасо-Преображенской церкви.

Успенский собор в г. Кинешма, 1949 г.

Умершие и погребенные на кладбище при Кинешемской Спасо-Преображенской церкви, при коей прежде был мужской монастырь, из фамилии господ Философовых, о коих доказательства сняты с надписей на памятниках, находящихся.

№№		Лета от сотворения мира	Лета от рождения Христа	Сколько лет покоится
1.	Лета 7138 Преставися раб божий Иван Федоров сын Философов, в иноцех Иона	7138	1630 генв. 16	220
2.	Лета 7154 Преставися раб божий Алексей Иванов Философов, во иноцех схимник Александр	7154	1645 июня 30	205
3.	Лета 7161 Преставися раб божий Иван Алексеевич Философов	7161	1653 генв. 25	194
4.	Лета 7155 Преставися раб божий Иван Иванович Философов в иноцех схимник Иона	7155	1647 авг. 3	203
5.	Лета 7164 Преставися раб божий Федор Иванович Философов в иноцех схимник Филарет	7164	1656 июля 1	194
6.	Лета 7184 Преставися раба божия Довника Елизарьевна дочь Елизара Михайловича Минчакова Уварова, жена Московского ловчего Василия Ивановича Философова	7184	1676 сент. 23	174

7.	Лета 7182 Преставися раба божия Фекла Матвеевна, дочь Матвея Васильевича Кавтырева, жена Московского ловчего Василия Ивановича Философова	7182	1674 июня 19	176
8.	Лета 7189 Преставися раб божий Московский ловчий Василий Иванович Философов	7189	1681 апреля 5	169
9.	Лета 7175 Преставися раба божия Федора Ивановича жена Философова Анна Матвеевна в иноцех схимница Александра	7175	1667 ноября 15	183
10.	Лета 7178 Преставися раба божия Мария Федоровна, Федорова дочь Ивановича Философова, Петрова жена Аврамовича Лопухина	7178	1670 сентября 10	180
11.	Под одним памятником: а) Лета 7144 Преставися раб божий младенец Стефан Федоров сын Ивановича Философова	7144	1636 августа 6	214
12.	б) Лета 7146 Преставися раб божий младенец Иван Федоров сын Ивановича Философова	7146	1638 декабря 10	212

13	в) Лета 7147 Преставися раба божия младенец Матрена Федорова, дочь Иванныча Философова	7147	1639 марта 16	211
14	Лета 7149 Преставися раб божий младенец Кондратий Федоров сын Ивановича Философова	7149	1641 сентября 24	209
15–16	Лета 7148 На память святого мученика Логина Сотника преставися раба божия Анна Семенова дочь Маркова Иванова, жена Ивановича Философова, да дети их Варвара да Каптелина	7148	1640 октября 16 дня	210

Литература и источники

1. *Вознесенский Е. П.* Воспоминания о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего императорского дома Романовых, в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетиях. Кострома: Тип. Андроникова, 1859.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 903. Оп. 1. Д. 4270 (Дело о вводе во владение именем протоиерея Успенского собора г. Кинешмы Александра Кузьмича Горицкого, купленного им у помещиков Философовых).
3. ГАИО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 3862 (Дело о разделе имущества Анны Степановны Философовой между ее сыном Арсением Васильевичем Философовым и другими родственниками).
4. ГАИО. Ф. 1155. Оп. 1. Д. 14 (Метрическая книга Спасо-Преображенской церкви г. Кинешмы 1844–1865 гг.).
5. *Игнатенко В. Ф.* Алексей Илларионович Философов как филантроп и просветитель // Философовские чтения: сборник материалов Вторых Философовских чтений. Пос. Бежаницы, 2006. С. 5–17.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1075. Оп. 1. Д. 1 (Записка о роде дворян Философовых).

7. РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 518 (Письма Любовниковой (урожденной Философовой) Александры Васильевны Философову А. И.).
8. РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 824 (Письма Философова Арсения Васильевича Философову Алексею Илларионовичу).
9. РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 846 (Письма Философовой Анны, жены Философова Василия Львовича Философову Алексею Илларионовичу).
10. РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. хр. 537 (Письмо Меличкинского Василия, протоиерея г. Кинешмы Философову А. И.).
11. РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. хр. 847 (Письмо Философовой Анны Степановны Философову А. И.).
12. Философовские чтения: сборники статей. Псков, 2004–2017. Вып. 1–7.

Петраускаене Надежда Фаддеевна
директор Литературного музея А. С. Пушкина,
Вильнюс, Литва
e-mail: nadia.petrauskiene@gmail.com

**СВЯТАЯ РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ МАРИЯ МАГДАЛИНА —
НЕБЕСНАЯ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА МАРИИ АЛЕКСЕЕВНЫ
ФИЛОСОВОЙ: ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА
ДОМОВОЙ ЦЕРКВИ СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ
ВАРВАРЫ В МАРКУТЬЕ**

Аннотация: Цель данной работы — исследование и введение в оборот нового материала из истории усадьбы Григория Александровича и Варвары Алексеевны Пушкиных в Маркучяй. Изучение иконографических источников и документов строительства домового церкви святой великомученицы Варвары на территории усадьбы позволило восстановить неизвестные страницы истории памятника культурного наследия.

Ключевые слова: М. А. Филоsofoва, В. А. Пушкина, Г. А. Пушкин, церковь Св. Варвары, Маркутье, Маркучяй, Вильнюс.

Nadezda Petrauskiene
Head of Literary Museum of Alexander Pushkin,
in Vilnius, Lithuania

**HOLY EQUAL-TO-THE-APOSTLES MARY MAGDALENE —
HEAVENLY PATRONESS MARIA ALEKSEEVNA FILOSOFOVA:
FROM THE HISTORY OF THE CONSTRUCTION OF THE
HOUSE CHURCH OF THE HOLY GREAT MARTYR BARBARA
IN MARKUTYA**

Abstract: The purpose of this research is a study and introduction of new information about Grigory and Varvara Pushkins' Manor Estate in Markuchai. The study of iconographic sources and documents of St. Barbara the Great Martyr Church construction process has made it possible to restore the unknown pages of the Cultural Heritage monument that was built on Markuchai land.

Key words: M. A. Filosofova, V. A. Pushkina, G. A. Pushkin, Church of St. Varvara (Barbora), Markutye, Markuchai, Vilnius.

В 1903 г. на территории усадьбы Маркутье [5], принадлежавшей Варваре Алексеевне и Григорию Александровичу Пушкиным в Маркучяй (Вильнюс), закладывается домовая церковь — часовня святой великомученицы Варвары [7]¹. Первый проект храма принадлежит губернскому виленскому архитектору Михаилу Михайловичу Прозорову (1860–1914). С 1890 г. он был архитектором Православной Литовской епархии, многие его дома в Вильнюсе сохранились по сей день (проект храма — ил. 1, фотография храма в лесах — ил. 2).

Первоначально проект часовни был выполнен в византийском стиле. При возведении храм приобрел традиционный план православной церкви, сохранив вдоль всего фасада колоны-пилястры с арочными сводами окон и декоративные элементы фасада, выполненные в технике древнего орнамента — меандра. Общий план здания часовни представляет собой квадрат, переходящий за царскими воротами в абсиду, храм окружает балюстрада с восьмью ступенями, ведущими к семейному кладбищу. В четырех окнах часовни были расположены витражи с геометрическим орнаментом, а в окне абсиды витраж «Распятие Христа». Верхнюю часть фасада над карнизом венчают ниши, выполненные в технике «русского кокошника» (килевидного наружного декоративного элемента в виде ложной закомары), декорированные геометрическим орнаментом. В нишах-кокошниках по всему наружному периметру фасада часовни, за исключением абсиды, были установлены иконы. Центральный фасад храма украшает четырехлистник, внутри которого помещены слова молитвы «Отче наш». Венчает домовую церковь купол, который стоит на восьми колонах. Внутри колон находился колокол (ил. 3, 4, 5, 6 — исторические фотографии храма (1940-е гг.), храм до реставрации (1985 г.) и после реставрации (2019 г.)).

Григорию Александровичу Пушкину не суждено было увидеть завершения работ, финальные работы по строительству храма закончили через год после его смерти. Он скончался 15 (28) августа 1905 г. Прах его покоится в семейном склепе Пушкиных в Маркутье прямо напротив входа в часовню. Надгробную плиту изготовили по чертежам его супруги — Варвары Алексеевны Пушкиной (урожд. Мельниковой).

Ровно через тридцать лет 11 (24) декабря 1935 г. в Вильне почит хозяйка усадьбы Варвара Алексеевна Пушкина. В газете «Наше время» от 15 декабря 1935 г. опубликованы прощальные слова: «Прервалась

---

¹ Центральный дом семьи Мельниковых — Пушкиных, церковь, кладбище, парк и пруды усадьбы Маркутье в Вильнюсе сохранились до наших дней. Сегодня здесь расположен Литературный музей А. С. Пушкина. Подробнее история усадьбы см.: [5].

та живая, реальная связь нашей русской общественности с личностью великого русского гения, ставшего для нас символом русской культуры. В самой личности Варвары Алексеевны мы потеряли живой центр русской общественности». Супруга Григория Александровича активно участвовала в городской общественной жизни. Как пишет о Варваре Алексеевне исследователь Герман Шлейвис, «она была почетным председателем Пушкинского комитета, почетным членом, Виленского русского общества, почетной попечительницей русской Пушкинской гимназии. Отпевали Варвару Пушкину снежным декабрьским днем 1935 года в Варваринской церкви. Небольшой храм вместил только служащее духовенство да ближайших родственников. Остальные, а тут была масса народу: вся русская общественность, гимназисты, студенты — во время долгого богослужения находились на площадке у храма. <...> Литургию совершил кафедральный протоиерей Иосиф Дзичковский, ему сослужили иеромонах Никодим — духовник усопшей — и священник В. Беляев. Ко времени литии прибыл архиепископ Виленский и Литовский Феодосий, который ее и возглавил. В прощальном слове протоиерей Иосиф Дзичковский назвал Варвару Пушкину «истинной христианкой, любившей Бога и ближних». У могилы также выступили председатель Виленского русского общества А. Крестьянов, глава Пушкинского комитета Владимир Богданович и другие — все говорили о том, как много сделала Варвара Алексеевна для поддержания русской культуры и для бедняков и сирот» [8, с. 118–120].

Пушкины занимались активной благотворительной деятельностью. В 1896 г. Варвара Пушкина была избрана попечительницей Поплавского участка «Доброхотной копейки». Годом позже Пушкину избрали председателем временного попечительства «Дневной приют» для работниц и приюта для подкидышей «Иисус Младенец», которому супруги Пушкины даровали участок земли и два дома. При воспитательной обители «Иисус Младенец» на Сиротской улице (ныне — Субачяус) существовала Покровская церковь, в которой в 1883 г. венчались Григорий и Варвара Пушкины.

Домовая церковь — часовня святой великомученицы Варвары в Маркутье многие годы хранила память о семье Мельниковых. Однако с уходом из жизни Варвары Алексеевны Пушкиной усадьба Маркутье по составленному завещанию так и не перешла в распоряжение Виленского русского общества, так как политическая круговерть — смена пяти государств, долговые обязательства по имению — окончательно изменили привычный уклад жизни. В 1936–1939 гг. душеприказчик семьи Пушкиных, старинный друг семьи Владимир Леонидович Назимов

был вынужден подготовить план ликвидации имения и просить городские власти взять имение на баланс города [4, с. 5]². В послевоенное время усадьба утрачивает практически все хозяйственные постройки — каретный двор, конюшню, прачечную, кухню, домик для выпечки хлеба, оранжерею, ледник. Однако практически нетронутыми остаются — центральный дом имения, домовая церковь и семейное кладбище.

17 сентября 1956 г. по поручению архиепископа Виленского и Литовского Алексия (Дехтерева) в Пушкинском музее побывал кафедральный протоиерей Лев Савитский. Он осмотрел Варваринскую церковь и составил отчет, сохранившийся в Литовском центральном государственном архиве. Историк литовского православия Герман Шлейвис передает его содержание в своей статье «Церковь в Пушкинском гнезде»: «Священник пишет, что церковь на него произвела приятное впечатление, несмотря на некоторое разрушение, и на то, что все стекла в высоких оконных проемах “были варварски выбиты злодейской рукой”. По его утверждению, внутри храма все было сделано со вкусом: маленький стильный иконостас с иконами умиляет сердце, Престол — на месте, сохранилась большая икона Успения Пречистой Божьей Матери и несколько малых икон». В инвентарной книге Пушкинского музея за 1955–1959 гг. содержится перечень убранства Варваринской церкви на тот момент — от напрестольного креста до аналая. Упомянуты и золотые покровцы, обшитые серебром, видимо, работы самой Варвары Алексеевны, а также богослужебные книги и ноты. Но 21 августа 1968 г. этот музейный инвентарь — от икон до хорутвей — был списан. По тем временам «Акт списания» соответствовал «Акту

² См. нашу вступительную статью в изд. [3]. См. о В. Л. Назимове: [6, с. 282–283; 2]. См. также архивные материалы [12, л. 1–2 (Обращение В. Л. Назимова в управу города Вильна с информацией о разделении собственности имения Маркутье с дальнейшей продажей (на польском языке, 1936 г.)); 13, л. 1–2 (Доклад В. Л. Назимова во время «Чрезвычайного общего Собрания Виленского Русского Общества 14 ноября 1937 г. О положении дел в Маркутье» (на русском языке)); 14, л. 1–2 (Обращение В. Л. Назимова к бурмистру города Вильна с просьбой отсрочить выплату налогов с имения Маркутье (на польском языке и русском языке, 1939 г.)); 15, л. 1 (Прошение В. Л. Назимова «в Виленское городское самоуправление» бурмистру города Вильно с просьбой принять имение Маркутье «в опеку» ввиду невозможности содержать имение и продолжать плановую ликвидацию (6 августа 1940 г.). В приложении отмечена инвентарная опись имущества. Гриф на документе (на литовском языке) — «Согласовать с отделом образования учреждение комиссии по передаче имущества. 7 августа 1940 г.»]; 16 (Приказ о выделении государственного содержания краеведческим музеям)].

уничтожения» [8, с. 123]. В ведении музея остались немногие иконы, покровцы, книги на церковнославянском языке и ноты.

Иконы с фасада были также демонтированы и списаны. Более шестидесяти лет в Варваринской церкви богослужения не совершались. В 1999 г., в год 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина, за счет Виленской и Литовской епархии был произведен наружный ремонт домовой церкви святой великомученицы Варвары.

В 2014–2015 гг. центральный дом имени Маркутье (ныне — Литературный музей А. Пушкина) и домовая церковь внесены в реестр памятников культурного наследия, охраняемых государством. Начата программа по реставрации храма. Работая над изучением историографии объекта, архитекторы Рамунас Буйткус и Ауримас Ширвис проявили живой интерес к «утраченным фрескам фасада» и были крайне удивлены, что зафиксированные на иконографических источниках иконы на фасаде часовни не только не утрачены, но и хранятся в запасниках Литературного музея А. С. Пушкина. Благодаря добросовестной работе монтажников и хранителей музея, каждая икона с обратной стороны была заботливо подписана с какого фасада и места она демонтирована. Создается такое впечатление, что люди, осуществлявшие демонтаж были уверены, что рано или поздно иконы вернутся на свои места. Так и сложилось — в 2018 г. отреставрированы фасад, крыша храма. Варваринский храм и балюстрада обрели первоначальное цветовое решение. Семь икон с фасада были отреставрированы и консервированы. Однако на фасад в 2019 г. вернулись копии икон. Оригиналы размещены в музейные экспозиционные капсулы и готовы к экспонированию [3].

Иконы с фасада Варваринского храма выполнены маслом на жести. Размер листа полностью повторяет размер ниши-кокошника, в котором он располагался. В центральной нише южного фасада над четырехлистником с молитвой расположена икона Богородицы Одигитрии (цинк, масло, размер 89 x 134 см), справа от нее икона святой Варвары (цинк, масло, размер 71 x 85 см), слева — икона Григория Богослова. На восточном фасаде расположены иконы святого апостола Петра (цинк, масло, размер 71 x 85 см), Алексия человека Божия (цинк, масло, размер 71 x 85 см), святого апостола Павла (цинк, масло, размер 71 x 85 см). На западном фасаде из трех икон сохранилась только одна икона — равноапостольная Мария Магдалена (цинк, масло, размер 71 x 85 см).

Автор статьи неоднократно задавалась вопросом — что определяло выбор того или иного святого. Славянский месяцеслов богат на имена. Ответ пришел при сопоставлении имен святых и родословия семьи Мельниковых [5] — святые покровители членов семьи:

1. Богородица Одигитрия — небесная заступница всех членов семьи и Марии Пелише — многолетнему члену семьи, хоть и некровному. Мари Пелише воспитала всех пятерых детей семьи Мельниковых;

2. Святой Григорий Богослов — небесный покровитель Григория Пушкина, супруга Варвары Алексеевны Пушкиной;

3. Святая великомученица Варвара — небесная покровительница Варвары Алексеевны Пушкиной (урожд. Мельниковой), а также ее мамы Варвары Николаевны Лохтиной и бабушки — Варвары Петровны;

4. Святой апостол Петр — небесный покровитель дедушки Варвары Алексеевны, родоначальник семьи Мельниковых;

5. Алексей человек Божий — небесный покровитель отца Варвары Алексеевны — Алексея Петровича Мельникова;

6. Святой апостол Павел — небесный покровитель Павла Петровича Мельникова, дяди Варвары Алексеевны;

7. Равноапостольная Мария Магдалина — небесная покровительница Марии Алексеевны Философовой (урожд. Мельниковой), сестры Варвары Алексеевны Пушкиной (урожд. Мельниковой).

Развивая идею небесных покровителей семьи Мельниковых, можем предположить, что две утраченные иконы западного фасада храма могли быть следующими:

– икона святого Николая Чудотворца — небесного покровителя Николая Алексеевича Мельникова, брата Варвары Алексеевны;

– икона святой Натальи — небесной покровительницы Натальи Алексеевны Волоцкой (урожд. Мельниковой), сестры Варвары Алексеевны.

Изучение сохранившейся переписки двух сестер — Варвары Алексеевны Пушкиной (урожд. Мельниковой) и Марии Алексеевны Философовой (урожд. Мельниковой) является крайне необходимой задачей ближайшего времени, так как позволит детально восстановить историю жизни и бытования двух сохранившихся русских усадеб — Маркутье (Вильнюс, Литва) и Усадище (Бежаницы, Псковская область), последними хозяйками которых они являлись. Однако условия пандемии и карантина осложняют исследование вопроса. Сотрудники Литературного музея А. С. Пушкина надеются на дальнейшее плодотворное сотрудничество с коллегами Бежаницкого историко-культурного центра Философовых и Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; что позволит восстановить новые страницы истории русской усадьбы.

Строительство храма. 1904 г.

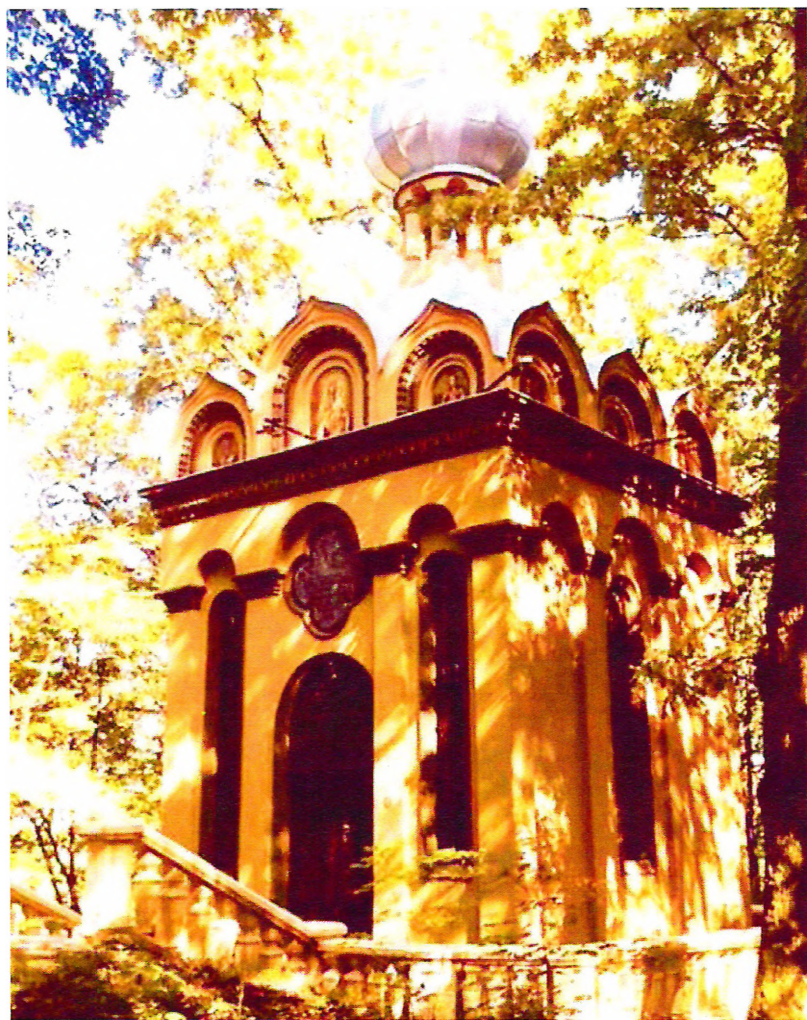
Храм Святой великомученицы Варвары. 1940-е гг.

Храм до реставрации. 1985 г.

Храм после реставрации. 2019 г.

Современный вид домовой церкви Святой великомученицы Варвары

Мы в свою очередь надеемся после ослабления пандемии продолжить реставрацию интерьера Варваринского храма в Маркучяй. В 2020 г. был подготовлен и согласован технический проект по восстановлению интерьера с реставрацией сохранившегося дубового иконостаса и деревянных панелей, а также восстановлены витражи часовни.

Таким образом, проделанная специалистами — архитекторами, реставраторами — трудоемкая работа по восстановлению объекта культурного наследия вернула часовне первоначальный облик, раскрыв многогранный замысел заказчиков и создателей проекта возведения домово́й церкви — часовни святой великомученицы Варвары в усадьбе Маркутье в Маркучяй.

Литература и источники

1. *Аверина Э.* Марк Дмитриевич Философов и «Портрет неизвестной девочки» // Философовские чтения: сборник материалов Восьмых Философовских чтений. Псков, 2019. С. 80–92.
2. *Аверина Э. Ю.* Виленские страницы биографии архитектора Владимира Назимова // Восьмые Псковские международные краеведческие чтения: материалы конференции 13–14 октября 2018 г. Псков, 2018. С. 81–88.
3. Каталог выставки «Открытия: Иконы фасада святой Варвары в Маркучяй». Музей церковного наследия. Вильнюс, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bpmuziejus.lt/news/418/83/Atradimai-Markuciu-sv-Barboros-koplycios-fasado-ikonos.html>
4. Путевая тетрадь Льва Николаевича Павлищева. Маркутье (1909–1912). Вильнюс, 2020.
5. *Петраускене Н.* Семейные истории усадьбы Маркутье: Мельниковы, Пушкины, Волоцкие, Бибиковы, Философовы // Философовские чтения: сборник материалов Восьмых Философовских чтений. Псков, 2019. С. 141–152.
6. Пушкинская энциклопедия «Михайловское». М., 2003. Т. 1. С. 282–283.
7. *Синочкина Б.* Markučiai — Markucie — Маркутье: история названий одной виленской местности // Slavistica Vilnensis. 2021. №66(1) (впечатли). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.facebook.com/notes/%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%D0%B0-ad-astro/%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%82%D0%B5-%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D1%83%D0%B6%D0%B5%D0%BB%D0%B8-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE-%D0%B>

D%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%BE/498048594767750/

8. *Шлейвис Г.* Православные святыни Вильнюса. Страницы истории. Вильнюс, 2003.
9. *Buitkus R., Širvys A.* Šv. Varvaros koplyčios (unikalus kodas 31427) Subačiaus g. 124A, Vilniuje, tvarkybos darbų projektas. (Проект реставрации домово́й церкви-часовни).
10. *A. Puškino muziejaus koplyčios fasado ikonų tapybos ant metalo cheminiai, fizikiniai tyrimai ir restauravimo metodika.* Vilnius, 2018.
11. *Vizbaraitė-Zaborovskienė R.* Markučių Šv. Barboros koplyčios fasado ikonų istorijos vingiai // *Lietuvos muziejai.* 2019. № 2. Psl. 33–35.
12. Литературный музей А. Пушкина. Архив имени Маркутье. Оп. 3. Д. 84.
13. Литературный музей А. Пушкина. Архив имени Маркутье. Оп. 3. Д. 89.
14. Литературный музей А. Пушкина. Архив имени Маркутье. Оп. 3. Д. 95.
15. Литературный музей А. Пушкина. Архив имени Маркутье. Оп. 3. Д. 101.
16. Литовский центральный государственный архив. Ф. 762. Оп. 1. Д. 419.

Иванова Татьяна Григорьевна
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: tgivanova@inbox.ru

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ТРИУМФОВ — СЫН СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ВАСИЛИЯ БЕЖАНИЦКОГО

Аннотация: Статья посвящена уроженцу Бежаницкого края, сыну новомученика Василия Бежаницкого — Александру Триумфову. Раскрывается его биография, указываются на контакты с Этнографическим бюро В. Н. Тенишева, рассматриваются его нравоучительные статьи, опубликованные в «Орловских епархиальных ведомостях».

Ключевые слова: А. В. Триумфов, Этнографическое бюро В. Н. Тенишева, Орловская духовная семинария.

Tatyana Ivanova
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russia

ALEXANDER TRIUMFOV — SON OF MARTYR VASILY BEZHANITSKY

Abstract: The article is dedicated to Alexander Triumphov, a native of the Bezhanitsy's region, the son of the new martyr Vasily Bezhanitsky. His biography is revealed, contacts with the Ethnographic Bureau of V. N. Tenishev are indicated, his moralizing articles published in the "Orlovskue eparhial'nye bedomosty" are considered.

Key words: A. V. Triumphov, Ethnographic Bureau of V. N. Tenishev, Oroyl Theological Seminary.

Наша статья посвящена одному из сынов Бежаницкого края — Александру Васильевичу Триумфову.

А. В. Триумфов родился в 1876 г. в д. Турово Новоржевского у. Псковской губ. (ныне Бежаницкий район), расположенной в 19 км от Бежаниц в долине р. Льста. В этой деревне находится погост с ныне разрушенной каменной церковью Рождества Богородицы, построенной в 1842 г. на месте более древнего храма. Отцом его был Василий Александрович Триумфов, священник, и его жена Александра Николаевна, урожденная Аничкова, — дочь священника Бежаницкой Покровской церкви. После смерти тестя, Николая Васильевича Аничкова,

отец Василий Триумфов по прошению был перемещен в Бежаницкий приход. Так Бежаницы стали родными для его сыновей Василия Васильевича (1875 г. р.) и Александра Васильевича. В Бежаницах протоирей Василий Триумфов, отец нашего героя, прослужил до конца жизни — до своей мученической кончины. 26 февраля 1919 г. он был арестован большевиками и расстрелян. В 2000 г. на Юбилейном Соборе Русской Церкви Василий Триумфов (1848–1919) был причислен к лику святых. Сейчас православный мир его знает как священномученика Василия Бежаницкого [1].

Триумфовы — не коренной род Псковской губернии. Просмотр «Памятных книжек Псковской губернии» за 1895–1917 гг. выявил лишь двух Триумфовых, служивших на Псковщине: названного священника Василия Александровича Триумфова и Алексея Александровича Триумфова, бывшего на 1895 г. полицейским надзирателем в г. Опочке, в чине коллежского секретаря, а к 1901 г. занимавшего должность станového пристава 2-го стана сначала в чине титулярного советника, а затем (в 1903 г.) — коллежского асессора.

Как и все дети священнослужителей, Александр Триумфов учился в духовной семинарии (в Пскове), то есть очень рано оказался оторванным от родной семьи. Учился хорошо, окончив семинарию в 1897 г. со званием студента, которое давалось отнюдь не всем выпускникам этих учебных заведений, — вторым в списках учащихся. Рядом с его фамилией стоит помета: «с наград<ою>» [2, с. 199].

Как лучший ученик, А. Триумфов был направлен в Московскую духовную академию — высшее учебное заведение, находящееся в стенах Троице-Сергиевой лавры. Юный бежанинец учился здесь, когда ректором МДА был в 1898–1903 гг. Арсений (Стадницкий), сначала архимандрит, а затем епископ Волоколамский. Русскую гражданскую историю в академии преподавал знаменитый историк Василий Осипович Ключевский; курсы по русскому и церковно-славянскому языкам и историю русской литературы читал Григорий Александрович Воскресенский, филолог-славист, член-корреспондент Академии наук; церковную археологию и литургику — известный богослов Александр Петрович Голубцов. В Московской духовной академии А. В. Триумфов пребывал с 1897 по 1901 г. [3, с. 123]. Закончил ее он со званием кандидата, то есть учился весьма прилежно и успешно. Для получения степени кандидата богословия А. В. Триумфов написал сочинение на тему «Деятельность Св. Синода по благоустройству Русской Церкви» [4, с. 46].

К периоду учебы в Московской духовной академии относится интересная страница в жизни А. В. Триумфова — его контакты с Этногра-

фическим бюро князя Вячеслава Николаевича Тенишева (1844–1903). Предприниматель В. Н. Тенишев, очень богатый человек, был известным меценатом. Он и его жена Мария Клавдиевна Тенишева поддерживали многие культурные начинания, в том числе и журнал «Мир искусства». Художественными центрами России стали их усадьба Талашкино и хутор Флёново в Смоленской губернии, в которых гостили художники В. М. Васнецов, М. А. Врубель, К. А. Коровин, Н. К. Рерих, С. К. Маковский и др.

В. Н. Тенишев очень серьезно интересовался этнографией, полагая, что целостная социологическая и этнографическая картина России поможет администраторам принимать правильные решения в управлении страной. В 1896 г. он издал «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России» (Смоленск, 1896), которая через год получила более полный вариант — «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Составленная на основании соображений, изложенных в книге В. Н. Тенишева “Деятельность человека”, князем В. Н. Тенишевым при участии гг. В. Н. Добровольского и А. Ф. Булгакова» (Смоленск, 1897; второе изд. 1898). В программе было 10 разделов, содержащих сотни вопросов: *А. Физические и природные свойства крестьян; Б. Местные условия жизни крестьян; [В. Пропущен]; Г. Общие указания об образе жизни крестьян; Д. Общественные установления, обычаи или законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю; Е. Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам; Ж. Верования, знания, язык, письмо, искусства; З. Семья, обычный порядок жизни; И. Сближение полов, брак, отклонения от законного брака; I. Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности; К. Выходящие из ряда обстоятельства.*

В 1897 г. В. Н. Тенишев создал Этнографическое бюро, в 1898 г. распространил по России «Письмо-инструкцию о сборе данных для корреспондентов Этнографического бюро В. Н. Тенишева». На программу В. Н. Тенишева откликнулись сотни корреспондентов из разных уголков Центральной России. Буквально за три-четыре года у него сложился богатейший архив рукописей с ответами на вопросы программы. Успех предприятия определялся тем, что за рукописи В. Н. Тенишев платил своим корреспондентам.

Не сомневаемся, что названные условия программы стали определяющими и для А. В. Триумфова. Студент Московской духовной академии, без сомнения, нуждавшийся в деньгах, в 1899 г. прислал в Этнографическое бюро собранные им в Бежаницах этнографические

материалы. В настоящее время весь архив Этнографического бюро хранится в Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург). Музей в последние годы в фундаментальном многотомном издании «Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы “Этнографического бюро” князя В. Н. Тенишева» раскрывает содержание фонда Этнографического бюро. Записи А. В. Триумфова опубликованы в книге, в которую входят записи из Рсковской губернии [5].

Как и все корреспонденты Этнографического бюро, А. В. Триумфов отвечает отнюдь не на все вопросы, а только на те, которые показались ему наиболее близкими. Материалы бежаницкого собирателя заслуживают специального пристального анализа. Здесь представлен интересный корпус пословиц и загадок, тексты песен, описание свадебного обряда. Мы в настоящем сообщении обратим внимание только на отдельные детали крестьянской культуры края, нашедшие отражение в рукописи А. В. Триумфова.

В материалах А. В. Триумфова запечатлены воспоминания о крепостных нравах времен Дмитрия Николаевича Философова (1790–1863), тестя Анны Павловны Философовой, хозяина усадьбы Богдановское. Отвечая на вопрос № 455 (Разврат), А. В. Триумфов пишет о крепостничестве: «Местное предание гласит, что помещики нередко заводили у себя целые гаремы из местных гурий. Это явление считалось вполне нормальным. Пословица гласит: “На то и барин, кого хочет, того и любит”» [5, с.246]. Д. Н. Философов, как известно, был именно из таких помещиков, которые заводили свой собственный крепостной гарем.

Находим мы в рукописи А. В. Триумфова и явную аллюзию на деятельность А. П. Философовой в Бежаницком крае. В пассаже, касающемся вопроса № 463 (Детоубийство. Изгнание плода), читаем: «В местной школе учатся несколько детей, покинутых своими родителями и призреваемых одной помещицей» [5, с. 247]. Полагаем, что этой помещицей была хозяйка Богдановского.

Отвечая на вопрос об уходе членов крестьянской семьи на заработки в Петербург (вопрос № 370), А. В. Триумфов фиксирует неологизм, которым местные жители определяли поведение отходников: «Ишь (вот), напистерилася!».

Актуальным в свете современной коронавирусной ситуации выглядит следующее свидетельство о падеже скота (вопрос № 449) и поведении крестьян: «К ветеринарной помощи местное население относится предубежденно, и даже скрывают от ветеринаров случаи заболевания. “Они только скотину портят”, — говорят крестьяне о ве-

теринарах. Санитарные меры крестьяне не только не соблюдают, но нередко идут прямо против санитарных правил. Санитарам и ветеринарам приходится прибегать к содействию полиции, чтобы принудить крестьян к соблюдению хотя бы самых примитивных санитарных правил» [5, с. 243].

В 1901 г., как мы уже указывали, А. В. Триумфов окончил Московскую духовную академию. К сожалению, нам не удалось выяснить, где служил А. В. Триумфов сразу же по окончании курса. Скорее всего, не приняв сана, но не выйдя из духовного сословия, он преподавал в одной из духовных семинарий России. К 1911 г., как следует из «Памятных книжек Орловской губернии», он проживал в Орле, имел чин коллежского асессора (8-й чин в Табеле о рангах, равный армейскому чину майора), преподавал священное писание в Орловской духовной семинарии. Одновременно он являлся учителем арифметики в епархиальном женском училище [6, с. 59, 60]. Не исключаем, что Орел в жизни А. В. Триумфова оказался неслучайно. В «Памятной книжке и адрес-календаре Орловской губернии на 1905 год» [7, с. 74] значится главный механик Управления Орловского почтово-телеграфского округа, надворный советник Виктор Александрович Триумфов. Полагаем, что это мог быть дядя А. В. Триумфова, порекомендовавший ему Орел как место службы.

Поселившись в Орле, А. В. Триумфов начал сотрудничать с «Орловскими епархиальными ведомостями» — журналом Орловской духовной семинарии. Первая выявленная нами статья — «Несколько слов относительно лучшей постановки дела церковной проповеди» — напечатана в феврале 1912 г. [8]. Указав на то, что сельские пастыри отнюдь не готовы к подготовке самостоятельных проповедей и поэтому в большинстве своем пользуются уже обширным к началу XX в. корпусом опубликованных проповедей, А. В. Триумфов обратился к проблеме их произнесения перед паствой. Простое чтение проповеди по книге становится причиной ее недейственности. Как подготовиться к тому, чтобы прочесть ее «выразительно и вразумительно» по книге, как заучить чужой текст проповеди наизусть и научиться включать в него собственные импровизации — вот проблемы, к которым обратился А. Триумфов. «Пусть проповедник заимствует известные истины из готовой уже проповеди, — пишет А. Триумфов, — пусть в чужом поучении найдет приложение к жизни известных евангельских истин, пусть при помощи других замечательных проповедников-психологов, проникающих в самые сокровенные уголки души и открывающих скрываемые самым тщательным образом глубоко-болезненные и гной-

ные раны греха, проникнет в души своих слушателей и прольет в греховные раны целительный бальзам по готовому уже рецепту, но пусть все это, прежде чем употребить в дело, выносит в своей собственной душе, согреет в своем сердце теплотою собственной веры и христианской любви. Пусть великие заветы Евангелия станут заветами его собственной души, пусть греховные язвы его пасомых будут горьки для него, как горьки обыкновенно бывают неприятности и горечи собственной жизни, пусть будут близки его сердцу» [8, с. 161].

Вторая статья А. Триумфова — «Несколько слов о пессимизме по поводу современных самоубийств» [9]. Обеспокоенный волной самоубийств, распространившихся в русском обществе эпохи модерна, А. Триумфов выступает против философии Шопенгауэра, который в окружающем мире видел одно только страдание. Философии нового времени А. Триумфов, естественно, противопоставляет христианство. «Коренное заблуждение всех вообще пессимистов заключается в том, что они целью человеческой жизни полагают получение наибольшей суммы удовольствий, между тем, как назначение человека, существа разумно свободного, совершенно иное. Кант совершенно правильно определил цель жизни человечества, как нравственное усовершенствование личности. После этого точка зрения на жизнь должна совершенно измениться: самое страдание может быть рассматриваемо как средство, имеющее свою полезность, свои последствия, предвиденные и приспособленные в мировом порядке. Кроме того, всякому известно, что исполнение долга во всех его видах является источником удовольствия, при этом удовольствия духовного и возвышенного. Добродетельный человек, таким образом, есть великий счастливец в мире», — замечает А. В. Триумфов [9, с. 280]. И далее он обращается к тексту священного писания, доказывая, что Христос, на долю которого выпало много страданий, не был пессимистом.

Как видим, А. Триумфов был человеком пишущим. Однако, как это ни странно, фронтальный просмотр «Орловских епархиальных ведомостей» за 1912–1918 гг. не выявил более ни одной статьи, подписанной его именем. Мы не можем сказать, было ли причиной то, что у него не сложились отношения с редактором издания протоиереем В. А. Сахаровым (ректором Орловской духовной семинарии), или существовали какие-то причины внутреннего характера. Укажем также, что А. В. Триумфов, судя по данным «Памятных книжек Орловской губернии», не участвовал в жизни орловских общественных организаций. Его имени нет в списках ни Орловского губернского статистического комитета, ни Орловского церковного историко-археологического

общества, ни Православного Петропавловского братства, ни Орловского законо-учительского братства св. Священномученика Кукши.

Имя А. В. Триумфова, как преподавателя Орловской духовной семинарии, фиксируется в «Памятных книжках Орловской губернии» вплоть до 1917 г., когда этот вид справочных изданий прекратил свое существование. В 1914 г. А. В. Триумфов был уже надворным советником (7-й чин в Табеле о рангах, равный воинскому чину подполковника) и оставался на той же должности преподавателя священного писания в семинарии [10, с. 71].

Размеренная жизнь учителя Орловской духовной семинарии начала ломаться в 1914 г., когда началась Первая мировая война. В части здания семинарии был размещен госпиталь для раненых, но учебный процесс продолжался в нормальном режиме [11]. Тяжелые времена были впереди. После большевистского переворота в середине 1918 г. духовные семинарии были переданы в ведение местных Отделов народного образования. В Орле появились планы преобразования семинарии в педагогический институт. Администрации семинарии было предложено очистить занимаемое здание, равным образом освободить помещение должен был эвакуационный госпиталь [12, с. 420; 13, с. 451]. Через месяц возникли планы вместо семинарии учредить помимо педагогического института среднюю образовательную школу — «с 4-мя старшими классами <...> и с интернатом для учащихся обоих учебных заведений на 100 воспитанников» [14, с. 472]. Учащимся семинарии предлагалось продолжить образование в светских учебных заведениях. В «Орловских епархиальных ведомостях» 15(28) сентября 1918 г. разъяснялось: «... вопрос о продолжении <...> богословского образования сейчас еще разрешить нельзя. Даже нет надежды на скорое его благоприятное разрешение в будущем» [15, с. 495].

Надо полагать, что для А. В. Триумфова, преподавателя священного писания, вопрос о будущем стоял особо остро по сравнению с учителями светских предметов. Тем не менее его жизнь как-то устроилась. Нам известно, что А. В. Триумфов остался в Орле и стал учителем в одной из местных школ — скорее всего именно в той, которая была создана на базе семинарии.

Однако судьба Александра Васильевича Триумфова оказалась столь же трагичной, как и его отца. Согласно базе данных «Жертвы политического террора в СССР: Книга памяти Орловской обл.», размещенной в Интернет-ресурсах, он был арестован в 1937 г. и приговорен к высшей мере наказания. В карточке базы данных читаем:

Триумфов Александр Васильевич (1876)

Дата рождения: **1876 г.**

Место рождения: **Псковская обл., Новоржевский р-н, с. Турово.**

Пол: **мужчина.**

Профессия / место работы: **преподаватель школы г. Орла.**

Место проживания: **г. Орел.**

Мера пресечения: **арестован.**

Дата ареста: **1937 г.**

Приговор: **расстрелян.**

И далее в базе данных обращение к читателям: «В этой части вы можете написать свои воспоминания или биографическую заметку о человеке, которому посвящена статья, прикрепить к ней фотографии или отсканированные документы». Будем надеяться, что когда-нибудь кто-нибудь откликнется на этот призыв, и мы получим полноценную биографию Александра Васильевича Триумфова — сына священномученика Василия Бежаницкого.

Литература и источники

1. *Булдакова В. В.* Священномученик Василий Бежаницкий (к 165-летию со дня рождения) [Электронные ресурсы] https://bezmuzei.ucoz.ru/publ/ljudi_i_vremja/svjashhennomuchenik_vasilij_bezhanickij/8-1-0-106 – дата обращения: 5 июля 2020 г.
2. Разрядный список воспитанников Псковской духовной семинарии за 1896/1897 учебный год // Псковские епархиальные ведомости. 1897. 1 июля, № 13. С. 199–202.
3. Списки студентов, окончивших полный курс императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования (1814–1914 гг.). Сергиев Посад, 1915.
4. Годичный акт в Московской духовной академии 1-го октября 1901 года. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902.
5. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии / Сост. Д. А. Баранов и др. СПб., 2008. С. 214–258.
6. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1911 год. Орел, 1910.
7. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1905 год. Орел, 1905.

8. *Триумфов А.* Несколько слов относительно лучшей постановки дела церковной проповеди // Орловские епархиальные ведомости. 1912. 12 февр., № 6/7. С. 153–163.
9. *Триумфов А.* Несколько слов о пессимизме по поводу современных самоубийств // Орловские епархиальные ведомости. 1912. 4 марта, № 10. С. 273–282.
10. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1914 год. Орел, 1914.
11. *П. А.* 1914–1915 учебный год в орловской духовной семинарии // Орловские епархиальные ведомости. 1915. 17 мая, № 19/20. С. 469–485.
12. Духовные учебные заведения // Орловские епархиальные ведомости. 1918. 1 (14) авг., № 16. С. 420–421.
13. Духовные учебные заведения // Орловские епархиальные ведомости. 1918. 15 (28) авг., № 17. С. 451–452.
14. Преобразование бывших духовно-учебных заведений // Орловские епархиальные ведомости. 1918. 1(14) сент., № 18. С. 472–473.
15. Судьба духовной семинарии // Орловские епархиальные ведомости. 1918. 15(28) сент., № 19. С. 495.

Анисимова Надежда Владимировна
Хранитель фондов МБУК
«Бежаницкий историко-культурный центр Философовых»,
п. Бежаницы, Псковская обл., Россия
e-mail: nad.anisimowa@yandex.ru

БЕЖАНИЦКАЯ ШКОЛА: У ИСТОКОВ ТРАДИЦИЙ

Аннотация: В статье изложена история открытия Бежаницкого народного училища, показана роль А. П. Философовой в делах народного просвещения крестьянского населения Бежаницкой волости Новоржевского уезда. Представлены анкетные сведения о Бежаницкой школе конца XIX в., на основе чего раскрыто значение Бежаницкой школы для местного населения.

Ключевые слова: народное образование, Бежаницкое народное училище, школа, А. П. Философова, П. И. Привалов, Д. Я. Дедыухин.

Nadezda Anisimova

Bezhanitsy's historical and cultural centre of Filosofovs

BEZHANITSY'S SCHOOL: AT THE ORIGINS OF TRADITIONS

Abstract: The article describes the history of the opening of the Bezhanitsky Public School, shows the role of A. P. Filosofova in the affairs of public education of the peasant population of the Bezhanitsky volost of the Novorzhevsky district. The questionnaire information about the Bezhanitsky school of the late XIX century is presented, on the basis of which the significance of the Bezhanitsky school for the local population is revealed.

Key words: public education, Bezhanitsky Public School, A. P. Filosofova, P. I. Privalov, D. Ya. Dedyukhin.

В 2020 г. Бежаницкой школе имени Анны Павловны Философовой исполнилось 150 лет. Не каждая школа может похвастаться таким юбилеем. Полуторавековой возраст предполагает устойчивые традиции и богатое наследие. Однако интересно было бы заглянуть в далекое прошлое.

В августовском номере журнала «Русская старина» 1912 г. публиковались воспоминания о школе одного из выпускников, окончивших училище в 1880 г. [1]. С отрывками из них можно было по-

знакомиться на страницах районной газеты «Сельская новь», кроме этого в газете печатались статьи об истории открытия, первых годах существования школы и первом учителе Привалове Петре Ильиче [3, 7, 8, 9, 10]. На четвертых Псковских региональных краеведческих чтениях выступление профессора Псковского государственного университета А. В. Филимонова было посвящено учителю Бежаницкого училища Дмитрию Яковлевичу Дедюхину [12]. О Бежаницкой школе было одно из выступлений А. П. Векшина на Философовских чтениях прошлых лет, в основу которого был взят материал из личного архива автора, поскольку Алексей Павлович доводился внуком одного из первых директоров школы [2]. Источниками настоящего доклада послужили документы, хранящиеся в Бежаницком историко-культурном центре Философовых и представленные в экспозиции, материалы Журналов Новоржевского уездного земского собрания, доступные в сети Интернет, и книга А. В. Тырковой-Вильямс «Анна Павловна Философова и ее время» [11].

С историей открытия Бежаницкой школы неразрывно связано имя Анны Павловны Философовой. Став полноправной хозяйкой Богдановского после смерти своего свекра, старого владельца Дмитрия Николаевича Философова, Анна Павловна претворяла в провинциальную уездную жизнь идеи всеобщего просвещения конкретными делами и поступками. В своем письме матери в 1863 г. она писала: «Новая начинается эпоха с появлением новой помещицы» [11, с. 150]. Слова ее были правдивы. Много было сделано именно для улучшения жизни простых крестьян. В это время она пишет мужу в Санкт-Петербург: «На счет школы сельской сделала разные распоряжения. Необходимы были столы, которые и заказала, и прибавка к жалованью учителя. Я со своей стороны не могла пожертвовать более 25 рублей. Может быть, на будущий год финансы будут лучше, тогда, разумеется, все на свете сделаю (ежели буду жива), чтобы подвинуть дело. Ежели же меня не будет, мой милый, надеюсь, ты исполнишь мою последнюю волю. Я просила, чтобы и детей всех наших дворовых обучали. Кроме того, я обещала батюшке (имеется в виду священник Бежаницкой церкви Аничков Николай Васильевич. — *Н. А.*), что книги, бумагу, перья, что бы не понадобилось, я буду высылать. Кроме учителя, которого он приискал, он сам будет учить арифметике, закону Божию и истории» [11, с. 150].

Только гораздо позже А. П. Философовой удалось осуществить эти планы. Сама мысль учить крестьянских детей грамоте в те времена казалась многим пустой и бесполезной. Местные помещики подшучи-

вали над Анной Павловной, говоря, что у нее будет полтора ученика, но она умела давать отпор и хорошо знала чего хочет.

Благодаря дружеским связям с земцами, она добилась того, что в числе первых 4-х земских школ в уезде была и Бежаницкая. Из воспоминаний Анны Павловны: «К счастью моему, я взяла по рекомендации одного родственника моего мужа, бывшего приказчика [крепостного] папеньки Еремея Васильева, и тогда дела у нас пошли хорошо. Переехала я во флигель и первым делом взялась за постройку школы. Это была первая школа во всем уезде. Как смотрели на это помещики, а с другой стороны крестьяне, трудно было описать... Я помню, что они принимали меня за сумасшедшую. Школа была выстроена только на 50 человек и сомнения не было, что сразу будет в нее наплыв 100 человек. Я просила земство мне помочь. И мне помогли. После школы я выстроила наш новый дом...» [11, с. 149].

Для постройки школы нужен был участок земли. Анна Павловна взяла в аренду на 30 лет участок церковной земли, туда перенесли усадьбную постройку, где размещались дворовые. Первым учителем Бежаницкой школы был Петр Ильич Привалов. В своих воспоминаниях Петр Ильич писал: « Мне хорошо известно ее теплое отношение к школе, к детям, к работникам школы, учителям, ее ближайшее попечение о ней, не исключая материальных нужд, предстательство ее за школу перед разными Обществами по собиранию книг для библиотеки и в местном земстве...» [11, с. 202–203].

Бежаницкая школа была открыта 10 декабря 1870 г. А. П. Философова была назначена попечительницей школы. Первый экзамен в июне 1871 г. состоялся при ней.

П. И. Привалов бережно сохранил коротенькую записочку, которую тогда же ему прислала щедрая на привет попечительница. «Многоуважаемый Петр Ильич, — писала Анна Павловна, — мы просто остались в восторге от благих результатов школы. Ученики сделали большие успехи. Бог помочь Вам, дорогому труженику. Семена, которые вы сеете благотворны. Пошли он вам терпение докончить Вашу святую работу. Развитие народа — дело поистине святое. Чем могу только быть полезной, с радостью исполню». Внизу приписка: «Белинский, 1-ая часть, у Елагина. Зимой можете у него взять» (19 июня 1871 г.) [11, с. 203].

Привалов вспоминал, что и школа, и он сам были на постоянном попечении Анны Павловны. Школа росла и развивалась под ее неусыпными заботами. Благодаря ее хлопотам немало книг для детской школьной библиотеки высылалось С.-Петербургским Комитетом грамотности; учитель же был обеспечен книжным материалом из

собственной библиотеки Анны Павловны. Насколько была дорога ей школа, видно из ее писем мужу Владимиру Дмитриевичу. «Милый и дорогой друг Владимир, не могу, чтобы не поделиться с тобой моим впечатлением. Сегодня была открыта школа в Бежаницах (т.е. начало занятий). Служили молебен. Все ребятишки были собраны, я была с Маней и Эличкой, так было весело, вернулись мы домой с сердцем полным любви и благодарности к Богу, что он помог все устроить» (17 сентября 1873 г.) [11, с. 204].

С удовольствием рассказывал П. И. Привалов о гостеприимстве Анны Павловны, о том, какое влияние оказывала она на него, о разговорах и спорах, которые он слышал в ее доме, о той атмосфере, которую она умела создавать вокруг себя: «Местное население, уже на первых порах относившееся к школе сочувственно, несомненно, под влиянием участливого отношения к ней видных Философовых, далее еще более сроднилось с нею, уже под влиянием самой школы, не переставшей пользоваться в то время все более и более расположением Анны Павловны. Население школы росло, и вскоре потребовался второй учитель. Число учащихся достигло 115–120 человек. Земцы и дворяне, некоторые не нетронутые совсем, или двинутые мало в своих крепостнических взглядах, мало по малу примирились с делом настоящего народного образования и менее настоятельно тормозили развитие его в уезде. В летнее время, когда школа бездействовала, Анна Павловна по воскресным и праздничным дням, после обедни, устраивала у себя, в имении, чтения для крестьянских детей. Сначала на открытом воздухе, в саду, давался им завтрак. Читала, нередко, сама, а большей частью, привлекались к чтению ее старшая дочь, репетиторы и гувернантки. Читалось по брошюрам и книгам для народного чтения, какие в то время начинали появляться в удовлетворение этой нарастающей потребности, многие из них раздавались для прочтения на дому и в полную собственность. Это поддерживало данную грамотность, распространяло знания, развивало любовь к нему: этим крепили и уважение к школе, как рассаднику грамотности и знаний и к ее скромным работникам-учителям...» [11, с. 204].

С особым удовольствием П. И. Привалов вспоминал, как Анна Павловна старалась привить соседним дворянам более либеральные взгляды: «Большинство гостей помещиков придерживалось еще крепостнических барских взглядов. Беседам и спорам, горячим спорам не было конца. Слышались иногда “распечатки” Анны Павловны. Капля долбила камень. Анне Павловне, через знакомых и благодаря своему влиянию, многое удавалось проводить в земстве по части образования и народного здравия...» [11, с. 284].

Читая переписку А. П. Философовой, воспоминания о ней, можно определенно сказать, что первые зёрна просвещения на Бежаницкой земле были посеяны ею.

Как менялась школа? Какая она была во времена первых юбилеев? На эти вопросы можно ответить, знакомясь с типовым анкетным отчетом учителя Бежаницкого училища Дмитрия Яковлевича Дедюхина от 17 января 1895 г. [6]. В исторических сведениях о создании училища записано следующее: «Лет 25 тому назад трудно было встретить грамотных людей среди крестьянского сословия данной местности, ибо обучение грамоте стоило дорого, да и находилось оно в руках людей неумелых, малознающих, преимущественно лиц духовного звания. Обучение состояло в научении мудрости механического чтения книг церковной и отчасти гражданской печати, умении писать без всяких орфо и каллиграфических знаний, умении писать цифры и небольшие числа. Потребность в открытии школы была насущная. Местная помещица А. П. Философова словом и делом горячо стремилась к осуществлению своего заветного желания — открытию в Бежаницах школы. Уездное земское собрание вняло голосу просвещенной поборницы благого дела и в 1870 г. школа открылась при одном учителе. Года через два число желающих учиться было уже так велико, что пришлось расширить училищное помещение и прибавить второго учителя. Дело обучения пошло вперед быстрыми шагами, ибо учащие не жалели сил своих для доброго дела, а Земство и госпожа Философова оказывали ему сильную материальную и нравственную поддержку. В обучении произошла полная метаморфоза: царившая прежде в обучении детей мертвечина отошла в область неприятных воспоминаний, уступив место разумному обучению ребенка предметам начальных школ, неразрывно связанному с возможным развитием умственного кругозора и поднятием моральных сил учащегося. Народ полюбил школу и число желающих учиться быстро увеличивается, так что земство затрудняясь по своему скромному бюджету удовлетворить это требование населения открытием потребного числа новых нормативных начальных школ, решило прибегнуть к так называемым школам грамотности, организация которых в настоящее время составляет предмет большой важности в сфере деятельности земства по народному образованию» [7, л. 213 об.].

На анкетный вопрос «Не замечается ли в крестьянской жизни таких изменений, которые объясняются влиянием училища? Какие именно?» изложено следующее: «Бежаницкое училище в нынешнем году будет праздновать свой 25-летний юбилей, за это время окончено курс учения свыше 400 лиц, из которых многие оказались в жизни весьма дельными, симпатичными личностями, по инициативе не-

которых из них организовалось Общество трезвости, имеющее около 300 членов. Преподавание в училище садоводства и огородничества приносит тоже значительные и весьма плодотворные результаты в среде местного населения» [7, л. 214].

Что из себя представляла школа того времени? В документах представлена следующая информация: училище земское, одноклассное, для обоих полов, основано в 1870 г., находится от уездного центра в 36 верстах и в 16 верстах от ближайшего народного училища. Расположено на собственной земле, полученной в дар от попечителя Дмитрия Александровича Философова. Училищу принадлежит 1 десятина земли, в том числе двором, местом для гуляний и игр учащихся занято 132 кв. сажени. Остальная земля предназначена для разведения сада и огорода. Здание построено специально для училища в 1894 г., обошлось около 7000 руб. из бюджета Новоржевского уездного земства и при содействии гг. Философовых, Бибикова и крестьян Бежаницкой волости. Освящено 6 сентября 1894 г. В характеристике школьного здания приводятся размеры классных комнат, записано, что здание деревянное, крыто гонтом. «Недостатков не имеется, за исключением того обстоятельства, что по многочисленности пансионеров некоторым из низ приходится спать не в спальне, а в столовой, девочкам — в кухне, где не имеется особых к тому приспособлений <...> в классных комнатах учащиеся не ночуют» [7, л. 212 об.].

Школьный ночлежный приют располагался в 1 комнате, пользоваться могли им бесплатно все желающие от 70 до 90 человек. Средства на содержание выделялись уездным земством. Согласно анкетным данным, продовольствие обходилось в 200 р. в год, кроме хлеба, который учащиеся приносили свой.

В 1894 г. бюджет содержания училища составил 1435 руб. Расходы выполнялись по следующим статьям: на содержание и награды учителям — 684 руб., на ремонт — 2 руб., отопление и освещение — 97 руб., на прислугу и поддержку чистоты — 157 руб., на мебель и классные принадлежности — 35 руб., на книги и учебные пособия — 104 руб., продовольствие учеников — 194 руб., на садоводство, огородничество и другие мелкие расходы — 62 руб., на воскресные занятия — 100 руб. На приобретение книг, брошюр и учебных пособий поступали средства: от Новоржевской уездной земской управы — 65 руб., от попечительницы А. П. Философовой — 12 руб., от Ал. Ал. Бибикова — 4 руб., от инспектора народного училища 2-го района Псковской губернии — 2 руб.

Каким образом проходил обучающий процесс в Бежаницком училище в те времена?

Из анкетного листа известно, что плата за учение с учащихся не взималась. На 1895 год числилось 112 человек (98 мальчиков и 14 девочек). В день заполнения анкеты присутствовало 110 человек. Далее представлены сведения об учащихся по возрасту, по родному языку, по вероисповеданию и по сословиям. Числится 103 человека, имеющие родной язык русский, 4 человека — латышский, 2 — еврейский и 1 — польский; соответственно по вероисповеданию 103 человека православного, 4 — лютеранского, 2 — иудейского и 1 — католического. По сословиям: 689 крестьян, 12 мещан, дворян — 1, духовного звания — 1, солдатских детей — 7. По возрасту от 8 до 15 лет. Больше всего 10–11–12-летних. Из характеристики по месту жительства узнаем следующее: 9 человек из Бежаниц, 3 человека из 2 селений не далее 1 версты от училища, 14 человек из 4 селений от 1 до 2 верст от училища, 10 человек из 5 селений от 2 до 3 верст, 4 человека из 3 селений от 3 до 4 верст, 19 человек из 9 селений от 4 до 5 верст, 28 человек из 15 селений от 5 до 10 верст и 23 человек из 15 селений свыше 10 верст. Из них 36 человек ежедневно приходят в школу, 72 человек живут при училище и 2 ученика снимают квартиры.

В школе существовало 3 отделения. В 1 младшем — 68 человек, во 2-м — 39, в 3-м — 19. Из этой статистики следует, что в основном, освоив чтение и письмо, дети оставляли школу и только немногие заканчивали училище полностью. На вопрос об исключении из училища за неуспеваемость Дедюхин пишет: «Исключений не производилось».

Процесс обучения в предыдущем 1893/94 учебном году длился с 3 октября по 4 мая. Прием в младшее отделение продолжался до 1 октября, в старшие классы на протяжении всего периода. Занятия велись одновременно со всеми учащимися. Вечером занимались с 3-ей группой учащихся по предметам: объяснительное чтение учащихся и учителя, беседы, решение и объяснение арифметических задач.

В анкете дана характеристика обучения чтению. Замечено, что внимание обращается не только на механическое, но и сознательное чтение в среднем отделении. При чтении даются знания по отечествоведению (история и география), об окружающей природе, физической и математической географии, понятия о судебных, земских, крестьянских учреждениях, о воинской повинности, о сельском хозяйстве, огородничестве и садоводстве.

К 1895 г. в школе имелось 818 экземпляров 43-х наименований учебников, 149 экземпляров 101-го наименования руководств и книг для учителей, книг для внеклассного чтения 324 наименования (726 экземпляров). В анкете дается перечисление учебников, по которым велись ранее и ведутся на момент анкетирования занятия. Из наглядных

пособий: картин Священной истории — 110, других картин — 84, глобусов — 1, теллуриев — 1, географических карт — 11, счетов — 23, аспидных досок — 25, компас — 1, магнит — 1, лейденская банка — 1.

Содержание склада книг и вспомогательных пособий при школе осуществлялось на средства Новоржевского уездного земства. Учащиеся из бедных семей учебники получали бесплатно, из состоятельных семей — приобретали на свои средства. В 1894 г. было продано книг на 37 руб., учебных принадлежностей на 16 руб.

Кроме основных занятий с октября 1894 г. было введено рукоделие, садоводство и огородничество. Занятия вели учителя. В анкете Д. Я. Дедюхин пишет: «Преподавание садоводства и огородничества велось и раньше, но за неимением своей земли ограничивалось весьма скромным размером, теперь же, когда училище снабжено десятиною земли, дело — это должно будет значительно расширяться. Уездное земство ассигновало 59 р. на этот предмет» [7, л. 213].

Забегая вперед, можно сказать, что преподавание огородничества и садоводства приобретало все больший размах. На заседаниях уездного земского собрания обсуждению этих вопросов уделялось особое внимание. В 1904 г. на таком заседании Д. Я. Дедюхин заявлял, что дело развития садоводства и огородничества идет при школе успешно, но для развития его просил оказывать содействие. В итоге Собранием было принято решение успешным ученикам, по усмотрению учителя, выдавать по несколько экземпляров саженцев яблонь [4, с. 43]. В 1905 г. Дмитрий Яковлевич в числе других учителей был направлен на Павловские курсы [5, с. 30].

В 1892 г. в училище были организованы чтения с туманными картинками. В 1895 г. предполагалось вновь открыть такие чтения на средства земства. Вели их законоучитель и учитель училища, посещали бесплатно все желающие. Кроме этого в школе преподавались пение и гимнастика.

С 1893 г. при училище велись воскресные занятия для подростков и взрослых, не учащихся в школе. В 1893/94 учебном году прошло 28 занятий по 3 часа. Занятия посещали 36 мужчин. Преподавались следующие предметы: чтение, история, арифметика, письмо (сочинение и диктант). Занятия вел учитель училища без доплаты за занятия.

На анкетный вопрос об отказах в приеме в училище и их причинах Дедюхин пишет: «Отказывать в приеме приходилось значительному числу желающих поступить в училище, ибо на двух учащихся полагается иметь учащихся не свыше 120 человек» [7, л. 212 об.].

Поверочные испытания, т.е. экзамены за предыдущий учебный год проводились 4 мая 1894 г., по предметам: Закону Божию, русскому и славянскому языку, арифметике и письму (диктант и сочинение). Экзаменационная комиссия нашла достойными получить свидетельства — 7 мальчиков и 4 девочки.

В разделе об учителях заполнены анкетные данные на законоучителя, учителя и учительницу. Сопоставив их с «Памятной книжкой Псковской губернии» можно сказать следующее: учительница Рождественская Мария Петровна 24 лет, дочь священника, окончила педагогические курсы при женской гимназии, в училище преподает на момент заполнения анкеты полгода, девица, в год получает 300 р.; законоучитель священник погоста Бежаницы Триумфов Василий Александрович, 49 лет, закончивший духовную семинарию, преподает 8 лет, женат, на содержании 3 члена семьи, выплачивается 50 р. в год; учитель Дедюхин Дмитрий Яковлевич 33 лет, закончивший Учительскую семинарию, преподает 14 лет, вдовец, на содержании 4 члена семьи, получает 325 р. в год, за 1894 год был премирован 9 рублями. Учителям предоставлялось бесплатное жилье. В каникулярное время на них возложено оспопрививание.

Рассматривался в анкете вопрос о том, как продолжается образование выпускников училища. «Лица, не имеющие средств, — пишет Дмитрий Яковлевич, — поневоле, ограничиваются прохождением курса народного училища. Кому же позволяют средства, те поступают в городское училище, Духовное, Реальное, Учительскую Семинарию. Но и первые не прерывают по возможности своего общения с училищем — посещают воскресные занятия, берут из училищной библиотеки книги для чтения на дому» [7, л. 214]. По анкетным данным из 52 человек, окончивших курс училища за последние 3 года, продолжали посещать училище 2 человека, продолжили учиться в других учебных заведениях — 4 человека, в средних учебных заведениях — 2 человека.

Школьная библиотека была открыта в 1870 г. на средства уездного земства при содействии попечительницы Анны Павловны Философовой. На книги для внеклассного чтения в 1894 г. потрачено 15 руб., отпущенных Новоржевским уездным земством. Ежегодно заведующим училищем предоставлялись списки, согласно которым книги выписывались. В анкете Д. Я. Дедюхин указывает, что газеты и журналы не выписываются, не смотря на неоднократные обращения в Земскую Управу. Журнал «Начальный учитель» и газету «Свет» учитель выписывает на свои средства. Библиотекою пользуются учащиеся

и местные жители бесплатно. В примечании Дедюхин указывает, что библиотека не удовлетворяет требованиям местного населения, а уездное земство ввиду своего скромного бюджета не может увеличивать денежные суммы на расширение библиотек своих училищ.

Директором школы дается характеристика приобщения к чтению среди местного населения: «Количество книг, распространенных в среде местного населения, весьма незначительно. Приобретаются они большей частью случайно — на ярмарках, или через родственников, живущих в городах, а потому и не обладают желательным содержанием <...> Главный материал для чтения местное грамотное население почерпает из училищной библиотеки, которая выдает более всего книг духовно-нравственного и исторического содержания, предпочитаемого местными читателями из крестьянской среды. Чтение этих книг нередко производится вслух на домах при более или менее значительном собрании слушателей. Газет и журналов местные крестьяне совсем не выписывают в следствие весьма ограниченных материальных средств» [7, л. 214].

На вопрос «Не существует ли в селении народной библиотеки или читальни?» Д. Я. Дедюхин пишет: «Читальня существует при чайной Общества трезвости, устроена в 1894 г. Устроена на средства почетных членов Общества — гг. Философовых. Выдачей книг заведует местный священник, книги выдаются безвозмездно. Пользуется читальней около 50 человек» [7, л. 213 об.].

Со времени открытия Бежаницкой библиотеки-читальни им. В. Д. Философова, известно, что Д. Я. Дедюхин неоднократно, по собственной инициативе, заведовал библиотекой.

Перечисленные факты позволяют утверждать, что Бежаницкая школа на протяжении многих лет была очагом культурной жизни поселка, центром образования не только детей, но и взрослых. Традиции добросовестного и ответственного отношения к поставленным перед собой задачам нести разумное, доброе, вечное в народные массы, заложенные А. П. Философовой, первым директором Петром Ильичом Приваловым, поддерживались и его преемником Д. Я. Дедюхиным. Письменные воспоминания учителей и учащихся Бежаницкой школы советского периода Д. А. Пятисотникова, М. А. Рубиса, А. В. Степаненкова, В. И. Полякова, хранящиеся в фондах Бежаницкого историко-культурного центра Философовых, дают полное основание говорить, что эти традиции, заложенные во времена открытия и первых юбилеев школы, передавались и следующим поколениям учителей.

Литература

1. Бежаницкое народное училище // Русская старина. 1912. Т. 151, кн. 8. С. 218–231.
2. Бежаницкое народное училище // Сельская новь. 1995. 20 мая.
3. *Векшин А. П.* Исторический вид школы и больницы, построенных при попечительстве Философовых в селе Бежаницы Псковской губернии // Философовские чтения: сборник материалов Шестых Философовских чтений. Псков, 2016. С. 124–134.
4. *Власова О.* Есть кем гордиться... // Сельская новь. 2000. 7 окт. С. 2, 4.
5. Журнал Новоржевского уездного земского Собрания сессии 1904 года: приложение к № 6-му «Вестника Псковск. Губернск. Земства» за 1905 год. Псков, 1905.
6. Журнал очередного Новоржевского уездного земского Собрания сессии 1905 года: приложение к № 12-му «Вестника Псковск. губерnsk. земства» за 1906 год. Псков, 1906.
7. Санкт-Петербургский комитет грамотности. Анкетные сведения о начальных училищах грамоты Новоржевского уезда (Российский государственный исторический архив. Ф. 91. Оп. 3. Д. 773; фотокопия в Бежаницком историко-культурном центре Философовых).
8. *Соловьев Р.* Первая школа в Бежаницах // Сельская новь. 1989. 11 апр.
9. *Солодов П.* К 100-летию Бежаницкой средней школы // Сельская новь. 1969. 13 мая.
10. *Солодов П.* Сеять разумное, доброе, вечное (К 120-летию Бежаницкой школы) // Сельская новь. 1990. 22 нояб., 24 нояб., 27 нояб., 29 нояб.
11. *Тыркова А. В.* Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Т. 1: Анна Павловна Философова и ее время. Пг.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1915.
12. *Филимонов А. В.* Учитель Дедюхин, из дворовых людей помещика Философова // Четвертые Псковские региональные краеведческие чтения (Псков 9–11 октября 2013 г.). М., 2014. С. 135–141.

Беляева Лидия Александровна
краевед, г. Великие Луки, Псковская обл., Россия
e-mail: lidija.beliaewa@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КУДЕВЕРСКОЙ ВОЛОСТИ

Аннотация: В данной статье представлен материал о развитии народного образования в Кудеверской волости на примере двух школ, Еньковской и Бардовской, которые были открыты Новоржевским земством и продолжили свою работу в советское время. Приводятся сведения из статистических отчетов школ, рассказывается о некоторых фактах из биографий учителей, начавших свой трудовой путь в 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: народное образование, Кудеверская волость, Еньковская школа, Бардовская школа.

Lidija Belyaeva
ethnographer, Velikie Luki, Russia

FROM THE HISTORY OF PUBLIC EDUCATION OF KUDEVERSKAYA VOLOST

Abstract: This article presents the material on the development of public education in Kudeverskaya volost on the example of two schools Penkovskaya and Bardovskaya, which were opened by the Novorzhevsky zemstvo and continued their work in the Soviet era. The article provides information from the statistical reports of schools, tells about some facts from the biographies of teachers who began their career in the 1920s and 1930s.

Key words: public education, Kudeverskaya volost, Penkovskaya school, Bardovskaya school.

Во второй половине XIX и в начале XX вв. в Кудеверской волости, как и в других волостях Новоржевского уезда Псковской губернии, открывались школы: церковно-приходские, министерские, земские, школы грамоты. В 1910 г. на территории волости были 3 земские школы, 1 министерская, 1 церковно-приходская, 1 школа грамоты [1].

Поскольку земские школы внесли ощутимый вклад в развитие народного образования, то речь пойдёт об истории школ, возникших благодаря Новоржевскому земству, десятки лет обучавших крестьян-

ских детей и закрытых в советское время. Эти школы подчинялись со- державшему их земству, у каждой такой школы имелся попечитель, который должен был оказывать всяческую помощь школе.

Одна из земских школ появилась в 1904 г. в селце *Еньково*. Вернее, первоначально её разместили в наёмном доме в селце Скрыпли. Но в силу того, что помещение было неудобным и владельцы не желали и дальше сдавать его в наём, управа сочла необходимым потратить средства на постройку нового здания. По этим причинам на 1909/1910 учебный год школу перевели в Еньково, в помещение, снятое у А. П. Любимова, который пожертвовал землю под новое школьное здание [2]. От Енькова до Новоржева 55 верст, а до ближайшей больницы в Духнове — 16. Под Еньковскую школу построили одноэтажный, деревянный, снаружи обшитый тёсом, крытый дранкой дом. Отопление — русская печь и три печки-стояка. Для проветривания помещений сделаны форточки в 1/6 окна. Освещение лучинное. Передняя, класс, учительская, комната учителя, раздевальня, кухня, кладовка и сени — такова внутренняя планировка здания.

Голованово, Зизи, Нестерово, Карпыли, Лысцово, Дыркино, Ключек, Куземино, Алешино, Герасимово, Олешенец, Подоржевка, Холмы, Шумиха, Пятницыно, Степанкино, Пекалиха, Еньково – вот перечень деревень, составляющих район этой школы [3].

Сохранились сведения о школе за 1914 г. Попечителем состоял Андрей Петрович Любимов, а учительницей работала двадцатилетняя Клавдия Павловская, окончившая Новоржевскую женскую прогимназию. Учебные занятия в Еньковской школе начались 18 сентября, а закончились 19 апреля, экзамен проводился 21 апреля. Число учебных дней в году — 140. Начало и окончание учебных занятий было связано с участием детей наравне со взрослыми в сельскохозяйственных работах [4].

Кудеверский волостной исполнительный комитет как высший орган Советской власти в волости в период между съездами Советов был образован в январе-феврале 1918 г. Одновременно с исполкомом были созданы его отделы: управления, земельный, комитет труда, соцобеспечения, народного образования. Все школы перешли в ведение отдела народного образования.

Еньковская советская школа 1-й ступени — название школы с 1918 г. Учителя: Дориомедов Павел Александрович и Шариков Константин Георгиевич — 1919/1920 учебный год; Любимова Елена Михайловна и Шитиков Нил Игнатъевич — 1920/1921 учебный год. Учебный день начинался в 9 часов, а заканчивался в 15. Ежедневно проводили 6 уроков по 55 минут.

Одним из популярных видов внешкольной работы в 1920-е гг. были спектакли. Их ставили во многих школах волости, в том числе и в Енькове [3].

Хозяйственные школьные проблемы решались на общем собрании граждан. Одно из таких собраний Еньковского школьного района состоялось 12 сентября 1920 г. Председателем избрали З. Игнатьева из Герасимова, а секретарём учителя П. Дориомедова. На повестке дня три вопроса: об учителях, о дровах, о ремонте. Постановили: ходатайствовать перед отделом народного образования о направлении в школу третьего учителя. Так как за распилку дров со школы запросили слишком большую сумму, то решили просить Кудеверский волостной исполком, чтобы дрова пилили лица, «принуждённые» на общественные работы, а дрова из Алексинской дачи решили доставить в школу общими усилиями. Ещё нужно было отремонтировать фундамент, сарай и крыльцо, сделать перегородку в классе и пополнить количество парт, поэтому посчитали необходимым привлечь к работе плотников и столяров этого района [5, л. 24].

К 1930-м гг. учительский состав поменялся. Елена Михайловна Любимова как представительница дворянского сословия была лишена избирательных прав и выселена за пределы Кудеверской волости; П. А. Дориомедов переведён учительствовать в другую школу. Еньковскую школу 1-й ступени стали называть начальной. В 1930-х гг. заведующей Еньковской начальной школой работала Анна Меркеевна Белкова, которая окончила Опочечское педучилище. Вела она уроки в 1–4 классах, 38 часов в неделю.

Сведения о школе следующие. К концу 1935/1936 учебного года было 62 учащихся; переведено в следующий класс или окончило школу — 53; 7 человек оставлены на второй год; двум ученикам перевод отложен до осени. За год проведено 3 родительских собрания; 27 учащихся получали обеды. На пришкольном участке выращивали картофель, собранный урожай составил 6 центнеров [6].

На конец 1936/1937 учебного года 59 учеников; переведено в следующий класс или окончило школу 56; на второй год оставлены трое; 2 ученика получили похвальные листы. Ребята занимались в хоровом и драматическом кружках [7].

Во время отпуска в июне 1941 г. две родные сестры Анна Белкова и Клавдия Соколова (учительница Бардовской школы) поехали навещать родственников в Башкирии. Доехать не успели, началась война. Пытались вернуться домой в Кудеверский район, но дальше Ржева их не пустили, территория уже была оккупирована немцами. Обе сестры

до пенсии работали в Ерлыковской восьмилетней школе Миякинского района Башкирской АССР. Жили напротив школы в соседних домах.

После освобождения Кудеверского района состояние школы оказалось плачевным. В классе полностью отсутствовали пол и потолок. Не было ни рам, ни дверей, крыше требовался ремонт конька. Исправна была только одна печка-стояк, все остальные печи разрушены. Небольшая часть школьной мебели, шесть столов, седьмой стол без крышки, три скамейки, «ноги» от доски (сама доска разбита) обнаружены у жителей деревни Скрыпли. Заведующей Еньковской начальной школой назначили Столярову Анну Григорьевну, которая внесла огромный вклад в восстановление школы. Вместе с председателем Бардовского сельсовета они подыскивали новое помещение для занятий. В первую очередь учительница собрала сведения о количестве учеников, которым 1 сентября 1944 г. предстояло сесть за парты. Всего 42 ученика: 1-й класс — 20; 2-й класс — 10; 3-й класс — 6; 4-й класс — 6 [8, л. 23].

28 августа состоялась приёмка школы. Приехавшая комиссия (председатель Бардовского сельсовета Константинов Александр Егорович, директор Бардовской неполной средней школы Льянова Любовь Алексеевна и председатель колхоза им. Сталина В. П. Павлов) оценила готовность школы к учебному году.

Состояние школы следующее:

1. Дом колхозника из двух классных комнат с 8-ю окнами, которые остеклены рамами колхозников (4 рамы из Скрыпелей и 4 рамы из Карпылей). В первой классной комнате русская печка, а во второй чугунка.

2. 7 столов старых и 4 новых — всего 11 столов.

3. 11 скамеек (8 новых и 3 старых).

4. Часы настенные.

5. «Ноги» от доски.

Отсутствовали классные доски, учебники и другие школьные принадлежности. Несмотря на существенные недостатки, комиссия решила, что Еньковская школа с 1 сентября 1944 г. может приступить к занятиям с полной нагрузкой со всеми классами [8, л. 55].

В 1946 г. руководство Кудеверского района выделило средства на восстановление школ. Еньковская получила 8000 рублей.

Учителя, работавшие в послевоенные годы: Федоров Федор Федорович (30 мая 1955 г. переведен в Садковскую неполную среднюю школу Самсоновского сельсовета), Семенова Анна Егоровна, Столярова Анна Григорьевна.

Летом 1961 г. Еньковскую начальную школу переименовали в Скрыплевскую начальную школу, в которой с 1962 г. учительствовала Матвеева Мария Федоровна.

Детей становилось всё меньше. В конце 1960-х гг. Скрыплёвскую начальную школу закрыли, а Марию Федоровну перевели на должность воспитателя в интернат при Бардовской школе.

Дориомедов Павел Александрович родился в Кудевери 5 ноября 1900 г. Мать — дочь псаломщика Кудеверской церкви. Столяров Михаил Иванович, отец Павла — торговый приказчик в купеческой лавке в селе Жадрицы Новоржевского уезда. Павел, как незаконнорожденный ребёнок, носил фамилию матери. До 22 февраля 1918 г. он учился в Псковской учительской семинарии, окончить полный курс которой не удалось из-за оккупации Пскова немцами. Выбыл из 3-го класса. 17 ноября 1918 г. П. А. Дориомедов получил назначение на должность учителя Еньковской школы. Потом пришлось трудиться заведующим в разных школах Кудеверской волости: Медведовской, Кудеверской, Ключинской, Баслаковской, Дорожковской. В 1938 г. он заочно окончил Опочечское педучилище. С 5 декабря 1939 г. — заведующий Кудеверского районного педагогического кабинета. В этой должности работал до 10 июля 1941 г. Затем была эвакуация. С августа 1941 г. по ноябрь 1944 г. — заведующий Гильдеевской начальной школой Татарской АССР. После освобождения родных мест от немецко-фашистских захватчиков вернулся в распоряжение Кудеверского роно и продолжил работать учителем в школах Кудеверского района [10, л. 67].

В старинном селе *Бардово* школу основали в 1893 г. Помещалась она в новом, специально для неё построенном доме. Кроме класса, здесь были кухня и столовая, разделенные между собой коридором. Для ребят, живущих далеко от школы, оборудовали общую спальню. Для проветривания помещений сделаны форточки. Питьевую воду брали из реки Алоль. Училось в школе 75 человек.

Школьный район: Заполицы, Синицино, Струпливец, Однолетки, Линёвец, Воротово, Борок, Жагрово, Алексино, Ровные Нивы, Звягино, Мартиново, Быхново, Зайцево, Романово, Клетошно, Борисково, Горка, Волоково, Ложнево.

Расстояние от школы до Бардовского почтового отделения четверть версты, до приходской церкви полверсты, а до Кудевери — 12 вёрст.

В первый год после открытия в школе совсем недолго работали учительницами Бояновская и Скоропостижная. А с 1894 г. в ней начинает свою длинную трудовую жизнь Елена Яковлевна Полякова, окончившая

Псковскую женскую гимназию. Законоучитель — священник Свято-Троицкой церкви Илья Лебедев [11]. Константин Иванович фон Мейер являлся попечителем школы в 1910 г. Учителями в 1909/1910 учебном году работали Е. Я. Полякова и Мария Петровна Быстрова (окончила Новоржевскую женскую прогимназию). В 1909 г. школьный курс окончило 20 учеников, в 1910 г. — 21 [12].

С 1918 г. полное наименование школы: Бардовская советская школа 1-й ступени. Общеобразовательная. Курс обучения продолжался 4 года. В 1918 г. школьное здание сгорело и школу перевели в бывший помещичий дом. В 1919/1920 учебном году работали учителями Александр Иванович Розит, Анна Ивановна Царева, Марфа Ивановна Тимофеева и Елена Яковлевна Полякова. В школе было 146 учеников: 98 мальчиков и 48 девочек. На уроках использовались учебники В. Н. Сатарова [3].

10 июня 1920 г. в Бардове случился пожар — сгорела баня, которую в течение трёх лет топили все жители села Бардово. Предполагали, что причиной пожара являлась неисправность трубы, которую никто не чинил и не чистил. Заведующая Бардовской школой Е. Я. Полякова, очень обеспокоенная этим событием, написала в Кудеверский земельный отдел заявление. «В таком же положении находится и половина Бардовского дома: печи чинятся и трубы чистятся только на той половине дома, которая отдана под школу. В помещении, занимаемом судом, трубы не чищены второй год и ремонт не производился. Между тем многие печи нуждаются в капитальном ремонте, о чем я уже не раз сообщала и земотделу и даже исполкому при переводе училища в с. Бардове. Пусть земотдел обратит на моё заявление серьёзное внимание, чтобы в случае нового несчастья не упрекать меня в халатном отношении к занимаемому школой помещению», — сообщала учительница [13, л. 21].

Как уже отмечалось выше, большой популярностью пользовались спектакли. В 1921 г. Кудеверский волостной отдел народного образования обратился в Новоржевское уездное политбюро с просьбой разрешить устройство 6 марта в Бардове вечера с пьесой «Тяжелая утрата» [14, л. 2].

В 1923/1924 учебном году на базе школ 1-й ступени создавались школы крестьянской молодёжи, переименованные в 1930 г. в школы колхозной молодёжи. Эти школы давали подготовку в объеме семи классов. Об учащих Бардовской школы колхозной молодёжи упоминалось в 1930 г. в газете «Псковский колхозник» (№ 60):

Колхозы, за ударный ход работы! (Кудеверский район).

Учащиеся Бардовской школы колхозной молодёжи несколько времени тому назад выступили на социалистическое соревнование по проведению весенней посевной кампании с Вольшевской школой, Порховского района.

Вот первые результаты соревнования у бардовских:

Организована при школе коммуна, в которую вступило 33 человека, в том числе часть учащихся и все преподаватели. Из них 18 учащихся втянули в коммуны и свои семьи.

Провели планы-приговоры на год в 15 деревнях (по плану было намечено в 12-ти). По этим планам-приговорам крестьяне обязались выполнить ряд мер по поднятию урожайности.

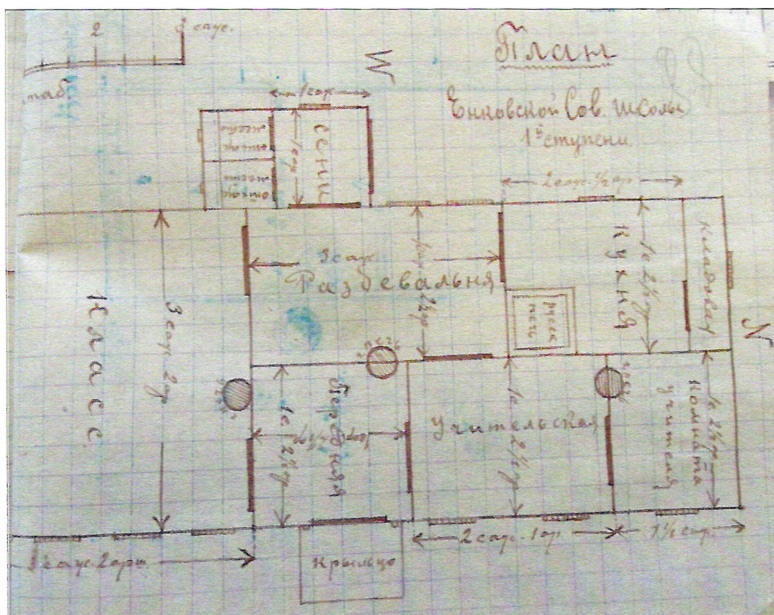
На этом бардовские передовики не останавливаются. Теперь они решили свой план работ по соревнованию перевыполнить. С этой целью колхозная молодёжь объявила себя ударной, на что вызывает все школы колхозной молодёжи Псковского округа. В. Ильин.

В 1934 г. школа колхозной молодёжи преобразована в неполную среднюю школу (семилетку). В 1935/1936 учебном году в распоряжении школы находилось три здания: двухэтажное полукаменное, двухэтажное деревянное (4 комнаты и 2 коридора) и одноэтажное деревянное. Площадь всех зданий 1352 кв. м.

Школу составляли 8 классных комнат, столярная мастерская, библиотека, квартиры учителей, школьный интернат, рассчитанный на 20 мест. Имелся земельный участок площадью 3 га. Сеялись пшеница, рожь, овёс, картофель. В школьном хозяйстве имелись лошадь, упряжь, дроги, сани.

На конец учебного года насчитывалось 235 учащихся; переведено в следующий класс или окончило школу — 166; оставлено на второй год — 8; 61-му ученику перевод отложен на осень. Занятия проводились в одну смену. В детских и молодёжных организациях состояло 54 октябрёнка, 60 пионеров, 8 членов и кандидатов в члены ВЛКСМ [6, л. 38].

В 1936/1937 учебном году на конец года было 229 учащихся; переведено в следующий класс или окончило школу — 209; оставлено на второй год — 5; 15-ти ученикам перевод отложен на осень, 3 человека получили похвальные листы. 119 учеников изучали немецкий язык. В детском и юношеском движении принимали участие 38 октябрят, 78 пионеров, 14 членов и кандидатов в члены ВЛКСМ. В школе работали следующие кружки: Осоавиахим, физкультурный, хоровой, драматический, СВБ (Союз воинствующих безбожников) [7, л. 36].

План Еньковской советской школы 1-й ступени.
1920/1921 учебный год

36 лет трудится Анна Меркеевна на поприще народного образования.

Отдавшись народному образованию Анна Белкова не только хороший преподаватель, но и активный общественник. В Ерьковской восьмилетней школе она руководит кружком методическим объединением, постоянно помогает молодым учителям. Кроме всего этого, Анна Меркеевна работает воспитательницей в интернате.

На снимке: А. М. Белкова на уроке.

Фото Н. Руденко.

Фото из районной газеты
«Октябрь»
Миякинского района
Башкирской АССР, 1960-е гг.

Дориомедов Павел Александрович
с учениками Баслаковской школы, 1947 г.

Коллектив учителей Бардовской восьмилетней школы.
Слева направо: 1-й ряд Е. Г. Ключева, ?, М. А. Грудинкина, А. М. Грудинкин; 2-й ряд А. И. Васильева, А. Г. Столярова, Л. А. Пустырева, Е. И. Павлова, М. Г. Терентьева, И. В. Терентьев

В 1940/1941 учебном году учителями были: Поляков Ф. М. — учитель истории и директор школы; Каваева А. Е. — биология; Андреева О. Н. — русский язык и литература; Пустырева Л. А. — пение; Завьялов А. Н. — математика и черчение; Грудинкин А. М. — математика; Соколова К. М., Михайлова Е. М., Филиппова О. Ф., Михайлова Е. В. — учителя начальных классов [15, л. 52].

Слева: Белкова Анна Меркеевна, справа: Соколова Клавдия Меркуловна. Фото до 1941 г.

Спустя несколько месяцев с начала оккупации, немецкие власти объявили о народном образовании. В военный период в Бардове учительствовала О. Ф. Филиппова. После войны Ольга Филипповна перевелась в Кудеверскую школу. Но в 1949 г. её сняли с работы. В характеристике указали причину увольнения: «За время работы в школе не стремилась повышать своё общее образование, поэтому оказалась безграмотной по русскому языку и арифметике и не смогла обеспечить прочными знаниями учащихся». Одновременно с ней уволили ещё нескольких учителей, в том числе Осипову Татьяну Григорьевну, в период немецкой оккупации работавшую в Глазовской школе, а после войны — в Бардовской.

В 1943 г. недалеко от школы, у моста через Алоль, немцы устроили засаду партизанам. Завязался бой. От трассирующих пуль загорелась крыша, а потом и второй этаж здания. Школа сгорела.

После освобождения Кудеверского района, были созданы комиссии по установлению ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками гражданам, колхозам, организациям и учреждениям. Комиссия во главе с председателем Бардовского сельсовета А. Е. Константиновым оценила ущерб, нанесённый Бардовской школе, в 758 980 рублей в ценах 1940 г. [8, л. 28].

В 1944 г. директором школы была назначена Пустырёва Любовь Алексеевна. На плечи молодой женщины, имевшей двух несовершеннолетних детей, легла организация начала 1944/1945 учебного года. Л. А. Пустырёва, как и другие учителя, оставалась на оккупированной территории. Бывшая разведчица 1-й Калининской партизанской бригады. Награждена медалью «Партизану Отечественной войны 1-й степени» [16, л. 4]. В первый послевоенный учебный год 5–7 классы разместили в небольшом (комната с перегородкой и кухня) доме мельника. Учительскую устроили в коридоре, который отапливался времянок. Ребятам самим приходилось заготавливать дрова: пилили, кололи и возили их на санках. В 1946 г. на ремонт школы получено 8000 рублей, а новое кирпичное здание школы построили лишь к 1966 году.

Список педагогического персонала в 1950-е гг.: Грудинкин Александр Михайлович, директор школы в 1949/1950 учебном году и учитель математики; Пустырёва (Льянова) Любовь Алексеевна, директор, учитель русского языка и литературы; Столярова Анна Григорьевна, завуч, учитель географии; Павлова (Гаврилова) Екатерина Ивановна, учитель русского языка и литературы, немецкого языка; Васильева (Ананьева) Александра Ивановна, учитель начальной школы; Клюева (Осипова) Евгения Григорьевна, учитель начальной школы; Терентьева Мария Григорьевна, учитель биологии; Терентьев Иван Васильевич, учитель физвоспитания и трудового обучения; Грудинкина Мария Алексеевна, учитель начальных классов [17, л. 134]. Все эти учителя до выхода на пенсию работали в Бардовской восьмилетней школе.

Увлеченным человеком, учителем-энтузиастом, краеведом была Мария Григорьевна Терентьева. Под руководством археолога Инги Константиновны Лабутиной, при активном участии Марии Григорьевны, школьники провели археологические раскопки кургана вблизи Бардова.

В своём письме бардовским ребятам, хранящемся в нашем личном архиве, Инга Константиновна пишет: *«Я прочла присланную вами статью о школьном музее и работе краеведческого кружка. Постараюсь и дальше помочь вам в изучении родного края. Вы сами, ребята, очень помогаете науке и сбережению исторических памятников тем,*

что ищете их и изучаете. Курганы, которые есть в ваших краях, простояли века, это память о том, что здесь жили наши предки. Надо заботиться о них и сберегать их. Надо, чтобы и в совхозе, и в сельсовете вашем знали об истории этих памятников и по нечаянности не распахали, не повредили их.

Как было бы хорошо, если в результате вашей работы в центре Бардова появилась, была установлена карта с указанием, где и какие памятники есть в окрестностях. Все бы лучшие узнали историю Бардова и больше заботились о памятниках. А приезжие люди удивлялись бы и с ещё большим уважением отнеслись бы и к вам, и к школе, и ко всем бардовцам».

К сожалению, пожелания известного псковского археолога не сбылись. Люди уезжают из родных мест. Сначала не стало Бардовского сельсовета. А в 2009 г. закрылась Бардовская школа.

Литература

1. Доклады Новоржевской уездной земской управы очередному собранию 1910 года. Новоржев: Типография А. С. Шейдина, 1910.
2. Доклады Новоржевской земской управы очередному земскому собранию сессии 1914 г. Новоржев: Типография Шейдина, 1914.
3. Отделение ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области» в г. Великие Луки (ВЛО ГАПО). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 32.
4. Доклады Новоржевской земской управы очередному земскому собранию сессии 1914 г. Новоржев: Типография Шейдина, 1914.
5. ВЛО ГАПО. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 40.
6. ВЛО ГАПО. Ф. Р-614. Оп. 1. Д. 78.
7. ВЛО ГАПО. Ф. Р-614. Оп. 1. Д. 87.
8. ВЛО ГАПО. Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 3.
9. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 9.
10. ВЛО ГАПО. Ф. Р-614. Оп. 1. Д. 318.
11. Доклады Новоржевской уездной земской управы очередному собранию 1894 г. Новоржев: Литография земской управы, 1894.
12. Доклады Новоржевской уездной земской управы очередному собранию 1910 года. Новоржев: Типография А. С. Шейдина, 1910.
13. ВЛО ГАПО. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 27.
14. ВЛО ГАПО. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 34.
15. ВЛО ГАПО. Ф. Р-614. Оп. 1. Д. 187.
16. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 4. Д. 35.
17. ВЛО ГАПО. Ф. Р-1931. Оп. 1. Д. 474.

Ксенофонтова Светлана Викторовна
Заведующий Бежаницкой центральной
районной библиотекой им. Анны Павловны Философовой
Муниципального бюджетного учреждения культуры
«Бежаницкий районный центр культуры»,
Псковская обл., Россия
e-mail: ksenofontovas@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛИНИИ ДНО — НОВОСОКОЛЬНИКИ

***Аннотация:** Железнодорожные линии Петербург — Псков — Двинск (строительство закончено в январе 1860 года) и Бологое — Псков (открыто движение в ноябре 1897). Участие в решении вопросов дорожного хозяйства Д. А. Философова. Строительство и открытие железнодорожной станции Сущево. Станции и разъезды на территории Бежаницкого района: станция Чихачево и 5 разъездов: Плотовец, Ашево, Лозовицы, Загоскино и Тигоци.*

***Ключевые слова:** железная дорога, станция, железнодорожная станция.*

Svetlana Ksenofontova
Bezhanitsy's regional library, Russia

FROM THE HISTORY OF THE RAILWAY LINE DNO — NOVOSOKOLNIKI

***Abstract:** The railway lines Petersburg — Pskov — Dvinsk (construction completed in January 1860) and Bologoe — Pskov (opened in November 1897). Participation in the solution of road management issues by D. A. Filosofov. Construction and opening of the Sushchevo railway station. Stations and sidings on the territory of the Bezhanitsky district: Chikhachevo station and 5 sidings: Plotovets, Ashevo, Lozovitsy, Zagoskino and Tigoshchi.*

***Key words:** railway, railway station, railway station.*

Первая железная дорога в России Петербург — Царское Село была построена в 1837 г. Она протянулась всего на 26 верст. Но уже в 1851 г. построили крупную по тому времени двухпутную железнодорожную магистраль Петербург — Москва длиною около 650 верст. Строительство железных дорог в России шло быстрыми темпами.

К концу XIX в. через Псковскую губернию проходили две железнодорожные линии: Петербург — Псков — Двинск (строительство закончено в январе 1860 г.) и Бологое — Псков (открыто движение в ноябре 1897 г.). Через южную часть губернии должна была пройти начатая прокладываться весной 1897 г. железнодорожная линия Москва — Крейцбург (Латвия). Одновременно с ней начато строительство железнодорожного участка в 165 верст, который должен был соединить станцию Дно (линия Бологое — Псков) с проектируемой станцией Новосокольники (линия Москва — Крейцбург), т. е. участка Дно — Новосокольники.

Тогда не было железной дороги, соединяющей Петербург, столицу Российской империи, с Белоруссией. Дорога эта, имеющая важное стратегическое значение, только планировалась. И вот железная дорога Дно — Новосокольники должна была быть первым, хотя и территориально средним её звеном.

Строительство железнодорожного участка Дно — Новосокольники производило «Общество Московско-Виндавских-Рыбинских железных дорог». Оно организовалось в 1868 г. и было вначале небольшим, но постепенно разрасталось и превратилось в крупное акционерное общество. С мая 1898 г. председателем правления Общества был Николай Степанович Островский, главным инженером строительства железнодорожного участка Дно — Новосокольники — Степан Августович Штольцман. Оба они — инженеры путей сообщения [7].

Строительству дороги предшествовали тщательные геологические исследования грунта на всем пути железнодорожного полотна. Результаты этих исследований были опубликованы в журнале «Известия геологического комитета» (1898. № 8). Работы начались весной 1898 г. Земля, на которой располагался путь, принадлежала крестьянам деревень Лужницы и Кунавино. По правую сторону дороги земля была лужницкая, а по левую кунавинская. Надо иметь в виду, что уровень техники тогда был очень низким, применение электроэнергии — в зачаточном состоянии. Многие, очень многие работы производились вручную, а их объем — грандиозный. Железные дороги на территории Псковской губернии строили в основном крестьяне-отходники, а также население тех деревень, рядом с которыми велось строительство. Использовались лопаты, тачки кирки и ломы. Артель, которую нанимали, состояла из землекопов, навалыщиков, карателей, равильщиков, плотников, топорников. Оплата труда производилась на всю артель. Штрафы, отсутствие условий для жизни, эпидемии делали работу на строительстве дорог очень тяжелой. От Дно до Новосокольников, на-

пример, для прокладки пути вырубали 210 десятин леса, выкорчевали пней на 56 десятинах. Для будущей станции Сушево, например, сделано 11 107 кубометров насыпей, для разъездов Тигощи и Загоскино по 3360 кубометров.

При прокладке пути нужно было преодолеть множество препятствий (водоемов). Только на участке Чихачево — Локня, например, имелось 6 речек, 9 ручьев, 6 оврагов, 4 канавы и 1 болото. При устройстве земляного полотна препятствия либо засыпались, либо через них строились мосты или подводились каменные трубы для отвода воды.

Всего израсходовано на сооружение этого железнодорожного участка около 6,2 миллиона рублей, что по тогдашнему времени было немалой суммой [3].

Как и в своем уезде, на съездах губернского земства Д. А. Философов принимал большое участие в решении вопросов дорожного хозяйства. С 1895 г. в течение нескольких лет он избирался председателем Дорожной комиссии. В 1896 г. на заседании комиссии рассматривался план проектируемой железной дороги от Луги на Витебск, проходящей вблизи селений Ашево, Бежаницы, Михайлов погост на Невель с открытием станции в местечке Сокольники. Прибывший из Санкт-Петербурга Философов сообщил о том, что Рыбинское общество склоняется к тому, чтобы отложить строительство железной дороги на территории Псковской губернии, Д. А. Философов призывал принять все меры, чтобы вопрос строительства не откладывался. Для этого решено было ходатайствовать об ускорении постройки этой линии и направить депутацию в поддержку ходатайства. Для успеха этого дела депутацию просили возглавить старинного псковского землевладельца Николая Матвеевича Чихачева, в её состав вошел и Дмитрий Александрович.

В 1898 г. Д. А. Философов представил доклад в Дорожную комиссию по вопросу обустройства подъездного пути к железнодорожной станции Бежаницы. В нем говорилось о необходимости строительства этого пути вне всякой очереди, самое удобное направление признали от погоста Бежаницы длиной 3 версты 417 сажений, ширину дороги установили в 6 сажений и по 3 сажени обрезы. Сумму расходов внесли в смету будущего года, отметили, что проектируемый путь будет земским (не проселочный и не почтовый), но в случае невостребованности земство будет вправе отказаться от него. По отношению к устройству подъездных дорог к будущим станциям и полустанкам комиссия настаивала на необходимости изучения пути от Ашева по направлению к селу Гора до местонахождения станции, поднимала вопросы определения пути к строящейся станции Чихачевке, составления соответствующих смет. В отношении проселочных дорог Философов обращал

внимание на необходимость улучшения пути от Бежаниц на Дворцы, Аксеново и Кудеверь, обосновывая это тем, что с постройкой железной дороги предполагается усиление движения грузов в этом направлении. Надо сказать, что эти вопросы решались далеко неоднозначно. Д. А. Философову приходилось доказывать необходимость улучшения дорог от Кудевери и Двориц до Бежаниц [2].

Несмотря на огромные трудности, сооружение дороги было практически закончено уже в 1900 г., и в этом же году началось пробное рабочее движение. Официальное открытие движения и ввод в эксплуатацию железнодорожного участка Дно — Новосокольники было 11 сентября 1901 г.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) сохранилась уникальная фотография первого железнодорожного вокзала станции Бежаницы. По документам фото датируется 1900 г. Имеется официальное разрешение от 10 июня 1900 г., выданное Дмитрию Владимировичу Философову Обществом Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги (подрядчиком этого строительства) на проезд сквозным рабочим поездом от станции Дно до станции Бежаницы.

Д. В. Философов ехал не один, его сопровождали друзья — известный писатель Дмитрий Сергеевич Мережковский и его жена поэтесса Зинаида Николаевна Гипиус. Надо полагать, что все они прибыли в родовое имение А. П. Философовой — село Богдановское. Дмитрий Философов и раньше привозил из С.-Петербурга в имение матери своих друзей. Так, вместе со своим двоюродным братом Сергеем Павловичем Дягилевым и Александром Николаевичем Бенуа, он принимал активное участие в издании журнала «Мир искусств» (вел там литературный отдел). Хотя журнал издавался в Петербурге, но часто материал для него подбирался и редактировался в селе Богдановском [8].

С 11 сентября 1901 г. все жители Бежаницкой волости и вообще восточной части Псковской губернии могли ездить по новой железной дороге в Москву и Петербург. Это заметно оживило жизнь и экономику прилегающих к новой железной дороге районов [9].

Воду в тендер паровоза наливали из колодца ведрами. Топливо на паровоз (дрова), носили на руках. Позднее, когда пошло больше поездов, воды из колодцев стало не хватать, и поэтому начали копать канаву из озера Дубец в пруд. Копали лопатами. Большинство рабочих было привезено из Польши. Стены пруда были выложены камнем, чтобы они не осыпались. Вся работа была сделана вручную. Кроме того, что это было выгодно для обслуживания железнодорожной станции Сущево, еще это способствовало тому, что не происходили затопления

сельскохозяйственных земель в районе озера Дубец. На берегу пруда была небольшая водокачка с двумя двигателями по восемь лошадиных сил марки «Гамма» и «Болиндер» иностранного производства. В 1906 г. машинисткой водокачки стала работать женщина Е. К. Довгяло. В 1917 г. она же была избрана секретарем комсомольского революционного комитета станции Сушево. Но революционный комитет существовал в Сушево недолго, вскоре его перевели в Бежаницы.

Потом началось строительство вокзала. Он строился долго. В зимнюю пору работать было невозможно, а потому работали только летом. Чернорабочих называли сезонниками.

Вначале станция Сушево действовала под названием Бежаницы. Вокзал этой станции располагался на противоположной стороне железнодорожного полотна по отношению к нынешнему вокзалу станции Сушево. Станция была маленькая и в поселке было всего три дома, одна чайная. Шоссейной дороги не было. Позднее на месте, где Ивановский переулок, была построена лесопилка, принадлежащая Сандлеру. Это было первое предприятие в Сушеве.

Следует заметить, что еще при проектировании этой железной дороги владелец имения села Цевло влиятельный барон Корф добивался, чтобы железная дорога прошла через Цевло. Однако это экономически не оправдывалось, и предложение Корфа не было поддержано. Дорога прошла по другому месту. Вокзал соединился с Цевлом грунтовой дорогой, и удобно было расположить его по одному сторону с Цевлом от железной дороги.

Станция заимствовала название населённого пункта на почтовом тракте Великие Луки — Новоржев. С 9 сентября 1901 г. она была промежуточной на железнодорожной ветке Дно — Новосokolьники. 26 ноября 1902 г. Коммерческая часть правления Общества выступила с инициативой закрепить за этой станцией другое название — Сушёво. Мотивы выглядели так: «...ввиду однозвучности станции Бежецк в Тверской губернии на реке Молога и в устранении засылки грузов, случающихся в настоящее время». 1 сентября 1903 г. станция Бежаницы переименована в станцию Сушево, по одноименной ближайшей к железной дороге крупной деревне Сушево, насчитывавшей в то время 48 дворов. С того времени Сушево ни разу не меняло своего названия.

В селе появилась новая улица под названием Миллионная в направлении железнодорожного вокзала, таким образом, центр Бежаниц сместился географически на северо-восток. Селение Бежаницы получило статус посёлка.

С 1 января 1903 г. участок был передан в ведение Петербургской сети. Но прямого железнодорожного сообщения восточных районов

Псковской губернии с Петербургом ещё не существовало. Строительство участков Царское село — Дно и Новосokolьники — Витебск открылось 1 августа 1904 г. С этого времени по 1917 год участок Дно — Новосokolьники входил в линию Петербург — Витебск и принадлежал Московско-Виндаво-Рыбинскому железнодорожному обществу. До открытия движения по линии Петербург — Витебск происходила модернизация железнодорожной колеи Дно — Новосokolьники в соответствии с единым стандартом всей магистрали, на что пошли значительные дополнительные затраты. Реконструкция ветки Дно — Новосokolьники проводилось в два этапа более двух лет. В расходы вошла стоимость на приобретение кирпича, железа на переделку деревянных мостов на каменные, на сооружение дополнительных разъездов, гражданских зданий, на пополнение паровозного и вагонного парка. Это позволило увеличить пропускную способность по железнодорожной ветке в три раза, то есть втрое больше перевозить грузов и пассажиров.

По данным 1903 г., одним из первых начальников этой станции был Дмитриевский Арсений Трофимович.

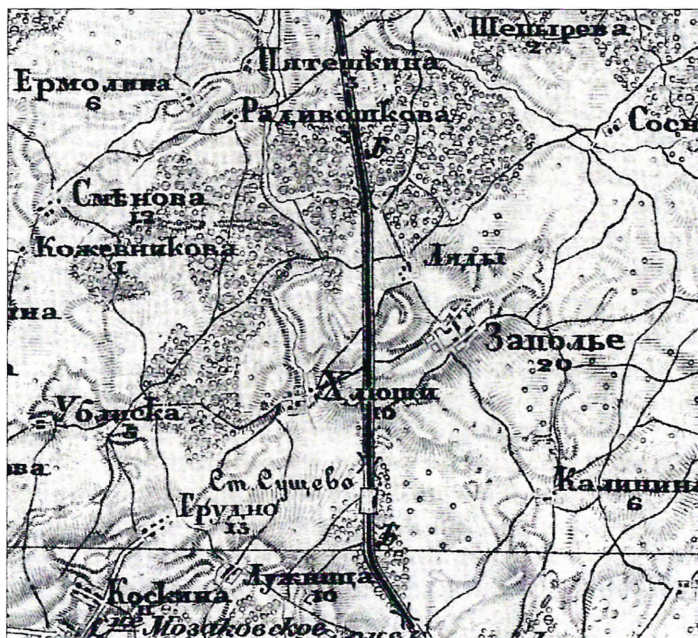
На заседании Новоржевского уездного земского собрания от 1 октября 1903 г. представлено отношение, об устройстве в уезде телеграфной связи с приложенным проектом правил. По обсуждении собрание постановило, что проект должен быть дополнен соединением телефонной сетью с Сушевской железнодорожной станцией на протяжении от Бежаниц до 4-х верст.

В 1904 г. началось строительство подъездного пути для почтового и торгового сообщения от Бежаниц до станции Сушево. Вот тогда и был возведен новый (кирпичный) вокзал уже по другую сторону железной дороги. Он был полностью разрушен в 1941 г. во время Великой Отечественной войны [10].

На заседании Новоржевского уездного земского собрания от 30 сентября 1904 г. Находя приведенные в докладах управы доводы относительно упорядочения и развития дела по сбыту скота в столицу уважительными, собрание постановило возбудить ходатайство:

О том, что на существующих в Новоржевском уезде единственных железнодорожных станциях (Чихачеве и Сушево) обязательно бы принимался рогатый скот, свиньи, птицы и др., а также мясные туши для отправки по железной дороге и, чтобы на станциях этих имелся в достаточном количестве надлежащее для этого рода перевозки приспособление со специальным и хорошим ледником.

Уменьшить железнодорожный тариф за перевозку означенного скота, птиц и туш [6].

На фрагменте карты XIX века станция Сушево, нанесена на старую карту по съемке 1903 года

Железнодорожная станция Бежаницы (ныне Сушево)

Железнодорожная станция Сушево. Фото 2021 г. Л. В. Озерской

Железнодорожная станция Чихачево

Современный вокзал станции Сушево, уже третий по счету, выстроен в 1950-х гг.

С завершением строительства железной дороги Санкт-Петербург — Витебск (1904 г.) село Бежаницы получило статус поселка. В начале XX в. в Бежаницах были: школа, женская портняжная мастерская, пожарное депо, телеграф, больница, аптека, хлебопекарня. В Сушево — чернильная мастерская, мастерская часовых дел, химическая мастерская, парикмахерская, хлебопекарня. Были также мельница с нефтяным двигателем в Ашеве, ветряные мельницы в Чихачеве, мельница с паровым двигателем в д. Коскино, пиво-медоваренный завод в с. Кудеверь, лесопильный и мукомольный заводы Левинсона в Сушево, лесопильный завод Малаховского в с.Ашево и многое другое.

С 1945 г. на станции Сушево работал паровозы малой мощности серии Ов, Эм, ЕЭ, которые имели малую мощность в движении груза. Весовая норма поезда было 1400 тонн, для паровозов ТЭ 1700 тонн, Ов работал на формировании поездов, поскольку он активен только для маневровой работы.

С 1950-х гг. ввели единые мощные паровозы СО. Для этой серии весовая норма поезда была 2000 тонн. Со временем для этих паровозов были увеличены нормы веса поезда за счет усиленных рельсов.

С 1959 г. паровозы этой серии переоборудовали на нефтяное отопление, что облегчило труд паровозных бригад и дало хороший показатель в экономии средств транспорту.

На территории Бежаницкого района находится еще станция Чихачево и 5 разъездов: Плотовец, Ашево, Лозовицы, Загоскино и Тигощи.

Название станции Чихачево связано с именем видного деятеля Российского военно-морского флота адмирала Николая Матвеевича Чихачева, который имел недалеко от неё родовое имение Добрывичи, в котором он родился в 1830 г. и похоронен в 1916 г.

Разъезд Ашево получил свое название 15 июля 1907 года по расположенному недалеко одноименному торговому селу Ашево. Здесь сохранился редкий для Петербургско-Витебской железной дороги дореволюционный вокзал постройки 1901 г. Здание построено из красного кирпича, правда, в наши дни выкрашено в цвета Российской железной дороги. Разъезды Загоскино, Лозовицы, Тигощи получили своё современное название в советский период, в 1920-е гг. — Загоскино, в 1930-е гг. — Лозовицы и Тигощи. Тигощи назван по одноименной близкой к железной дороге деревне. А саму деревню Тигощи, насколько нам известно, сожгли нацисты весной 1943 г. После войны она возродилась, но старых домов не осталось. Название разъездов Лозовицы и Загоскино не выяснено [1].

Прошло 120 лет со времени первого пробного движения на участке железной дороги Дно — Новосокольники. Дорога и сейчас является жизненно важной.

Литература и источники

1. [Электронные ресурсы] Псковские железные дороги: <http://pskovtrial.ru>
2. *Анисимова Н. В.* Земская деятельность Дмитрия Александровича Философова // Философовские чтения: сборник материалов Восьмых Философовских чтений. Псков, 2019. С. 11–21.
3. *Казюлин Н.* Первая железная дорога в Бежаницах // Сельская новь. 1986. 18 сент.
4. Новоржевское уездное земское собрание: заседание 3 октября 1902 года // Журналы Новоржевского уездного земского собрания сессии 1902 года: [заседания 28, 30 сентября, 1, 2, 3, 4 октября]. Псков: Типография Губернского Земства, 1903. С.45–61. Цифровая копия в Электронных ресурсах. Режим доступа: <http://pskovbook.ru/146-zemstvo/novorzhenskoe.-uezdnoe-zemstvo>
5. Новоржевское уездное земское собрание: заседание 1 октября 1903 года // Журналы Новоржевского очередного уездного земского собрания сессии 1903 года: бесплатное приложение к № 4 «Вестника Псковского Губернского Земства» за 1904 год. Псков: Типография Псковского Губернского Земства, [1904]. С. 7–14. Цифровая копия в Электронных ресурсах. Режим доступа: <http://pskovbook.ru/146-zemstvo/novorzhenskoe.-uezdnoe-zemstvo>
6. Новоржевское уездное земское собрание: заседание 30 сентября 1904 года // Журналы Новоржевского уездного земского собрания сессии 30 сентября, 1, 2, 3, 4 и 5 октября 1904 года: бесплатное приложение к № 6-му «Вестника Псковского Губернского Земства» за 1905 год. Псков: Типография Губернского Земства, [1905]. С. 1–7. Цифровая копия в Электронных ресурсах. Режим доступа: <http://pskovbook.ru/146-zemstvo/novorzhenskoe.-uezdnoe-zemstvo>
7. Псковская энциклопедия / Гл. ред. А. И. Лобачёв. Псков: Псков. регион. обществ. Учреждение «Псковская энциклопедия», 2003. С. 246–248.
8. *Соловьев Р.* Как строилась железная дорога // Сельская новь. 1987. 15 авг.
9. *Соловьев Р.* Сущево // Сельская новь. 1990. 14 авг.
10. *Соловьев Р.* Первый железнодорожный вокзал // Сельская новь. 1990. 1 февр.

Смирнова Татьяна Михайловна
Чихачёвская средняя школа,
п. Чихачёво, Псковская область, Россия
e-mail: smirtatmix@yandex.ru

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ БЕЖАНИЦКОГО РАЙОНА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: Цель данной работы — исследование и систематизация археологических памятников Бежаницкого района Псковской области. Основным источником сведений о памятниках является Кадастр «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области», где указывается тип, наименование памятников, дается краткая характеристика каждого памятника и отмечается его статус. Для характеристики археологических памятников использовались труды Псковского археологического общества, а также «Записки Императорского Русского археологического общества», где приведен отчет о раскопках, проведенных В. Н. Глазовым. Большой объем информации об истории Бежаницкого района содержится в книге известного в Бежаницком районе педагога и краеведа П. В. Солодова. Изученные сведения позволили определить виды распространенных памятников археологии, определить географические особенности их распространения.

Ключевые слова: древние погребения, фортификации, городища, селища, курганы, клады, археолог В. Н. Глазов, археолог Г. И. Сондоевский, краевед П. В. Солодов

Tatyana Smirnova
Chikhachevskaya secondary school,
Pskov region, Chikhachevo

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE BEZHANITSKY DISTRICT OF THE PSKOV REGION

Abstract: The purpose of this work is to study and systematize the archaeological monuments of the Bezhanitsky district of the Pskov region. The main source of information about monuments is the Cadastre "Interesting natural and historical and cultural objects of the Pskov region", where the type and name of monuments are indicated, a brief description of each monument is given and its status is noted. To characterize the archaeological sites, the works of the Pskov Archaeological Society were

used, as well as the "Notes of the Imperial Russian Archaeological Society", which contains a report on the excavations conducted by V. N. Glazov. A large amount of information about the history of the Bezhanitsky district is contained in the book of the well-known teacher and local historian P. V. Solodov in the Bezhanitsky district. The studied information made it possible to determine the types of widespread archaeological monuments, to determine the geographical features of their distribution.

Key words: ancient burials, fortifications, ancient settlements, settlements, mounds, treasures, archaeologist V. N. Glazov, archaeologist G. I. Sondoevsky, local historian P. V. Solodov

Древние погребения. Остатки фортификаций. Жизнь в Бежаницком районе зародилась прежде всего по берегам рек Алоль и Полюсь. Поэтому большая часть памятников древности находятся на западных и восточных землях. Это древние городища и селища, крепостные холмы, валы, рвы, сопки, курганы, могильники.

На землях деревень Романово, Тютино, Дыркино Бардовской волости имеется более 50 круглых и длинных курганов, из которых два в виде валов. Расстояние между курганами от 2,3 до 6,4 м, высота от 1 до 2 м, диаметр от 5,3 до 15 м. Возле крупных курганов имеются кольцеобразные ровики с перемычкой на южной стороне [1, с. 219].

Курганы были исследованы археологом В. Н. Глазовым в 1900 г. В первом кургане в основании обнаружен тонкий угольно-пепельный слой. Во втором оказалось кострище, на котором обнаружены в небольшом количестве пережженные кости в разной степени обугленности, довольно крупные куски угля и зола, перемешанная с пережженным песком; под кострищем земля уплотнилась. На уровне материка никаких следов погребения не оказалось. В остальных семи курганах в основании тонкий угольно-пепельный слой [1, с. 221].

У деревни Дыркино было раскопано два круглых и один длинный курган. В одном из них найдены черепки грубой работы, в остальных перегорелые кости [2, с. 164–165].

Судя по полученным данным и собранным от крестьян предметам с распаханных курганов, они относятся к X в. Тогда у наших предков существовал обряд трупосожжения. Длинные курганы, как установлено В. Н. Глазовым, являются местами коллективных погребений.

В 1893 г. помещик Любимов на своей пустоши Горелый Бор (в двух верстах от Подоржевки) обнаружил большое количество курганов и земляных валов, исследовал 10 из них, но ничего не нашел, кроме камней и металлической пряжки, принадлежавшей княжескому ратнику. Об этом есть сведения в «Материалах для археологической

карты Псковской губернии» (1914 г.). Поэтому надо думать, это не могильник, а фортификационное сооружение [2, с. 161]. Но это не расстроило дальнейшие поиски Любимова. Через Археологический комитет он привлек к этой работе археолога Сондоевского Г. И. который определил, что курганы и валы непрерывной лентой тянутся здесь с запада на восток более чем на 14 км. Внешней стороной они обращены на юг, то есть в том направлении, откуда ожидался враг. Сондоевский установил, что эта система валов и курганов представляет собой не могильник, а древнюю систему фортификационных сооружений, возведенных для отражения врага [3, с. 14].

Памятники древности на территории района свидетельствуют и о другом важном на Руси историческом событии. Известно, что в конце X в. Киевской Русью было принято христианство. Новая религия запрещала трупосожжение и захоронение в курганах. Появился новый вид погребений — жальники, предусматривавший захоронения умерших и погибших на поверхности земли или в ямах. Ранних жальников в районе нет. Открытые В. Н. Глазовым жальники у Бардова и Гнеталова (Кудеверская волость) относятся к XIII–XIV вв. Могилы этих жальников обложены камнями средней величины в форме круга или овала.

Жальник (фото из фондов Бежаницкого ИКЦ Философовых)

В Дворицкой волости у деревни Пожары есть три курганные насыпи, исследованные В. Н. Глазовым; у деревни Дегжа (Махновская волость) имеется круглая сопка, высота которой 6,4 м и диаметр 13 м.

В дореволюционное время сопка была раскопана местными жителями, найдены уголь и зола [2, с. 161]. У деревни Кунавино (Бежаницкая волость) находится одинокий, внушительных размеров, курган круглой формы. Такие курганы, как у деревень Дегжа и Кунавино, в других местах воздвигались племенным вождям, а здесь, видимо, их насыпали члены одной большой семьи и притом постепенно.

Курган у д. Кунавино

Особенно богаты курганами земли деревни Заполье (Бежаницкая волость). Здесь находятся две группы курганов, по десяти насыпей в каждой группе. Курганы у Заполья исследованию не подвергались.

Много в районе памятников древности, связанных с рекой Полисть (бывший Ухошинский сельсовет). Около деревни Ухошино, на правом берегу реки Полисти, находится сопка внушительных размеров: 5,3 м высотой и 21,3 м. в окружности. Жители называют ее «Сонной сопкой». Сопка не исследована, но случайные находки — человеческие кости — свидетельствуют, что это древний могильник.

Неподалеку от Ухошина, по направлению к бывшей деревне Гвездено, на левом берегу реки Полисть, находится вал длиной 75 м и высотой 4,3 м. Вал из чистого речного гравия, определено, что он искусственного происхождения. Вероятнее всего, вал построен для задержания литовских отрядов, часто появлявшихся в пределах новгородских владений [3, с. 31].

Фортификационное сооружение больших размеров открыто у деревни Малое Городище (бывший Ухошинский сельсовет). Здесь сооружен вал в виде продолговатого кольца от 70 до 140 см высоты. Предполагается, что вал был значительно выше.

Ухошинский край богат и другими памятниками древности — сопками, курганами, кладбищами, но они никем не исследованы.

Клады. Богата Бежаницкая земля кладами. Они свидетельствуют о том, что жители района в далекие времена были связаны торговыми отношениями со многими странами Западной Европы и Арабского Востока. В дореволюционные времена на одном из огородов деревни Демшино (Туровская волость) был найден клад весом 15 фунтов 70 золотников, состоявший из куфических (арабских) и англосакских монет X в. Среди найденного находились серебряные пряжка-фибула и серьги, обе скандинавского производства [3, с. 16].

Своим содержанием демшинский клад подтверждает, что жители бежаницких селений более тысячи лет назад вели оживленную торговлю с купцами Арабского Востока и Западной Европы (в данном случае с Англией и Скандинавией).

В 1896 г. при археологических работах у деревни Подоржевка (Бардовская волость) были найдены искусно изготовленные предметы женских украшений IX–X вв.: обломок шейной гривны, бронзовая пряжка и бронзовая булавка с обломанным ушком для подвески. Все предметы свидетельствуют о том, что на рубеже I и II тысячелетий на Руси уже имелись искусные мастера по изготовлению металлических украшений, не уступавшие в изяществе отделки заграничным образцам [3, с. 16].

Таким образом, Бежаницкий район богат древними памятниками, но они мало изучены. До сих пор Бежаницкая земля хранит в себе многие тайны минувших веков. Они ждут своего открытия и изучения.

Литература и источники

1. *Глазов В. Н.* Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. в Опочецком и Новоржевском уездах // Записки имп. Русского археологического общества. СПб., 1901. Т. 12, вып. 1–2. С. 221–223.
2. *Окулич-Казарин Н. Ф.* Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды Псковского археологического общества. Псков, 1914. Т. 10. С. 131–293.
3. *Солодов П. В.* Бежаницы: Историко-географический очерк. [Б. м.]: Издательский дом «Стерх», 1998, 148 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.pskovbook.ru/%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B.pdf/view>

Авторы статей

Анисимова Надежда Владимировна, хранитель фондов МБУК «Бежаницкий историко-культурный центр Философовых», п. Бежаницы (Псковская обл.).

Беляева Лидия Александровна, краевед, г. Великие Луки (Псковская обл.).

Васильева Полина Ивановна, краевед, п. Бежаницы (Псковская обл.).

Вахромеева Оксана Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

Иванова Татьяна Григорьевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

Касаткина Светлана Вадимовна, кандидат исторических наук, директор Заволжского городского художественно-краеведческого музея, г. Заволжск (Ивановская обл.).

Ксенофонтова Светлана Викторовна, заведующий Бежаницкой центральной районной библиотекой им. Анны Павловны Философовой, п. Бежаницы (Псковская обл.).

Ндия Ивона Анна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой восточнославянских литератур, Институт восточного славяноведения Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша).

Петраускаене Надежда Фаддеевна, директор Литературного музея А. С. Пушкина, г. Вильнюс (Литва).

Смирнова Татьяна Михайловна, учитель истории Чихачевской средней школы, п. Чихачево (Псковская обл.).

Философова Татьяна Георгиевна, доктор экономических наук, профессор, профессор НИУ ВШЭ, член Русского генеалогического общества, г. Москва.

Цуканова Анна Валерьевна, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.

Шехурина Людмила Диодоровна, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного института культуры, г. Санкт-Петербург.

Содержание

К читателям сборника	3
<i>Философова Т. Г.</i> Наследие дворянского рода Философовых и Бежаницкий Историко-культурный центр	5
<i>Вахромеева О. Б.</i> Вклад А. П. Философовой в университетское образование женщин в России	10
<i>Цуканова А. В.</i> Дневник Владимира Дмитриевича Философова как исторический источник	28
<i>Васильева П. И.</i> Дело о пожаре в селе Цевле помещицы Креницыной	35
<i>Шехурина Л. Д.</i> Д. В. Философов и Г. К. Лукомский	44
<i>Ндяй Ивона Анна</i> Эмигрантская публицистика Д. В. Философова: исследования и перспективы	53
<i>Касаткина С. В.</i> Дворяне Философовы в Кинешемском уезде Костромской губернии ...	71
<i>Петраускене Н. Ф.</i> Святая равноапостольная Мария Магдалина — небесная покровительница Марии Алексеевны Философовой: из истории строительства домово́й церкви святой великомученицы Варвары в Маркутье	84
<i>Иванова Т. Г.</i> Александр Васильевич Триумфов — сын священномученика Василия Бежаницкого	96
<i>Анисимова Н. В.</i> Бежаницкая школа: у истоков традиций	105
<i>Беляева Л. А.</i> Из истории народного образования Кудеверской волости	116
<i>Ксенофонтова С. В.</i> Из истории создания железнодорожной линии Дно — Новосокольники	128
<i>Смирнова Т. М.</i> Памятники археологии Бежаницкого района Псковской области	138
Авторы статей	143

Научное издание

ФИЛОСОФОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Сборник материалов
девятой Философских чтений*

ISBN 978-5-09-000016-6

9 785002 000166 >

Компьютерная вёрстка: Е. Н. Богданова

Подписано в печать: 18.10.2021. Формат 60×90/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 9,125.
Тираж 200 экз. Заказ № 5981.

Отпечатано с готового оригинал-макета

Адрес издательства:
Россия, 180000, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4^а, корп. 3^а.
Псковский государственный университет

Бежаницкий историко-культурный центр Философовых.
Фото Марковой В. В.